

18+

SOFTCORAL

[TOM 4]

Стань светом
в темном море

Softcoral

**Стань светом в
темном море. Том 4**

**Серия «Стань светом в
темном море», книга 4**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74289446
Стань светом в темном море. Том 4: РОСМЭН; Москва; 2026
ISBN 978-5-353-12215-9*

Аннотация

Аварийная лестница, ведущая наверх через 50 этажей, – последний шанс для Пак Мухёна и тех, кого он пытается спасти, выбраться с подводной станции. Тихий стоматолог, никогда не считавший себя героем, готов раз за разом жертвовать собой, чтобы поднять на поверхность поверивших в него людей. Но его ждет потрясение, когда он узнает тайну Церкви Бесконечности. Истинная цель эксперимента – не спасение человечества и не возможность переиграть прошлое горстки избранных, а нечто совсем иное. А Пак Мухён – не случайная жертва эксперимента, но идеальный подопытный, которого любыми способами заставляют принять единственно возможное решение. И оно станет концом всего. Для отчаявшихся людей Пак Мухён

стал светом, который выведет их из тьмы. Но не предаст ли их этот свет?

Содержание

Глава 250. Субмарина. Часть 1	9
Глава 251. Субмарина. Часть 2	18
Глава 252. Субмарина. Часть 3	28
Глава 253. Субмарина. Часть 4	39
Глава 254. Субмарина. Часть 5	48
Глава 255. Субмарина. Часть 6	59
Глава 256. Субмарина. Часть 7	68
Глава 257. Субмарина. Часть 8	77
Глава 258. Столкновение. Часть 1	86
Глава 259. Столкновение. Часть 2	95
Глава 260. Столкновение. Часть 3	106
Глава 261. Столкновение. Часть 4	115
Глава 262. Столкновение. Часть 5	126
Глава 263. То, что не горит. Часть 1	135
Глава 264. То, что не горит. Часть 2	144
Глава 265. То, что не горит. Часть 3	153
Глава 266. То, что не горит. Часть 4	162
Глава 267. То, что не горит. Часть 5	172
Глава 268. То, что не горит. Часть 6	181
Глава 269. Драгоценные камни. Часть 1	190
Глава 270. Драгоценные камни. Часть 2	199
Глава 271. Драгоценные камни. Часть 3	208
Конец ознакомительного фрагмента.	214

Softcoral
Стань светом в
темном море. Том 4

Данное издание является художественным произведением и не пропагандирует совершение противоправных и антиобщественных действий, курение и употребление алкогольных напитков. Курение и употребление алкоголя вредят вашему здоровью. Описания и/или изображения противоправных и антиобщественных действий обусловлены жанром и/или сюжетом, художественным, образным и творческим замыслом и не являются призывом к действию.

© 2021, Softcoral. All Rights Reserved

© ООО «РОСМЭН», 2026

Глава 250. Субмарина. Часть 1

На центральной площади Хёнмудона ярко светили прожекторы, но стоило свернуть в коридор, и атмосфера сразу стала гнетущей. Количество светильников резко поубавилось, да и проход сужался. Именно такой я представлял себе типичную Подводную станцию – тесную, давящую. Когда мы шли к эвакуационному отсеку, я этого не заметил, – навстречу выбежали шахтеры, было не до того. А теперь, в пустом коридоре, здание само по себе казалось жутковатым. После аккуратных, почти новеньких корпусов Пэкходона и Чучжакдона контраст ощущался особенно остро: как будто вышел из ослепительно-яркого офисного здания с миллионами люминесцентных ламп и попал в дом из американских фильмов про маньяков, где на стенах висят тусклые торшеры.

Здание было старым, и это чувствовалось сразу. В нос бил тот самый сыроватый, затхлый запах, каким тянет во время

дождя, только вперемешку с чем-то непонятным. В других корпусах о том, что мы под водой, напоминали разве что отсутствие окон да легкая вибрация. Здесь же все было на виду: торчащие болты, открытые кабели, над головой – переплетение труб.

Похоже, Хёнмудон строили как пробную версию станции, а уже потом с учетом ошибок возвели остальные корпуса. Мы прошли всего ничего, а у меня уже сложилось впечатление, что здесь гораздо теснее и темнее, чем в остальных районах. Видимо, и планировка Хёнмудона сильно отличалась. Похоже, это и правда самое старое здание на станции. Интересно, как они вообще защищали такие сооружения от коррозии? Должны же регулярно проверять состояние конструкции, проводить тесты на прочность? Ну должны же, да?

Я шел, глядя только на спину впереди, и не заметил торчащую из стены трубу. Врезался голенью прямо в железяку так, что из глаз брызнули слезы. Стиснув зубы, я обеими руками схватился за ногу. Чжэхи спросил, в порядке ли я. Я лишь махнул рукой: мол, нормально. Открой я рот, вырвались бы только стоны да поток нецензурной лексики.

Ну почему человеческое тело такое хрупкое? Уверен: никак обеспечен. Знакомая тупая боль уже разливалась по голени. Подняв взгляд на трубу, я заметил, что вся стена рядом исписана ругательствами.

Кто-то обмотал трубу тряпками и скотчем, но от вечных ударов все отвалилось. Видимо, каждый второй шахтер хоть

раз да попался в эту ловушку.

– Идти можете?

– Да...

Услышав мой ответ, Син Хэрян без лишних слов пошел вперед, Чжэхи постучал пальцами по своей ноге. Ну да, у меня-то нога обычная.

– Может, тоже замените на дюралюмин?

– Обойдусь.

Чуть прихрамывая, я мысленно проклинал проектировщиков станции. Почему эвакуационный отсек с субмаринами нельзя было построить рядом с эвакуационным отсеком со спасательными капсулами? Зачем разносить их по разным концам? Чтобы один был резервом на случай поломки другого? Ну ладно. Тогда выходит, все сделано правильно.

Пока я мысленно ругал торчащие трубы, впереди показалась комната отдыха. Пол там был залит кофе, на столе валялись недоеденные бургеры, а вокруг – рассыпанные чипсы.

Чжэхи наклонился и поднял с пола бумажник. Видимо, кто-то обронил в спешке. Бумажник был мокрым от кофе, но, похоже, только снаружи. Чжэхи раскрыл его и первым делом полез в отделение с наличкой. Я впервые видел такие банкноты. На доллары непохожи.

– Это какой страны? Никогда таких не встречал.

– Австралийские доллары. Должно быть, хозяин кошелька – австралиец. Или в Австралии бывал.

Ого. Значит, у Австралии свои доллары. Тогда, выходит,

у Новой Зеландии – свои? Чжэхи тем временем продолжал просматривать содержимое – водительские права, карты, а потом вытащил из кошелька целую пачку купюр: австралийские доллары вперемешку с американскими, нашими десяти тысячными банкнотами и японскими йенами. Ну да. Живешь на станции – кошелек превращается в валютный склад. У меня тоже было немного долларов, которые я успел обменять еще до приезда сюда.

Я шел рядом, поглядывая, чем Чжэхи там занят. Идущий впереди Син Хэрян тоже заметил, что делает его подчиненный, но только нахмурился, останавливать не стал.

Чжэхи, довольный как кот, сунул мне пачку денег:

– Держите.

С ума сойти. Голень пульсировала болью, теперь еще и голова разболелась.

– Нет, спасибо. Вы зачем мне деньги суете? Положите обратно.

– Вы же сами сказали, что австралийских долларов ни разу не видели.

– Пусть я и жил небогато, но до кражи чужих кошельков никогда не опускался. Оставим его здесь, вдруг хозяин еще вернется.

– Деньги по правилам остаются у того, кто их нашел. А сам кошелек потом можно вернуть владельцу за пятьдесят баксов, вместе с карточками и ID.

– Что? Почему за пятьдесят?

– Если запросить больше, владелец плюнет и не станет выкупать.

То есть хозяин должен выкупать у вора собственный кошелек? Бред какой-то. Я перевел взгляд на идущего впереди Син Хэряна и уточнил.

– Да. Все так.

С ума сойти. И почему Чжэхи так спокойно шарит в чужом кошельке и еще пихает мне деньги?! Засунул бы в свой карман, я бы понял. А так... Ну и что мне с этим придурком делать?

– Верните деньги на место, – повторил я, не притронувшись к купюрам.

Чжэхи несколько сник, засунул купюры обратно в бумажник и, косясь на меня, швырнул его в глубь коридора. Бумажник описал дугу и шлепнулся на пол. Но только я почувствовал облегчение, как Чжэхи поинтересовался:

– Предпочитаете пожертвования в виде золота или бриллиантов?

– Никакого золота! И никаких бриллиантов! Просто не трогайте чужие вещи, ясно?! И вы, Хэрян, почему спокойно смотрите, как ваш человек обчищает чужие кошельки?!

Я не слышал слухов о том, что команда «Ка» – сборище карманников, зато слышал о кулаках Син Хэряна. Судя по всему, он не позволил бы своим подчиненным безнаказанно красть чужое и портить репутацию команды. Разве что они никогда не оставляют улики? Надеюсь, не второе.

– В обычной ситуации я бы остановил. Но сейчас – да, я недосмотрел. Прошу прощения.

И вот тут я окончательно потерял дар речи. Скажи он: «А что я-то? Пусть сам отвечает за свои дела», и я бы даже не спорил. А он не только извинился, он даже оправдываться не стал.

– И все же почему вы его не остановили?

– Хотел посмотреть, как вы отреагируете.

– Ну и? Удовлетворены результатом?

– Все как я ожидал.

Я только схватился за голову.

– Наш спаситель слишком принципиальный. – Чжэхи театрально вздохнул и развел руками. – Значит, вам по душе деньги, добытые честным трудом, да? Не быстро срубленные, а такие... чтобы на каждой купюре – кровь, плоть, нервы и годы жизни. Деньги, пропитанные тяжким трудом пролетариев. Такой эстетический вкус я понимаю.

Да что ты там понимаешь?! Вот бы разок врезать обоим – и ему, и Син Хэряну. Может, мозги на место встанут. Хотя, скорее всего, только руку расшибу. Рядом с этими двумя я буквально чувствовал, как у меня давление зашкаливает. Нет, так я долго не протяну. Надо как можно скорее отправить их наверх, иначе я тут не от сектантов, а от инсульта слягу.

Мы свернули в коридор, ведущий прямым к отсеку с субмаринами, и тут Син Хэрян обернулся и негромко пре-

дупредил:

– Кровью пахнет.

У меня по затылку побежали мурашки. Я принялся – ничего. Морская соль, влажный бетон, пыль, сырость – хоть убей, крови не чую.

Однако в одной из прошлых итераций Син Хэрян был единственным, кто почувствовал, что у меня кот в рюкзаке. Кажется, у него нюх как у охотничьего пса. Интересно, много ли пользы от такого обоняния? Ну можно почувствовать кровь. Да и понять, что еда протухла, для него, наверное, раз плюнуть.

Син Хэрян сказал, что первым войдет в док, проверит обстановку и потом уже позовет нас. Похоже, он ожидал, что внутри окажется раненый, а если не повезет – еще и тот, кто его ранил.

Я предложил войти втроем. Зачем одному рисковать, если можно хотя бы численностью отпугнуть возможную угрозу?

Чжэхи мою идею поддержал и бодренько добавил, что, если с Син Хэряном что-нибудь случится, нам все равно крышка. Син Хэрян несколько секунд подумал и, как ни странно, согласился. Просто кивнул, будто в этом действительно была логика. Так мы втроем и вошли в отсек с субмаринами.

Внутри на полу валялись обрывки одежды, книги, осколки разбитой электроники – будто шахтеры, убегая, бросали все как попало. В углу лежал крупный мужчина. Под ним растекалась лужа крови, а вокруг пестрели следы от подошв.

Син Хэрян бегло осмотрел помещение и сразу отрезал:
– К телу не подходить.

Пошел сам. Присел, проверил и сообщил:
– Мертв.

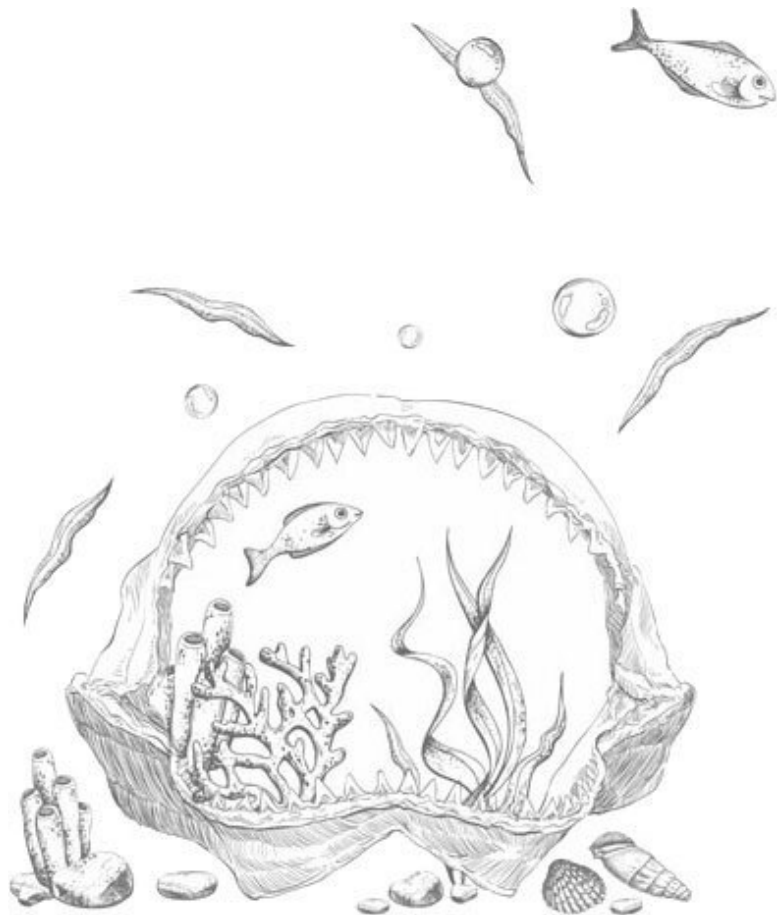
Белый мужчина, руки все изрезаны – видно, пытался закрываться. Живот – сплошное решето, его кололи чем-то острым снова и снова.

Зрелище было жуткое, но, как ни странно, особого страха я не почувствовал. Страшнее было снаружи, когда ты ничего не знаешь и воображение дорисовывает кучу ужасов. Когда стало ясно, что случилось, удушающая паника заметно отпустила, а понимание, что убийцы с ножом внутри нет, даже немного успокоило. Стало ясно, почему в ужастиках герои вечно лезут проверять, что прячется за шевелящейся занавеской или в темном подвале, – страшнее ведь то, чего не видишь.

Я заметил, что Син Хэрян вглядывается в лицо покойного, и спросил:

– Вы его знали?

– Он был командиром одной из горнодобывающих команд. Не помню, какой именно. Как-то получил от меня по шею.

Глава 251. Субмарина. Часть 2

Син Хэрян несколько секунд всматривался в залитое кровью лицо, а потом покачал головой:

– На базе слишком много всего произошло. Так сразу и не вспомнить.

– Как думаете, убийца может прятаться где-нибудь поблизости? – спросил я.

– Я проверил ангар, как только мы зашли. Прятаться негде – особенно так, чтобы устроить засаду.

И правда. Вместо того чтобы сразу подойти к труп, Син Хэрян сначала сделал полный круг по помещению. Будто опасался, что, пока все таращатся на тело, кто-то может подкрасться сзади и напасть.

Что у него в башке творится, если он даже в такой ситуации первым делом думает о засаде? Труп он тоже осматривал в одиночку, а нас подозвал только потом. Почему? Ну... наверняка была причина. Вдруг он подумал, что под трупом мина или какая-нибудь штука с детонатором?

Чжэхи наклонился и показал на следы, оставленные на крови.

– Цепочек следов несколько. Похоже, убийц было не меньше двух.

– Он знал их, – отозвался Син Хэрян. – Первый удар – в живот. Он пытался защититься – руками, локтями, – но не смог.

Командир махнул, показывая, как именно наносили удары.

– Пока один из нападавших стоял напротив с ножом, другой ударил жертву по лбу краем планшета. Это понятно по форме раны. Судя по брызгам крови, был еще третий нападавший – он схватил жертву за руку, когда тот попытался защититься. Убийц было как минимум трое. Вероятнее всего, дело в личной неприязни к старшему по должности.

Я решил не спрашивать, откуда Син Хэрян в курсе, какая рана остается после удара краем планшета. Как говорится, меньше знаешь – крепче спишь.

Син Хэрян говорил настолько спокойно и буднично, будто речь шла о каком-то бытовом случае, а не о нападении на начальство. И оттого, что он и сам был начальником, мне стало неловко, хотя я вообще был ни при чем и формально ему не подчинялся.

В голове внезапно включилась самодиагностика: интересно, считали бы меня хорошим подчиненным?

И тут Чжэхи ляпнул то, что лучше было оставить при себе:

– А-а, ясно. Пока все в панике рвали когти, кто-то из команды воспользовался моментом и грохнул нелюбимого начальника? Молодцы.

Он говорил тоном человека, которому только что рассказали нечто забавное, и смотрел в упор на своего начальника.

Син Хэрян заметил это, оторвал взгляд от трупа и повернулся к нему:

– У тебя ко мне претензии?

– Не то чтобы, – с дурашливой улыбкой ответил Чжэхи, и я только сильнее почувствовал, насколько неуместным был вопрос.

Син Хэрян, ты ведь сам начальник. Ну кто в здравом уме скажет руководителю в лицо: «Да, ты меня бесишь»? Впрочем, Со Чжихёк мог бы. Кан Сучжон – тем более.

Не успел я додумать мысль, как Син Хэрян решил подлить масла в огонь:

– А у остальных членов команды?

Что это сейчас было? Предложение сдать коллег?

К моему удивлению, Чжэхи ответил спокойно, почти торжественно:

– Даже если будете меня пытаться, все равно не скажу.

Син Хэрян усмехнулся, глядя на Чжэхи так, будто пытаться его смысла нет, а потом спросил:

– Чжихёк? Санхён?

– В точку.

Сдал и глазом не моргнул. Это было настолько неожидан-

но, что я не выдержал – прыснул от смеха. Ну надо же, какая преданность. Даже не попытался их прикрыть.

– Особенно Санхён. Видно же, что у него к вам целый список претензий.

– Интересно, – протянул Син Хэрян, – и каких же?

Ну, если построить в ряд всех, у кого есть претензии к Син Хэryanу, и позволить каждому сказать хотя бы по паре слов, пролетит неделя. Я бы и сам, пожалуй, встал в этот ряд.

Син Хэрян... Ты – третий в моей жизни человек, который умудрился оставить в моей душе незаживающую рану. Первыми двумя были отец и Со Чжихёк.

А еще ты единственный, кто так ловко загрузил меня работой, что я даже не понял, как это произошло.

Дальше можно не продолжать. Список будет длинным.

– Он говорит, – продолжал Чжэхи, – что с самого начала не хотел здесь работать и быть частью команды. Считает себя слишком крутым, чтобы торчать в такой дыре. А еще ему кажется, что вы следите за каждым его шагом. Ему, мол, дышать нечем – вы весь кислород ему перекрыли.

Син Хэрян кивнул, выслушав до конца:

– Учитывая уровень Санхёна, наша команда для него в самый раз. И ему не кажется. Я за ним действительно слежу.

– Серьезно? А если Санхён тоже психанет и кинется на вас с ножом?

– Он и кухонного в руках не держал. Но если вдруг надумает, то пусть поторопится. Скоро я увольняюсь.

Чжэхи скользнул взглядом по окровавленному лицу командира одной из горнодобывающих команд. Некоторое время молча смотрел, потом достал из кармана платок и небрежно вытер кровавую корку, убрал спутанные волосы. Стали различимы черты лица. Чжэхи присвистнул.

– А. Это ведь тот самый. Ну, который ради показателей заставлял свою команду работать без перерывов на еду и сон. Даже в сортир не пускал. Один парень облажался, так он его сфоткал и выложил на форум. Помню-помню. Как же его звали... Рафаэль кто-то там.

– Рафаэль Яник, – сказал Син Хэрян. Сразу понял, о ком речь.

– Зачем так делать? – спросил я.

– Между горнодобывающими командами жесткая конкуренция за объем добычи. Говорят, начальник команды, которая занимает первое место, получает в месяц на десять миллионов вон больше, чем тот, чья команда занимает последнее. Зарплата зависит от того, сколько ты выжмешь из своей команды. Вот они и сходят с ума.

– Даже если так... Система базы, «МАРИЯ», признает рабочим временем только восемь часов. Дольше работать все равно не получится.

– Можно просто не отмечаться в системе, – пожал плечами Чжэхи.

Я на секунду просто потерял дар речи. Звучало так, будто по договору ты должен приступить к работе с девяти, а по

факту от тебя ждут, что ты будешь приходить в пять. Ужас какой.

– И что, никто не жаловался?

Син Хэрян, который все еще осматривал тело, поднял голову и посмотрел в сторону подводных лодок.

– В горнодобывающей работают в основном контрактники, и руководители этим пользуются – угрожают, что не продлят контракт или пожалуются в рекрутинговую компанию. Такая вот мотивация. Поначалу я его не узнал – он перекрасился и потолстел как минимум на двенадцать килограммов, – но это тот самый человек, который засунул черепаху в ROV.

Стоявший рядом Чжэхи щелкнул пальцами, как будто что-то вспомнив.

– А, я что-то такое слышал. Но эта история случилась до моего приезда, и, сколько я ни пытал Чжихёка, он ни слова не сказал. Только матерился от души.

– Один из сотрудников нашел на побережье раненую черепаху, выходил ее и держал у себя в комнате. Рафаэль Яник решил засунуть ее в ROV, просто чтобы посмотреть, что будет.

Похоже, этот ROV – нечто вроде беспилотного подводного аппарата. Можно ли сажать туда животных? Насколько знаю, людей нельзя. Кажется, это в принципе должно быть под строгим запретом.

На мгновение лицо Син Хэряна стало таким, будто он хо-

тел оживить этого Рафаэля Яника и убить еще раз. Я моргнул, но в следующую секунду выражение его лица снова стало обычным – непроницаемым.

– Главная проблема даже не в этом. Он настолько хреново управлял ROV, что чуть не угробил двоих моих людей, которые работали снаружи.

– Что с ними стало? Они в порядке? – спросил я.

– Эён повредила лодыжку, а Чжихёк – запястье.

Из объяснения Син Хэряна было непонятно, то ли они героически спасали остальных, то ли им просто не повезло. Но что-то подсказывало: вернувшись со смены, Син Хэрян первым делом пошел разбираться с этим Рафаэлем Яником. Может, просто врезал ему без лишних слов.

– Хорошо, что обошлось без серьезных травм. – Я помолчал, потом сдержанно спросил: – А черепаха? Выжила?

Чжэхи с искренним сожалением ответил:

– Кто-то поставил ей надгробие на Тэхандо.

Бедная черепаха. И бедные сотрудники. Я украдкой посмотрел на Син Хэряна – неужели в инженерной команде тоже такой ад, как у буровиков? Спросил осторожно:

– А у вас в отделе... тоже есть вот эта вот... гонка за показателями?

Син Хэрян едва заметно покачал головой:

– У нас такого нет.

– О... Хорошо. По идее, такого вообще нигде быть не должно, верно?

– Слышал, до моего прихода пытались внедрить. Но инженеры устроили протест, и всё прикрыли. – Син Хэрян посмотрел в сторону субмарин и добавил: – Будь у нас система поощрений за скорость, эта Подводная станция развалилась бы еще три года назад после очередного халтурного ремонта.

И правда. Соревнование на скорость в починке систем жизнеобеспечения? Звучит как катастрофа. Всё чинили бы кое-как, бегом, лишь бы отчитаться. А потом бах – и минус станция.

Подождите-ка.

Если бы станция и правда развалилась тогда, три года назад... то я бы сюда не устроился. И не застрял бы в этом бесконечном кошмаре, где один и тот же день повторяется снова и снова.

Мысль одновременно страшная и притягательная. Пока я предавался этим мазохистским фантазиям, мои спутники уже потеряли интерес к трупам командира горнодобывающей команды и переключили внимание на подлодки.

Син Хэрян сказал кричать, если что-то случится, и вместе с Чжэхи ушел обходить огромный док для субмарин. Издали было видно, как они по очереди указывают на разные аппараты, переговариваются, переходят к другим – видимо, обсуждают какие-то особенности или проверяют исправность.

Что я вообще знаю о подлодках? Да почти ничего. Знаю, что бывают пилотируемые и беспилотные. А беспилотные, в свою очередь, делятся на те, которыми управляют дистан-

ционно, и те, что действуют автономно – с помощью искусственного интеллекта. На этом мои познания заканчиваются. И вообще, зачем на дне океана столько видов беспилотников?

В путеводителе по Подводной станции был целый раздел, посвященный подлодкам, но я его, конечно, пролистал. Подумал, что мне эта информация никогда не пригодится. Зато очень внимательно прочитал, где стоят автоматы с фрешами и где на берегу найти автоматы, в которых можно купить сланцы.

Стоило об этом вспомнить, и меня накрыла волна сожалений.

С потолка свисали таблички с надписями ROV и AUV¹. Под ними – выстроившиеся в ряд массивные аппараты, каждый весом не меньше сотни килограммов.

Если такая махина рванет в мою сторону... Да я просто физически не успею увернуться. Даже подумать об этом не успею.

Весь порт выглядел как огромная подводная парковка, где каждая подлодка аккуратно стоит на своем месте.

Вдалеке, в зоне пилотируемых подлодок, Син Хэрян с Чжэ-эхи бродили с таким видом, будто ничего приличного, на чем можно выйти в море, они там не нашли.

¹ ROV (Remotely Operated Vehicle) – дистанционно управляемые подводные аппараты. AUV (Autonomous Underwater Vehicle) – автономные беспилотные аппараты.

Глава 252. Субмарина. Часть 3

Инженеры то залезали внутрь субмарин, то вылезали из них. Как только они скрылись из виду, я подошел к телу Рафаэля Яника, взял пропитанную маслом тряпку, которая лежала неподалеку, и накинул ему на лицо. Не знаю почему, но мне все время казалось: стоит отвернуться, и его глаз, который был наполовину открыт и смотрел в потолок, медленно повернется и уставится прямо на меня. Как в дурацкой страшилке.

Ну его на хрен. С такими мыслями я точно долго не протяну.

Оставшись с мертвецом один на один, я почувствовал, как напряжение сковало все тело. Конечно, по сравнению с большинством трупов, которые я успел увидеть, Рафаэль Яник выглядел относительно прилично, да и куда легче смотреть на незнакомца, чем на изуродованные тела людей, к которым уже успел привязаться... Но мне почему-то казалось, что Ра-

фаэль вот-вот дернется и сядет.

Проклятье. Воображение меня до инфаркта доведет.

Чем дольше я стоял рядом с телом, тем сильнее меня трясло. Сначала я подумал – от страха, а потом понял, что тут и правда холодно.

Внутри этого ангара градусов на десять холоднее, чем в остальных отсеках. Стоять рядом с трупом в таком холоде – удовольствие, скажем так, сомнительное, поэтому мне хотелось пойти и хоть как-то помочь Чжэхи и Син Хэяну. Но толку? Я ведь в подлюдках ни черта не понимаю. Только под ногами путаться буду. Поэтому я просто стоял, дрожал и ждал.

Стоять без дела становилось все тревожнее. Стены ангара были облеплены всевозможными табличками с предупреждениями. Первой бросалась в глаза «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», и чем дольше я на нее смотрел, тем сильнее хотелось отсюда свалить.

«Соблюдайте стандартный регламент проверки субмарины».

«Не садимся в подлюдку без тестового запуска! Испытание обязательно!»

«Обязательно проверяйте баллоны с газом».

«Газ – это опасно! Кислород! Азот! Воздух! Гелий! Кислородно-гелиевая смесь! При заправке сверяйте цветовую маркировку баллона!»

«Работать минимум в паре. Один человек – НЕ ДОПУС-

КАЕТСЯ!»

«Проверка зарядки топливных элементов обязательна».

«А вы проверили систему жизнеобеспечения?»

«Проверка трос-кабеля обязательна».

«Клапан ручного отключения закрывается строго по часовой стрелке! По часовой! ПО ЧАСОВОЙ!»

«Поймаем кого-нибудь с сигаретой – уьем».

«При прокладке газовых и электрических каналов размещайте их как можно дальше друг от друга и устанавливайте по одному».

«Проверка безопасности (Safety check), перекрестная проверка (Cross check), двойная проверка (Double-check)».

Когда сажаешь в спасательные капсулы других, ни о чем особенно не думаешь, а вот когда тебе предстоит эвакуироваться самому... в голове крутится тысяча мыслей. Почему столько всего надо проверить? А если что-то пойдет не так? Бывали ли случаи, что кто-то умирал прямо внутри подлодки? Наверняка. Много ли? Пусть хотя бы сегодня обойдется без этого. Пожалуйста.

Я вспомнил спасательную капсулу, в которой довелось побывать, и у меня скрутило желудок. Меньше всего на свете хотелось снова почувствовать, каково это – хлебать морскую воду, до тех пор пока не начнет казаться, что живот вот-вот разорвет.

Чтобы не думать о лежащем рядом Рафаэле Янике и о предупреждениях на стене, я отвернулся и уставился в противо-

положную сторону. Там в ряд, как на параде, висели плакаты с изображениями самых известных в мире субмарин – американского «Альвина»², японского «Синкай»³, китайского «Цзяолуна»⁴, российского «Мира»⁵, корейской «Симчхон»⁶. А в самом конце – нечто похожее на черепаху. «Грэвити». Черепаха улыбалась, на голове у нее была корона, усыпанная жемчугом.

Ах да. Мы же в Хёнмудоне. Теперь понятно, почему этот псих, Рафаэль Яник, заикнулся именно на черепахах.

Инженеры стояли в зоне техобслуживания подлодок и о чем-то переговаривались. Син Хэрян – с каменным лицом, Чжэхи – с дежурной улыбкой. При взгляде на них казалось,

² «АЛЬВИН» (DSV Alvin) – американский глубоководный обитаемый аппарат. На нем, например, обследовали «Титаник».

³ «СИНКАЙ» (обычно Shinkai 2000/Shinkai 6500) – японские глубоководные аппараты JAMSTEC. Название «Синкай» (##) буквально означает «глубокое море».

⁴ «ЦЗЯОЛУН» (Jiaolong) – первый китайский пилотируемый батискаф, название которого означает «Мифический речной дракон».

⁵ «МИР-1» и «МИР-2» – российские глубоководные обитаемые аппараты, построенные в 1980-е годы. С их помощью исследовали дно Байкала и Северного Ледовитого океана.

⁶ «СИМЧХОН» – название субмарины отсылает к героине классической корейской повести «Симчхон чон» (повесть о Симчхон), символу самоотверженности и дочерней преданности. Согласно сюжету, Симчхон добровольно становится жертвой, принесенной морскому божеству – царю драконов Ёнвану, – и бросается в море, чтобы ее слепой отец смог прозреть. Позже она чудесным образом возвращается к жизни. Название «Симчхон» может восприниматься как напоминание о корейской идентичности, преданности семье и народу.

все под контролем, но так ли это? Найдется ли субмарина, способная вместить всех троих?

Чжэхи поймал мой взгляд и лениво помахал мне рукой.

Пока инженеры были заняты, я пошел бродить по ангару, разглядывая все вокруг. Но трогать ничего не решался – еще нажму не туда и устрою здесь техногенный ад. Посреди ангара обнаружилась маленькая комната отдыха для персонала. Я помялся у двери, но в итоге холод меня сломил, и я зашел внутрь.

Видимо, отопление включили совсем недавно – ледяной ангар только-только начал прогреваться. Я выдохнул из легких холодный воздух и вдохнул влажный, еле теплый. Первое, что бросилось в глаза, – это два холодильника: один для еды, второй... для вина?

Холодильник для вина. Здесь.

Я, разумеется, открыл его и очумел. Внутри и правда лежали бутылки с шампанским и красным вином. Причем бутылок с шампанским было больше половины. На внутренней стороне дверцы, прямо на уровне глаз, красовалась ярко-красная наклейка с предупреждением: «Шампанское предназначено ТОЛЬКО для церемонии спуска беспилотных и пилотируемых аппаратов, и если хоть одна бутылка исчезнет, то вместо нее кому-то разобьют голову».

Говорят, перед спуском корабля на воду о борт разбивают бутылку шампанского на удачу. Но чтобы подлодкам тоже устраивали такие церемонии? Я-то думал, подобные tradi-

ции существуют только на поверхности. Но, значит, на глубине устраивают свои «крещения». Похоже, субмарины собирают прямо здесь, на базе, и «спускают» под воду. Тоже по всем правилам.

В комнате отдыха стояла кофемашина, рядом лежали упаковки с еще не распечатанным печеньем. Не знаю, кто успел заварить кофе, но он был крепкий, черный как смоль и пах потрясающе. Черт с ним. Даже если мне суждено сегодня сдохнуть, чашку кофе я все равно выпью.

На каждой кружке имелась наклейка с именем, написанным латинскими буквами, – у всех были хозяева. Я выбрал три кружки из тех, которыми, похоже, давно никто не пользовался, налил в них кофе и положил на поднос несколько пачек печенья.

Только закончил, и в комнату отдыха вошли Син Хэрян и Чжэхи. Уши и нос у Чжэхи покраснели от холода. Видимо, он основательно продрог.

– Что там с подлодками? – спросил я.

– Большинство нормальных уже ушли, – отозвался Чжэхи и на секунду закрыл глаза, наслаждаясь теплом. Потом с благодарностью обхватил кружку с горячим кофе, которую я ему протянул.

– То есть на субмарине мы эвакуироваться не сможем? – спросил я, передавая вторую кружку Син Хэряну.

– Есть две готовые к запуску. Одна трехместная – непонятно, почему ее вообще загнали в зону техобслуживания, –

и одна двухместная, в документации на которую черным по белому написано, что она неисправна.

Син Хэрян взял кружку, и я вздрогнул, случайно коснувшись пальцами его перчатки. Она была ледяной.

Неужели внутри субмарины настолько холодно?!

– Какая из них безопаснее?

Я сделал глоток кофе – и замер. Один глоток, а на душе стало легче. Да, кофе был дешевый, с привкусом горелого... но все равно. Вот ведь... кажется, я сейчас расплачусь.

Син Хэрян обхватил кружку обеими руками, отпил немного и медленно заговорил:

– Система диагностики «Челони» не зафиксировала критических неисправностей в трехместной субмарине. Мы запустили симуляцию тестового выхода – ничего подозрительного. Я лично осмотрел ее изнутри, на первый взгляд поломок нет. Что касается двухместной – там зафиксированы сбои в работе руки, частичная разрядка аккумулятора и проблемы с внешней камерой. Остальные подлодки выведены из строя из-за нарушения герметичности корпуса. На месте такое не починишь.

Аккумуляторы-то можно зарядить или заменить, без внешней камеры, кажется, тоже как-то можно обойтись...

– А рука субмарине зачем? – спросил я.

Если у человека рука откажет – ничего хорошего. А если у субмарины?

– Ею хватают предметы и все такое, – пояснил Чжэхи.

Он сделал крошечный глоток кофе и скривился. Видимо, пить настолько горький напиток не входило в его планы. Подошел к кофемашине, взял два пакетика сахара, разорвал и высыпал в кружку.

Похоже, с подлодками все не так просто – это тебе не машину завести и поехать.

– Но если с трехместной все в порядке, – сказал я, – то почему вы не хотите сесть в нее?

Грея руки о кружку, Син Хэрян ответил:

– Раз ее отправили в зону техобслуживания, значит, на то была причина.

– Но «Челони» проверил и ничего не нашел, – заметил Чжэхи. – Может, кто-то из техников перебрал с выпивкой и записал ее на ремонт по ошибке?

Син Хэрян не ответил, но по выражению лица было видно – возможно, Чжэхи прав. Он сделал глоток и тоже поморщился.

Вспомнив предупреждения, развешанные по всему ангару, я повернулся к Чжэхи:

– Подожди. Ты хочешь сказать, что сотрудники чинят подлодки... под градусом?

– Говорят, если хлопнуть рюмку водки, то на холоде работать проще.

С этими словами Чжэхи открыл морозилку обычного холодильника, достал оттуда бутылку и потряс. Как интересно. Стояла в морозилке и не замерзла? Водка, наверное, не за-

мерзает. Я никогда не хранил алкоголь в морозилке, поэтому не в курсе.

Но куда любопытнее было другое: откуда Чжэхи вообще знал, что она там?

– По рюмочке? – вдруг предложил он.

Эй, Чжэхи. Ты что, не замечаешь, что твой начальник смотрит на нас так, будто готов прикончить обоих?!

– Нет, спасибо, – ответил я после заминки и поспешно сменил тему: – Можно спросить, что такое «Челони»?

– Искусственный интеллект, который занимается техобслуживанием всевозможных подлодок. Название происходит от латинского *Chelonioidea*⁷. Так по-научному называется семейство морских черепах.

Син Хэрян протянул руку, и Чжэхи передал ему бутылку водки. Тот взял ее и замолчал, явно о чем-то задумавшись. Чжэхи неспешно размешал в кружке не до конца растворившийся сахар и сделал глоток. А я решил: ладно, ради Син Хэряна, который ломает голову над тем, на какую из субмарин нас посадить, я займу его непредсказуемого подчиненного разговорами, чтобы он не успел выкинуть ничего странного.

– Слушай, Чжэхи, я в подлодках полный ноль. Есть что-то, что надо знать перед посадкой?

⁷ CHELONIOIDEA (от *греч.* χελώνη – черепаха) – надсемейство морских черепах в отряде черепахообразных. Объединяет всех современных представителей морских черепах, приспособленных к жизни в океане.

Я только слышал, что в субмарине жутко тесно, а если вспомнить, как меня укачало в вертолете по дороге сюда... Если здесь будет то же самое, то от кофе лучше отказаться.

Но Чжэхи отмахнулся:

– Сам скоро все увидишь. Главное – имей в виду, что в субмаринах нет туалета.

– Что? А если приходится плыть далеко и долго?

– Ну, кто выходит надолго, ест поменьше накануне выхода.

Ага. Гениально. То есть ученые, создававшие субмарины, не додумались, что надо поставить внутри сортир?

– Есть еще что-то?

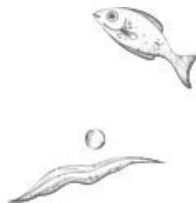
– Ну... перед посадкой обязательно нужно написать завещание. – Чжэхи выдержал паузу. – Шучу. А если серьезно, перед погружением всех взвешивают. А, ну и отопления там нет.

– Что?

– До смерти, конечно, не замерзнешь. Но будет жутко холодно.

Глава 253. Субмарина. Часть 4

Я оглядел свою футболку и тонкие штаны и уточнил:
– А насколько холодно?

– Думаю, примерно плюс один-два, – ответил Чжэхи.

Ну... еще терпимо. Я ожидал чего-то похуже. Представлял, что внутри субмарины будет минусовая температура, что мы не успеем оглянуться, как кто-то замерзнет, а остальные будут звать его по имени, трясти и отогревать своими телами. Оказалось, все не настолько ужасно.

Чжэхи снял со стены куртку – длинную парку цвета хаки – и протянул мне. Я поколебался, но потом все-таки взял. Куртка наверняка принадлежала одному из инженеров. Размер – дело десятое. Главное, тепло. Но как только я ее надел, в нос ударил такой тяжелый запах алкоголя и табака, будто на нее вылили бутылку чего покрепче. Даже самому пить не надо, от одного запаха уже кружится голова.

Пока Чжэхи дул на свой кофе, Син Хэрян молча поставил

пустую кружку на стол.

– Оставайтесь здесь. Никуда не уходите, – бросил он и вышел из комнаты.

Чжэхи устроился на диване, покачивая кружку, в которой закручивался маленький кофейный водоворот. Я какое-то время смотрел на него и вдруг понял, что начинаю волноваться.

– В субмарине укачивает так же, как на корабле?

– Когда залезаешь, качает адски. И когда вылезает – тоже. – Чжэхи чуть усмехнулся и оторвался от кружки. – Говорят, когда Чжихёк впервые сел в подлодку, его вывернуло прямо там. Еле живой выполз. Чжихён почти всю дорогу управляла ею в одиночку. Чжихёк, хоть и прикидывается крутым, на самом деле на удивление тонкая натура. Замкома тоже укачало – как только люк открыли, блеванула в море всем, что ела накануне.

– А ты?

– У меня вестибулярка крепкая. Не укачивает. А тебя, спаситель?

– Ну так, терпимо, – сказал я. – В любом случае сделаю все возможное, чтобы не блевать.

Я с подозрением уставился в свою кружку. Уже глотка три сделал. А если вывернет? Буду потом сидеть с черными струями кофе, стекающими по подбородку? Син Хэрян и Чжэхи пили спокойно. А я, выходит, рискую опозориться? Нет. Пожалуй, печенье лучше не есть. Я незаметно положил его

обратно на поднос и украдкой покосился на Чжэхи. Глядя на него, не скажешь, что для посадки в субмарину есть строгие требования к состоянию здоровья, но спросить все равно пришлось.

— А по здоровью какие-то ограничения есть? Ну, к примеру, людям с кучей операций в анамнезе в субмарину лучше не соваться?

Стоило задать этот вопрос, как во рту появился горький привкус.

Во времена проекта «Планета» людей, которые перенесли операции на сердце, легких, позвоночнике, печени, тонком или толстом кишечнике и других жизненно важных органах, просто не пускали на борт космического корабля. Считалось, что в прооперированных местах ткани остаются уязвимыми и из-за перепадов давления швы могут разойтись прямо в полете. Тогда это звучало как приговор. Потом от ограничения отказались: если перепад давления будет настолько сильным, что разойдутся швы, то даже самый здоровый человек — труп.

Кроме того, поначалу к полету не допускались люди с сердечно-сосудистыми заболеваниями, пониженным давлением, высоким холестерином, после лазерной коррекции зрения и даже страдающие остеопорозом, но постепенно правила смягчились.

Впрочем, одно условие оставалось неизменным: у астронавта не должно было быть ни одного нелеченого зуба: пере-

пады давления в полете могут превратить маленький кариес в адскую боль. И пломбы допускались только золотые. Обязательным было и заключение стоматолога, из-за чего в Казахстане, где расположен космодром Байконур, и во Флориде, где находится Космический центр Кеннеди, начался настоящий стоматологический бум. Пациенты шли потоком.

Интересно, с подлодками так же строго? Или тут попроще?

Чжэхи несколько секунд изучал мое лицо, потом прищурился:

– Нет, особых ограничений нет. Будь у тебя настолько серьезные проблемы со здоровьем, тебя бы вообще на станцию не взяли. В субмарину можно посадить кого угодно, хоть мужчин, хоть женщин, хоть пожилых, хоть людей с инвалидностью.

Я с облегчением выдохнул – мысленно, конечно.

Чжэхи тем временем переключился на меня:

– А у тебя, случаем, нет какой-нибудь тайной смертельной болезни? Или клаустрофобии?

– Смертельной вроде нет. А клаустрофобия, чувствую, скоро появится.

Перед глазами тут же всплыли лифты, застревающие при отключении питания. Комнаты, в которых начинает подниматься вода. Жилые блоки и коридоры, которые создают иллюзию пространства, а по факту – тесные, как консервная банка. А теперь предстояло сесть в субмарину, где, судя по

описанию, нельзя толком пошевелиться. Одна мысль об этом вызывала головную боль.

Вот уж где по-настоящему понимаешь: простор стоит дорого. Я и на поверхности это знал, но стоило оказаться на дне моря, и чувство масштаба стало совершенно другим. В космосе, наверное, то же самое.

Чжэхи усмехнулся:

– Клаустрофобия есть у всех, кто живет на станции. К этому привыкаешь. Кстати, ты под одеждой лишний жирок не прячешь? Будет грустно, если не поместишься в люк.

Я вспомнил, как минут двадцать назад Син Хэрян залез в круглый люк субмарины. Если он, с его широкими плечами, пролез, то мне беспокоиться не о чем.

– Все, что ты видишь, – это и есть весь я.

– Тогда все в порядке.

Чжэхи, похоже, совсем не переживал из-за предстоящей поездки. Если на то пошло, он, кажется, вообще ни о чем особо не переживал – ни о субмарине, ни о жизни в целом. А я... я знал о субмаринах и люках настолько мало, что даже не понимал, о чем именно надо переживать. Как говорится, меньше знаешь – крепче спишь.

Кажется, единственный, кто реально переживал, – это Син Хэрян, который ушел проверять подлодки.

– Если бы ты побывал на субмарине в одной из прошлых петель, – сказал Чжэхи, – то сейчас было бы проще. Уже знал бы, в какую садиться нельзя. Но ничего. У всех когда-то бы-

вает первый раз, все падают, сдирают колени и только потом понимают, куда смотреть.

Он достал из упаковки печенье с кусочками сухофруктов, откусил и, прожевав, добавил:

– Если сейчас что-нибудь пойдет не так, просто запомни. В следующий раз будешь знать, чего избегать.

– Очень надеюсь, что все пойдет как надо. И что никакого следующего раза не будет.

– Я тоже всегда так думал, – улыбнулся Чжэхи, глядя на меня поверх кружки. – Что все будет нормально. Что ничего не случится.

Он улыбался так, будто речь шла о какой-то ерунде.

– Когда снова и снова терпишь поражение... раз на десятый начинаешь понимать: отсюда просто так не уйти. Судя по тому, что ты пока еще не ненавидишь всех вокруг, до десятой петли ты явно не дошел.

Он допил остатки сладкой бурды из кружки и поставил ее на стол.

– Я сломался как раз на десятой. Или одиннадцатой? Уже не помню. Было так хреново, что цифры перестали иметь значение. Просто наступил момент, когда я перепробовал все, что только возможно. Буквально все. Потом меня окончательно накрыло, и я стал крушить все подряд – стулья, оборудование, что только под руку попадется. И людей тоже. Тех, кто бесил. Помню, кто-то сказал: «Пожар, надо эвакуироваться», и я просто врезал ему в лицо. Потом я умер еще

раза два, и злость тоже умерла. В общем, веселее всего в самом начале. Когда ходишь по локации и исследуешь все, что не успел раньше увидеть.

Я молчал. Просто молчал.

Чжэхи подтолкнул ко мне поднос с печеньем:

– Если однажды тебе станет совсем плохо – больно, страшно, одиноко, – то, проснувшись утром, садись в центральный лифт и поднимайся к верующим. Попроси у них помощи. Спасителю никто не откажет. Ведь ты нужен нам не меньше, чем мы – тебе.

Слушая Чжэхи, я вдруг отчетливо представил акул, которые кружат вокруг меня и ждут, когда я сам подплыву поближе. Неужели сектанты хотят, чтобы я добровольно отправился к ним и попросил помощи? Неужели однажды... именно этим все и закончится?

Мне вспомнились слова одного из сектантов: «Посмотрим, долго ли спаситель будет говорить в таком тоне». То есть если я не рыдаю, не умоляю спасти меня, выпустить отсюда, значит, со мной все якобы нормально?

– Если я примкну к вашей Церкви, меня ведь тупо будут использовать, – сказал я тихо.

– Все друг друга используют. Так в любой религии, – пожал плечами Чжэхи.

– Мне это не по душе.

Настаивать Чжэхи не стал.

– Просто... подумай об этом, – только и сказал он. – Мм...

о чем мы вообще говорили? А, точно. Я лично крупных аварий никогда не видел, но слышал о них достаточно. Говорят, был случай, когда в корпусе появилась микроскопическая дыра, и все, кто был внутри, погибли. Или подали сжатый воздух не туда и не так, и субмарину разнесло в клочья. Еще говорили, что однажды подали не тот газ и все внутри чуть не задохнулись. Хорошо, что «Челони» вовремя заблокировал запуск.

У меня скрутило желудок. Я еще даже в субмарину не сел, а уже тошнило. Почему о таких авариях никто не говорит? Их специально замалчивают?

Следующие минут пять мы молчали. Чжэхи некоторое время смотрел на дверь комнаты отдыха, потом повернулся ко мне и задумчиво сказал:

– В нашем распоряжении вполне рабочая трехместная субмарина. Не понимаю, почему он переживает.

– В такой ситуации можно переживать из-за всего, – пробормотал я. – И вообще... я бы предпочел подниматься не на субмарине, а на большой подлодке. Такой, где помещается... ну, человек сто. Лучше – тысяча. Здесь вообще такие есть?

Я представил, как мы плывем на большой подводной лодке, останавливаясь на каждой базе и подбирая выживших. Так мы смогли бы выбраться отсюда без жертв.

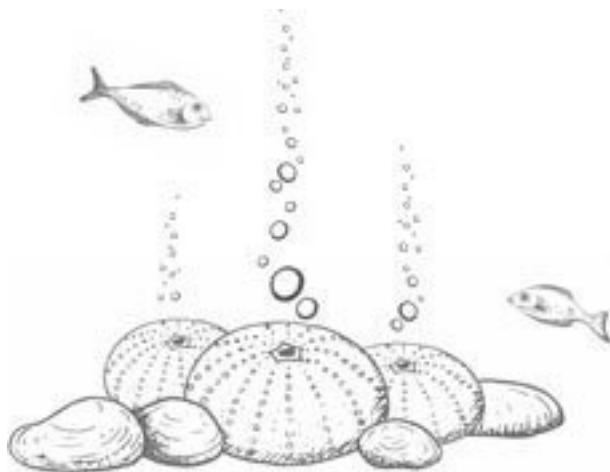
– Командир как-то объяснял... как же он тогда сказал... А. Подлодка – это оружие, и там, наверху, за каждую идут настоящие сражения. Еще он говорил, что по тому, насколько

ко хорошо страна умеет использовать подлодки, измеряется уровень развитости государства. Если не умеют, то подлодка – просто дорогая груда металлолома. Обычно развитость страны оценивают по ВВП на душу населения или по индексу человеческого развития ООН, но вот чтобы мерить по подлодкам – на такое только наш командир способен...

Дверь в комнату отдыха распахнулась, и Чжэхи оборвал себя на полуслове. На пороге показался Син Хэрян. Не знаю, чем он занимался снаружи, но уши и щеки у него были красные от холода.

На несколько секунд повисла какая-то неестественная тишина. Син Хэрян посмотрел на нас обоих и сказал:

– Пойдемте. Пора садиться в субмарину.

Глава 254. Субмарина. Часть 5

Син Хэрян вытащил нас с Чжэхи из комнаты отдыха, загнал по очереди в туалет, после чего сразу направился в сторону зоны посадки. Кончики ушей у него покраснели до синевы – видимо, в субмарине и правда было адски холодно. Я предложил ему хотя бы несколько минут передохнуть в теплой комнате, но он отказался.

– Вы хотите сесть в трехместную субмарину? – спросил я.

– Да.

– Тогда... не могли бы вы вкратце объяснить мне принципы управления? Ну, где газ, где тормоз, – этого будет достаточно.

В школе, кажется, рассказывали, что тормоза автомобиля работают по принципу Паскаля... Может, и субмарина устроена примерно так же? Вряд ли управление такое же сложное, как в самолете... Не успел я додумать, как Син Хэрян посмотрел на меня и задал вполне ожидаемый вопрос:

– Зачем вам это знать?

– Я хочу, чтобы вы вдвоем уходили первыми, а я потом сяду в двухместную субмарину. Один.

– Есть причина, по которой мы должны разделиться?

– Та субмарина, в которую сяду я, может не всплыть.

Син Хэрян скользнул по мне взглядом:

– Непохоже, чтобы вы сейчас шутили про лишний вес.

Интересно, часто ли ему приходилось слушать подобные шуточки?

Я тяжело вздохнул, собрался с мыслями и спокойно объяснил:

– Это произошло, когда я пытался выбраться в спасательной капсуле. На высоте трех-четырёх метров от поверхности моря какая-то сила просто не дала капсуле подняться выше. Я боюсь, что с субмариной может произойти то же самое.

Но разве субмарина не должна быть хоть немного надежнее спасательной капсулы?

Я наговорил достаточно, чтобы при обычных обстоятельствах в моем здравомыслии можно было усомниться, но Син Хэрян выслушал молча и ответил:

– Это не та проблема, которая сейчас в приоритете. И потом... если уж придется разделиться, то вы с Чжэхи сядете в трехместную субмарину, а я возьму двухместную.

Если эта проблема сейчас «не в приоритете», то какая, черт возьми, в приоритете?

Син Хэрян жестом указал в сторону входа – туда, отку-

да мы пришли. Сначала я не понял, о чем он, но потом заметил, что цвет пола там немного отличается. Лишь спустя несколько секунд до меня дошло, что он мокрый. Я пригляделся – в щель под дверями затекала вода. При виде того, как в помещение просачивается вода, меня теперь всего передергивало. Если двери приоткроются, то сюда хлынет целый водопад.

– Основной барьер дал течь, – спокойно сказал Син Хэрян. – Долго не протянет.

Он первым перешел по лестничному трапу и направился к субмарине. Опустил в люк сначала ноги, потом все остальное и исчез внутри.

Я оглянулся. Чжэхи стоял позади меня и молча смотрел, ожидая, пока я последую за Син Хэряном.

– Чжэхи. Может, ты первым?

– Я должен зайти последним и закрыть за нами люк.

Вот оно как. Ну да, логично. Я тяжело вздохнул и пошел по лестнице – в два раза медленнее, чем Син Хэрян. Подошел к люку и спустил в него ногу. Там тоже была лестница. Я начал медленно спускаться, и вскоре передо мной открылся внутренний отсек, который оказался еще меньше, чем я ожидал.

По ощущениям – размером с четыре туалетные кабинки. Seriously? Это вся субмарина? Надежда на то, что это просто тамбур и дальше будет просторней, умерла сразу, едва появилась. На словах субмарина трехместная, а по факту –

тут места только одному Син Хэрянгу хватит. А нам с Чжэхи куда деваться? На колени друг другу?

Стоило обеим ногам коснуться пола, как сверху раздался низкий мужской голос:

«Второй пассажир. Вес: 73,2 килограмма. Общий вес пассажиров: 178,5 килограмма. Пожалуйста, назовите свое имя».

– Пак Мухён.

Судя по голосу, говорил ИИ. Просто прекрасно. Теперь все присутствующие знают, сколько я вешу. Ну... зато я похудел на два килограмма, с тех пор как устроился на станцию. Хм, странно. Ел вроде нормально, расстройством желудка не страдал... Видимо, стресс от выхода на новую работу сжигает жир лучше всякой диеты.

Чжэхи заглянул в люк, и наши взгляды встретились. Я поспешно отступил, давая ему место. Он захлопнул люк и, не церемонясь, просто сиганул вниз. Без лестницы, прямо так – свободным падением. Приземлился с глухим ударом, и вся субмарина ощутимо качнулась. Меня накрыло головокружение. Уф. Окей. Пока терпимо, но если качка будет сильнее, то мне, кажется, придется очень плохо.

«Люк закрыт. Дополнительные пассажиры не предполагаются. Третий пассажир. Вес: 75,7 килограмма».

Ничего себе, какой худой, подумал я.

«Общий вес пассажиров: 254,2 килограмма. Пожалуйста, назовите свое имя».

– Инженер команды «Ка» Ким Чжэхи.

«Общий вес не превышает допустимого. Вес балласта будет рассчитан и закреплен автоматически в течение двух минут».

– Едва проскочили, – хмыкнул Чжэхи.

Интересно, если бы общий вес превышал допустимый, то ИИ предложил бы нам высадиться? В лифтах обычно закладывают по семьдесят пять килограммов на человека, а тут сколько?

Все мысли, похоже, были написаны у меня на лице, потому что Чжэхи наклонился ко мне и прошептал:

– Расчет идет из восьмидесяти пяти килограммов на человека. Нас трое, значит, погрузочный максимум – двести пятьдесят пять кило. Мы были на грани. Говорят, в первых моделях пилотируемых субмарин за средний вес брали семьдесят пять килограммов на человека, но потом стандарт подняли до восьмидесяти пяти. Командир, кстати, не может использовать одноместные субмарины – по весу не проходит. Разве что отрежет себе ногу. – Чжэхи наклонился еще ближе и понизил голос еще сильнее. – Сам посмотри. Он же настоящий бегемот. Не будь мы с тобой такими стройняшками, из-за него был бы перегруз.

– Я все слышу. Высадиться хочешь? – спросил Син Хэрян.

Чжэхи тут же состроил невинную улыбку и, как ни в чем не бывало, уставился в иллюминатор.

Сверху послышался тот же мужской голос:

«Я – „Челони“. Ваш надежный друг, отвечающий за навигацию и техническое обслуживание данной субмарины. Капитан Син Хэрян, заместитель капитана Ким Чжэхи, научный сотрудник Пак Мухён. Все три пассажира зарегистрированы. Приветствую вас на борту».

– Здравствуйте, – машинально откликнулся я.

Ага. Значит, теперь я – научный сотрудник. Отлично. Похоже, Син Хэрян и Чжэхи уже были указаны в системе как капитан и замкапитана, вот нас и распределили по ролям.

Ни Син Хэрян, ни Чжэхи на приветствие «Челони» никак не отреагировали. Только я, как идиот, бодро ответил бортовому ИИ и теперь краснел, глядя в пол. Щеки еще немного пылали от стыда, когда Син Хэрян, не отрываясь от экрана, коротко скомандовал:

– Запусти повторную симуляцию.

«Челони» несколько секунд помолчал, прежде чем ответить:

«Было проведено уже три тестовых запуска. Все три завершились успешно. Вы хотите инициировать четвертый?»

– Именно. Запускай.

Голос «Челони» стал... каким-то обиженным, почти раздраженным.

«Капитан Син Хэрян. Я не располагаю данными о том, почему инженер Ариа Фрейзер классифицировала субмарину „Симчхон-7“ как неисправную. Судя по записям, с высокой вероятностью, ее решение было связано с человеческой

ошибкой. Подобные ошибки регулярно встречаются в двадцати процентах рабочих задач и обычно связаны с небрежностью, переоценкой собственных навыков или недостатком концентрации. Рекомендую связаться напрямую с Арией Фрейзер или Хейли Ланкастер, руководителем инженерной команды „А“, чтобы уточнить причину классификации аппарата».

«Челони» явно не горел желанием проводить еще одну проверку.

– Я был бы рад уточнить, если бы Ариа и Хейли были еще живы, – отозвался Син Хэрян своим обычным непроницаемым тоном.

После этого «Челони» решил изменить тактику и втянуть в разговор замкапитана Чжэхи.

«Тесты на калибровку угла погружения, проверка балласта, диагностика систем жизнеобеспечения и ключевых датчиков были проведены три раза. Отклонений зафиксировано не было. Заместитель капитана Ким Чжэхи, ваш капитан, Син Хэрян, настаивает на четвертых ходовых испытаниях без всяких на то оснований».

Чжэхи тихо хмыкнул, услышав серьезный тон ИИ, и ответил:

– Тут уж ничего не поделаешь, «Челони». Радуйся, что ты не в инженерной команде «Ка». По крайней мере, у тебя нет начальника с манией преследования, который параноидально помешан на безопасности. А у меня – есть.

– Если инженеры не поленились перевести подлодку в неисправные, то причина точно была, – возразил Син Хэрян.

– Но «Челони» утверждает, что Ариа просто ошиблась, – заметил Чжэхи. – Когда две первые проверки проводил я, он себя так не вел. Что вы с ним сделали, а?

Искусственный интеллект вообще не любит, когда его заставляют повторять одно и то же действие больше трех раз. Это заложено в протокол – чтобы учитывать не только эффективность, но и возможные психоэмоциональные срывы у пользователя. До внедрения таких ограничений ИИ могли заставлять проверять одно и то же по двести, а то и по две тысячи раз, и это, мягко говоря, было неэффективно.

– Вас беспокоит состояние подлодки даже после того, как ИИ подтвердил, что с ней все в порядке? – спросил я.

Син Хэрян замешкался, после чего ответил с непривычной для него неуверенностью:

– У меня плохое предчувствие.

Я не специалист, и если уж инженер говорит, что ему беспокойно, спорить с ним глупо. Но «Челони» отреагировал с нескрываемым недоумением:

«Капитан Син Хэрян, я четырежды проверил герметичность, трижды – системы жизнеобеспечения, электрооборудования и устройств регулировки плавучести, после чего вы лично залезли внутрь и осмотрели все сами. И все это – исключительно из-за вашего иррационального шестого чувства?»

– Именно, – коротко ответил Син Хэрян.

Чжэхи с удивлением повернулся к нему:

– И часто это шестое чувство вас выручало?

– Как видишь, я до сих пор жив. Значит, достаточно часто.

Забавно, но на секунду я даже подумал: «Логично». Только вот «Челони» с этим не согласился.

«Капитан Син Хэрян, при вашем параноидальном характере и склонности к контролю вам жизненно необходимы психиатрическое обследование и медикаментозное лечение».

Чжэхи не сдержался – прыснул от смеха, прикрыв рот рукой, потом замаскировал смех кашлем и примирительно сказал:

– Ладно. Если вам настолько беспокоит, давайте проведем четвертое испытание, и на этом все. «Челони», обещаю, после этого мы тебе поверим. Запускай.

Спустя несколько секунд на экране появилось крупное сообщение: SIMULATION IN PROGRESS.

В спасательной капсуле такого не было.

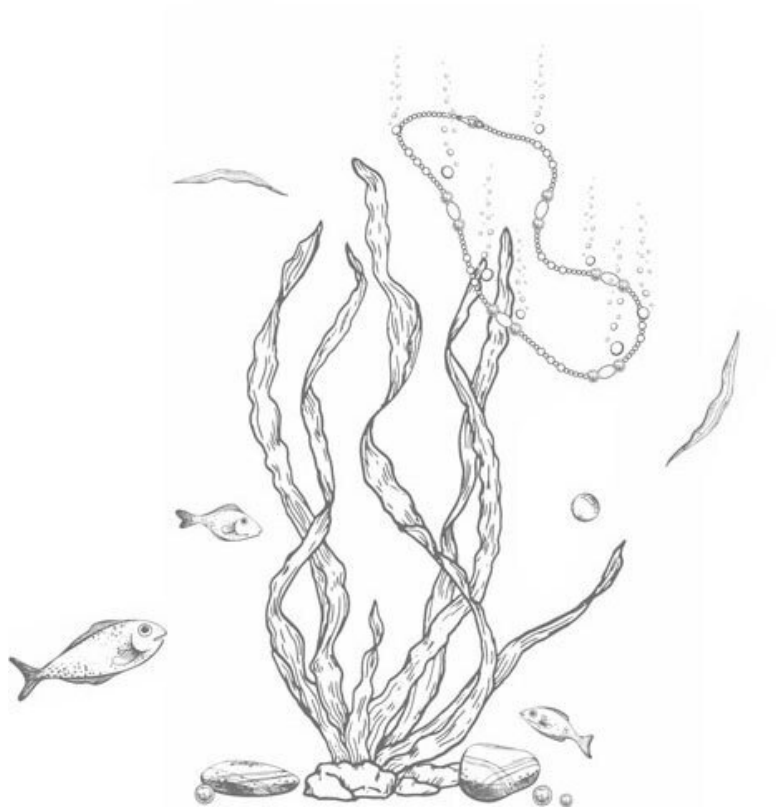
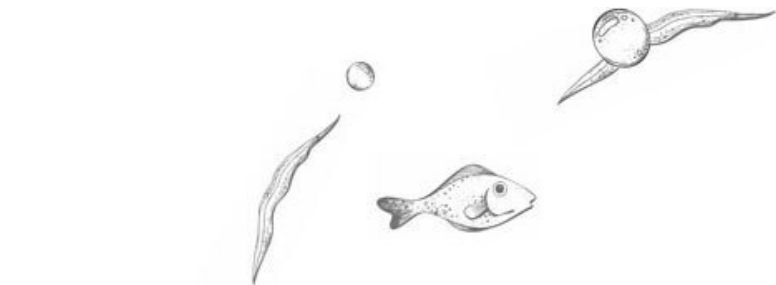
– «Челони», а почему в спасательных капсулах нет ИИ, а в субмаринах есть? – спросил я.

«Из экономической целесообразности, научный сотрудник Пак Мухён. Спасательные капсулы – дорогие одноразовые устройства, используемые лишь один раз при эвакуации. Субmarine же используются от двух до шести тысяч раз».

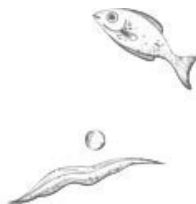
Ответ «Челони» последовал так быстро, что я немного

опешил.

– Тогда... Очень на тебя рассчитываю, – вежливо сказал я.
«Постараюсь не подвести».

Глава 255. Субмарина. Часть 6

Поначалу субмарина казалась мне размером с четыре туалетные кабинки, сейчас же – с тюремную камеру. Причем такую, куда два человека зайдут, заорут от ужаса и выскочат. Стоит кому-нибудь из нас потянуться и развести руки в стороны, и он не только упрется ладонями в круглые стены, но и остальных заденет. Если уж совсем начистоту, вариантов размещения здесь всего два: сидя и касаясь друг друга коленками или лежа бок о бок, как анчоусы в банке. Все.

Син Хэрян сидел перед штурвалом, пытаюсь занять как можно меньше места. С таким телосложением, как у него, сделать это было трудно.

– Все субмарины такие тесные? – спросил я.

– Да, – ответил мне Син Хэрян.

– Ужас, правда? Все удивляются в первый раз, – вставил Чжэхи.

Он сидел так близко к Син Хэряну, что почти касался его

плеча своим. Видимо, это и было место заместителя капитана. Чжэхи хлопнул ладонью по полу рядом с собой, предлагая мне сесть. Я попытался втиснуться в зазор между ними, стараясь никого не задеть... и потерпел неудачу. В этой субмарине, как ни сядь, избежать прикосновений просто невозможно. А если не садиться, то остается только один вариант – повиснуть на ведущей к люку лестнице, держась исключительно на руках. Я послушно сел туда, куда велели, и сразу почувствовал, как начинает мерзнуть задница. Вот так, значит, и плавают на субмаринах? Да спасательная капсула и то удобнее, честное слово.

Чжэхи тем временем указал на крошечное окошко размером с ладонь:

– Это ВИП-место для ученых. Видишь иллюминатор? Ложишься перед ним на живот – и смотришь на океан.

В этой субмарине не было ни одного мягкого места – ни на полу, ни на потолке, нигде. Все жесткое и твердое. Стоит во что-нибудь врезаться, и привет: синяк или трещина обеспечены. Холод и сырость – это вообще отдельный разговор. Думаю, если лечь животом на пол, чтобы глазеть в окно, то очень скоро превратишься в мороженую скумбрию. Я выдохнул. Из рта пошел пар. Ха... прекрасно.

– Ты шутишь, да? – спросил я, подозревая, что Чжэхи издевается.

Но он, будто забавляясь моей реакцией, ответил:

– Нет. Раньше океанологи были настолько отчаянными,

что готовы были лезть в аппараты и похуже этого. Они выкладывали по двадцать-тридцать миллионов вон из своего кармана, подключали все возможные связи и ждали месяцами.

Не отрываясь от экрана с надписью SIMULATION IN PROGRESS, Син Хэрян ровным голосом сказал:

– Сейчас все так же, особенно для ученых из небольших стран, у которых нет своих глубоководных пилотируемых аппаратов. Им приходится подстраиваться под расписание экономически более сильных государств, лететь с двумя-тремя пересадками, чтобы успеть к нужному времени, бесконечно ждать из-за погоды или других задержек, и, если повезет, в итоге им разрешат спуститься. А если нет – возвращаются домой ни с чем, потратив кучу денег впустую.

Ага. Значит, сидеть здесь, дрожа от холода, – по сути, невероятная привилегия. Вот уж спасибо, не надо. Надеюсь, я больше никогда не окажусь в субмарине. Пусть вместо меня здесь сидят те, кто действительно способен извлечь из этого опыта пользу. Благодаря проекту «Планета» все уже слышаны о том, как астронавты рисковали жизнью ради экспедиций на Марс, а вот об океанологах никто особенно не говорит, хотя держу пари, что денег, сил и времени они потратили не меньше.

«Челони» всего-то запустил симуляцию, а в субмарине было так холодно, что у меня стучали зубы. На экране отображалась температура: два градуса по Цельсию, но каждый

раз, глядя на эту цифру, я не верил своим глазам. Пол холодный, воздух холодный, сама субмарина холодная, да и вода снаружи наверняка тоже холодная. Хотелось бы сказать, что зато мое желание сбегать с морского дна горит жарким пламенем... но и оно, кажется, скоро остынет.

Я снова и снова удивлялся тому, что температура внутри субмарины выше нуля. Если бы в морских глубинах был минус, то вода бы уже замерзла, но вода не замерзает, значит, и на дне, и в Арктике, и в Антарктике температура у нее плюсовая. Головой я это понимал, но тело не верило. По ощущениям, тут было намного холоднее...

Похоже, мерз не я один. У Син Хэряна покраснели голые руки – он где-то бросил свои мокрые перчатки. У Чжэхи снова покраснел нос. Он выдохнул облачко пара и сунул руки в карманы, покопался в них и протянул мне какой-то предмет. Приглядевшись, я понял, что это одноразовая грелка.

В обоих карманах у Чжэхи лежало по две такие грелки с английскими надписями – всего четыре штуки. Одну он отдал мне, другую кинул своему командиру, а две оставшиеся начал разминать, поочередно кладя то на колени, то в ладони.

Я принялся яростно растирать ладони о свою грелку.

– Возможно, ты только что спас мне жизнь, Чжэхи.

– Сервис у нас, конечно, скромненький, – усмехнулся он. – Если бы не наш дорогой начальник, я бы обслужил вас по полной. Говорят, инженеры из других команд берут с со-

бой термосы с какао. А русские – с водкой или чаем, кто во что горазд.

Син Хэрян поморщился и спросил у Чжэхи:

– А если кто-нибудь их разольет, то что тогда?

– Думаете, они задумываются о последствиях?

Похоже, брать в субмарину напитки были официально запрещено.

Син Хэрян приложил грелку к обмороженному уху и, тяжело выдохнув, пробормотал:

– От пола спиртом несет.

Надеюсь, несет и правда от пола, а не от моей одежды. Я сделал вид, что ни при чем, и решил валить все на несчастный пол.

– Наверное, кто-то пролил.

– Ну, по крайней мере, никто здесь не курил.

Если подумать, то курить в субмарине – все равно что курить в самолете. Окна тут не откроешь, проветрить не получится.

«Челони» еще какое-то время выплевывал на экран бесконечные строки логов, потом сообщил:

«Тестовая симуляция успешно завершена. По результатам проверки неисправностей не обнаружено. Все симуляции дали идентичный результат. Каковы дальнейшие инструкции?»

Син Хэрян немного подумал и ответил:

– Начни автоматический подъем на глубину в тысячу мет-

ров. Сообща, как только мы ее достигнем.

«Принято. Приступаю к управлению субмариной „Симчхон-7“».

Син Хэрян нажал на какую-то панель на полу, и оттуда с шорохом выехали ремни безопасности. Он сначала пристегнул меня, потом придирчиво проверил, как пристегнулся Чжэхи, и только после этого пристегнулся сам. Показал мне на специальные углубления в полу и велел:

– Держитесь как можно крепче.

Я быстро засунул грелку в карман и схватился за углубления.

– Прямо за пол держаться? И как долго?

– Это поручни. Не отпускайте, пока я не скажу.

Поручни? Поверхность под руками была отполирована до блеска – видимо, я не первый, кто цеплялся за нее в попытке выжить.

Чжэхи, кажется, уловил мое немое изумление и тихонько усмехнулся; плечо, прижатое к моему, едва заметно дрогнуло. Потом он решил окончательно меня добить:

– Трясти будет знатно. Если не хочешь откусить себе язык, держи рот закрытым. Ах да, ты же стоматолог... если что, наверное, сам себе его потом пришьешь?

– Ким Чжэхи.

Син Хэрян произнес имя так, будто велел заткнуться.

Но Чжэхи только улыбнулся:

– Шучу, командир. Разве не смешно? Мне кажется, очень.

Никто из наших так не пугался и не паниковал. Я все мечтал загнать в субмарину Санхёна, но он, зараза, чует подвох за километр.

– А если серьезно, то насколько сильно будет трясти? Как на американских горках?

Если я выживу, то больше никогда в жизни не сяду в эту чертову жестянку.

Син Хэрян на секунду задумался, а потом ответил:

– Все будет нормально. От этого еще никто по-настоящему не умирал.

И как это понимать? Что, кто-то умер не по-настоящему?! По затылку пробежал холодок. Я уже не понимал, дрожу от холода или от страха. Перед посадкой Чжэхи спрашивал, укачивает ли меня, и я предполагал, что будет трясти... но не думал, что это случится так скоро.

Голос Чжэхи превратился в фоновый шум. Он говорил о том, что с учеными на борту весело не бывает, они всю дорогу глазают в иллюминатор, выискивая редких глубоководных тварей, чтобы сфоткать, записать видео, взять образец, и даже не замечают, что их тошнит.

– Поэтому, – говорил Чжэхи, – тебе, спаситель, тоже надо на чем-нибудь сконцентрироваться, например подумать о бесчисленных страждущих, которых еще предстоит спасти, и все происходящее покажется сущей ерундой...

Я не воспринимал услышанное. Все слова проходили мимо ушей.

Что я вообще тут делаю?

«До начала погружения осталось двадцать секунд. Научный сотрудник Пак Мухён, у вас отсутствует опыт плавания в пилотируемой субмарине. Искренне желаю удачи в этом прекрасном путешествии. Пусть ваши поиски будут успешны».

ИИ что, пытался меня подбодрить?

– М-м-м, – промычал я рассеянно, почти отключившись. Кто бы помог мне душу найти, которая от страха куда-то отлетела...

«Пять, четыре, три, два, один».

Слушая, как «Челони» ведет обратный отсчет, я крепко зажмурился и стиснул зубы. Субмарина отстыковалась от дока и пошла вниз, в темноту.

Если бы меня попросили описать этот опыт, я бы сказал: ощущение было таким, будто какая-то морская тварь схватила субмарину, потрясла, как шейкер, и запустила куда-то в океан, словно шар для боулинга.

Субмарина перевернулась вверх дном, и только тогда я понял, зачем тут ремни. Руки упрямо соскальзывали с поручней. Несколько раз меня тряхнуло так, что я всерьез испугался, как бы не понадобилась повторная операция на спине. Лучше уж вертолет, честное слово...

Через некоторое время Син Хэрян сказал, что все закончилось, отстегнул мой ремень и спрятал обратно в панель на полу. У меня не было сил даже на то, чтобы собраться с мыс-

лями. Хорошо, что я не успел нормально поесть. Интересно, кто догадался брать сюда горячий чай? Они вообще с головой дружат? Стоит пролить, и все внутри получают ожоги.

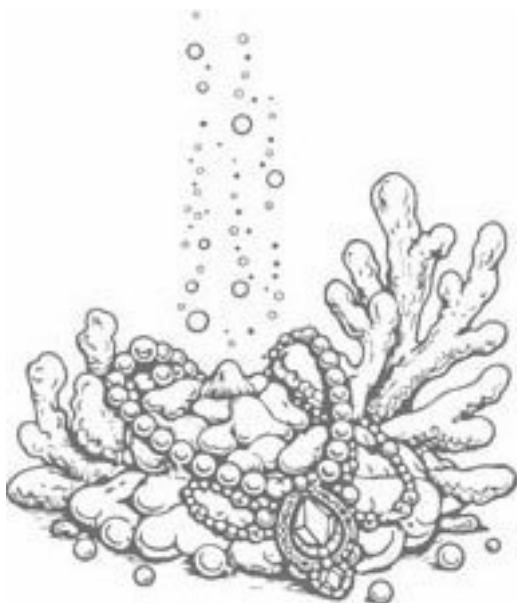
Я завалился на бок, не вставая с места, и Чжэхи, усмехнувшись, начал осторожно растирать мне спину:

– Молодец. Даже пакетик для блевоты не понадобился.

– Это все, да? Больше трясти не будет?

– Будет. Когда начнем выходить на поверхность, трясти будет примерно так же.

Я ответил красноречивым молчанием.

Глава 256. Субмарина. Часть 7

Поначалу корпус ощутило трясло, но стоило субмарине погрузиться в море, как ход выровнялся, и все звуки будто отрезало. Слышался лишь глухой гул вращающегося вдалеке вентилятора. Тишина стала почти осязаемой, тяжелой.

Казалось, что субмарина поднимается очень медленно – почти незаметно.

Чжэхи поманил меня и показал на иллюминатор. Я нагнулся, почти лег на живот и не увидел ровным счетом ничего.

– Ничего не видно.

– «Челони», включи прожекторы.

«Есть, заместитель капитана Ким Чжэхи».

Только услышав их короткий обмен репликами, я в полной мере осознал: снаружи – крошечная темнота, куда не проникает ни один луч света. Впрочем, это логично, мы же на глубине три тысячи метров. Но, как ни странно, страшно

не было. Внутри субмарины горел тусклый свет, мы видели друг друга, я был не один, и, наверное, именно это придавало уверенности. Если бы я сидел тут один, в темноте, – уверен, паника накрыла бы мгновенно.

«Челони» включил прожекторы, я уставился в иллюминатор – и на несколько секунд обомлел. В голове всплыл до боли знакомый образ: едешь по пустой дороге, снег валит стеной, а фары выхватывают из темноты лишь тонкую полоску света. Прожектор разрезал мрак, как нож, и частицы взвеси напоминали крупные хлопья снега, закрученные ветром. Глядя на них, я почти забыл, где нахожусь, забыл, что умираю здесь снова и снова, что опасность поджидает за каждым углом. Казалось, я просто сижу в машине, или в кафе, или в больничной палате и вместе с кем-то смотрю в окно на падающий снег.

Даже здесь, в этой бездонной тьме, идет снег.

У меня вдруг появилось странное чувство, будто я подсматриваю за какой-то тайной, которую мир от всех прячет. Говорят, если не происходит никаких катастроф, морское дно – одно из самых стабильных мест на планете. Температура, плотность, давление... все остается неизменным годами, десятилетиями, веками, а порой и тысячелетиями. Как будто время здесь замирает.

И вот теперь, глядя на эту замерзшую вечность, я почему-то представил, что этот снег падает здесь уже тысячи лет. Десятки тысяч.

Я, словно зачарованный, смотрел, как за иллюминатором бушует метель. Время от времени в поле зрения появлялись и пропадали глубоководные существа – медузы, удильщики, какие-то длинные неведомые твари. Они светились – красным, желтым, синим; казалось, кто-то развесил новогоднюю гирлянду в бездне. Свет, блески, снег. Настоящее Рождество.

Снег всегда вызывал у меня легкое волнение и трепет. Вот уж не думал, что испытаю нечто подобное здесь, на дне океана. Перед глазами был всего лишь подводный пейзаж, но в груди отозвалась болезненная тоска по земле, по настоящему снегу.

– Красиво, правда? Это морской снегопад. Один профессор-океанолог, который ходил с нами, сказал, что ощущение такое, будто сидишь в домике в горах и смотришь, как за окном валит снег.

Чжэхи заговорил мне прямо в затылок, и я вздрогнул. Видимо, я был не первый, кто так завис у окна. Стало как-то неловко от того, насколько я выпал из реальности, и я оглянулся. Чжэхи мял в руках грелки, Син Хэрян тоже смотрел наружу, но через другое окно, и, похоже, не любовался видом, как я, а проверял, нет ли снаружи опасностей.

– Очень красиво, – отозвался я. – Кажется, будто мы не под водой, а едем по заснеженной трассе.

Пока я не заглянул в иллюминатор, было трудно понять океанологов, готовых выложить огромные деньги ради того,

чтобы попасть в субмарину, но сейчас, кажется, я начинал их понимать. Возможно, пойму и астронавтов, которые летят в космос, зная, что могут погибнуть, если когда-нибудь сяду в космический корабль.

Но сейчас я просто хочу домой.

Минут двадцать я молча любовался «снежным» пейзажем, а потом отпрянул от окна. Меня напугал удильщик – мерзкая, уродливая рыба, которая вдруг появилась в свете прожектора. Сначала эта тварь была где-то далеко, но стоило моргнуть, как она оказалась прямо перед стеклом. С раскрытой пастью. На фоне снега и тишины – зрелище из разряда «минус сто к стабильности нервной системы». От неожиданности я едва не дернулся.

Син Хэрян, который в этот момент разговаривал с «Челони» и проверял ход подлодки, сразу обернулся:

– Что-то случилось?

– Нет, все нормально. Просто... испугался какой-то гадо-сти.

Это же пилотируемая глубоководная субмарина – она должна быть достаточно прочной, чтобы выдержать столкновение с рыбиной, верно?

Чжэхи заглянул в иллюминатор, от которого я в панике отпрянул, и хмыкнул:

– Ты пугаешься с полуоборота. Там уже никого нет.

– Удильщик... зубов у него было... ладно, неважно.

Сам попробуй встретиться взглядом с удильщиком, кото-

рый плывет прямо на тебя! Вся пасть у него усыпана тонкими, кривыми зубами, как у старой пилы. Пока сам не увидишь, не поймешь, насколько это крипово. Я чуть было не начал оправдываться, но в итоге смолчал – стыдно стало.

Я был так сосредоточен на том, что происходит за окном, что даже не заметил, как бедро словно загорелось огнем. Вспомнив, что запихнул в карман грелку, торопливо вытащил ее и начал растирать озябшие пальцы.

Чжэхи кивнул на смотровое окно:

– Больше смотреть не будешь?

– С меня хватит. Сам смотри, Чжэхи.

– Забавно, как по-разному ведут себя люди, оказавшись на глубине. Одни прижимаются лицом к иллюминатору и сидят так до самого подъема, а другие через минуту теряют интерес.

Мне вдруг стало интересно, как вел себя сам Чжэхи.

– О чем ты подумал, впервые оказавшись на глубине?

– О том, что здесь красиво. Все сверкает. Ты знаешь, что большинство глубоководных существ умеют светиться? Не то что люди. Живут себе во тьме и светятся. А вы о чем подумали, командир?

Я вспомнил, как торчал у аквариума с медузами, любуясь той, которая переливалась золотом, и чистил зубы по полчасу, потому что не мог оторваться от этого зрелища. Тогда я впервые увидел, как живое существо само излучает свет, и просто залип.

В отличие от Чжэхи, я думал, что глубоководные твари светятся не от хорошей жизни, а чтобы выжить во тьме. Находишься они под солнцем, биолюминесценция им и даром не нужна была бы. А так – вечно во тьме, вот и приходится таскать освещение с собой.

Син Хэрян, не отрываясь от приборов, сухо заметил:

– Зато из-за жизни в полной темноте глаза у них почти полностью атрофировались.

– Ну и что? Без глаз можно жить. Зато они светятся. Круто же.

Легко говорить, когда у тебя оба глаза на месте, Чжэхи. Никто не знает, когда у кого начнутся проблемы со зрением.

– Нет уж, глаза – это важно, – встрял я. – Обязательно ходите к офтальмологу и берегите зрение.

Вдруг Чжэхи наклонился ко мне поближе и задал совсем неожиданный вопрос:

– Спаситель, а ты женат? Расскажи что-нибудь о себе.

– Не женат. И... я вообще не особенно интересный человек, даже не знаю, что рассказать.

– А почему на Подводную станцию устроился?

– Хотел заработать. А теперь смотрю на все, что происходит, и понимаю, что вложился в тонущий актив.

Мой вялый ответ рассмешил и Син Хэряна, и Чжэхи, и этого уже было достаточно, чтобы я остался доволен.

А потом Чжэхи снова посмотрел на меня и с самым серьезным видом спросил:

– А ты когда-нибудь пытал непослушных пациентов?

Я выпал. Потом, секунду спустя, просто расхохотался. С минуту не мог остановиться и наконец, отсмеявшись, переспросил:

– А как, по-твоему, стоматологи «пытают» людей?

– Ну, вырывают зубы без наркоза. Или бормашиной проделывают в них дырку, а потом ковыряют по самому нерву...

С ума сойти. Даже представить такое страшно. Меня перекорежило, будто жареного кальмара на сковородке. Это, наверное, чудовищно больно.

Син Хэрян посмотрел на Чжэхи с выражением крайнего недоумения и спросил:

– Кто тебе такое нарасказал?

– Николай с Дмитрием.

– Больше с ними не разговаривай. Как только начнут что-то втирать, сразу зови меня. – Син Хэрян повернулся ко мне и буднично объяснил: – Это старые пытки, которые использовала русская мафия.

После его слов услышанное показалось мне еще более безумным. И он-то откуда знает?

Я с трудом собрал мысли в кучку и спросил:

– Они что... про анестезию вообще не слышали?

– Очень сомневаюсь, что это слово есть в словаре у мафиози. Максимум – залиют в жертву водку.

Долбить по нерву бормашиной... Нет, у них точно с головой не все в порядке. Я покосился на Чжэхи и спокойно

ответил на его изначальный вопрос:

– Я профессиональный палач, поэтому стараюсь сводить страдания своих жертв к минимуму. Другие вопросы есть?

Следующий вопрос задал Син Хэрян, причем нормальный – такой, какой обычно задают новым коллегам:

– Чем вы обычно занимаетесь в свободное время?

– Смотрю боевики, звоню родным... просто валяюсь без дела. А вы, Хэрян?

– Общаюсь с коллегами. Или вяжу.

Я задумался: под «общением» он действительно имеет в виду беседу? Или, как в случае с Ямаситой, обмен ударами? Фраза ведь вполне двусмысленная, да? Я собрался с духом и решил спросить в лоб. В конце концов, Син Хэрян не выглядел человеком, который бьет без причины.

– Это... общение часто перерастает в драки? Как там, у эвакуационного отсека?

Син Хэрян ответил не сразу.

– В большинстве случаев все решается словами. Но есть люди, которые упорно не хотят договариваться по-хорошему, тогда я решаю вопрос кулаками. Когда у человека болит зуб, он уже ни о чем больше не может думать. Пока до стоматолога не доберется, буянить лишний раз не будет. Только вспоминать обо мне во время еды.

Да он же гений. Злой, но гений. Зубы сами по себе не заживают – надо идти к врачу, по-другому не выйдет. А до недавнего времени на этой Подводной станции стоматолога

вообще не было.

– А что вы вяжете?

– Носки.

– Правда? И что, потом сами носите?

Хобби неожиданное – в моем кругу никто не вяжет, поэтому прозвучало особенно свежо.

– Я не думаю о том, для кого именно вяжу. Заканчиваю, и через несколько дней носков уже нет. Видимо, берут те, кому надо.

– Обычно мы с замкомом и Чжихёком, – вставил Чжэхи. – Для Эён и Чжихён они великоваты.

– А ты чем занимаешься в свободное время, Чжэхи? – спросил я.

Глава 257. Субмарина. Часть 8

– А я люблю пить, – как ни в чем не бывало сказал Чжэхи.

У меня в голове тут же замигала тревожная лампочка. Ну конечно. Похоже, у каждого здесь обязательно есть своя слабость к тому, что на станции строго запрещено. Слова Чжэхи можно перевести как: «Я увлекаюсь уничтожением собственной печени». Продолжая разговор, я пригляделся к его зубам. Сразу вспомнились пациенты, которые всерьез верили, будто алкоголь дезинфицирует ротовую полость, и этим оправдывали свое пьянство.

– Что пьешь?

– Да все подряд. Выпью, и сразу легче на душе.

Ага. Теперь в голове мигают уже две тревожные лампочки.

– Обычно пьешь в компании или в одиночку?

– И так и так. С людьми весело, но и в одиночестве хорошо.

– И часто?

Чжэхи усмехнулся и лукаво сказал:

– В последнее время я почти не пью. А что? Хочешь выпить на брудершафт? Правда, из-за нашего командира алкоголь тут – дефицитный товар. Его почти невозможно достать.

С этими словами он выразительно покосился на Син Хэряна.

Тот почувствовал взгляд и сухо отрезал:

– Пока я здесь, о выпивке даже не мечтай.

Похоже, каждый член команды у Син Хэряна был на особом контроле: у Чжихёка отняли сигареты, у Санхёна – возможность тусоваться, а у Чжэхи – алкоголь. Наверняка запретов больше, просто я о них не знаю. Видимо, желающих делать то, что нельзя, тут хватает.

Я мельком глянул на зубы Чжэхи, но ничего особенного не заметил – ни характерного запаха, ни воспаленных десен, которые часто встречаются у алкоголиков. А ведь у тех, кто много пьет, почти всегда страдают зубы, как бы тщательно они их ни чистили.

Беда таких болезней в том, что до совсем запущенной стадии они почти не болят. Потому алкоголики спохватываются поздно, и к тому времени, когда доходят до стоматолога, велик шанс лишиться пары-тройки зубов.

– Давай лучше кофе выпьем. Я угощаю.

К черту алкоголь. Лучше заманить Чжэхи в клинику на кофе, уложить в кресло, зафиксировать голову и устроить

ему принудительный скейлинг. Провести полную ревизию ротовой полости и только потом снова выпустить в общество.

Ничего не подозревая о моих коварных планах, Чжэхи улыбнулся и продолжил:

– Хм... Кроме этого, у меня, кажется, нет настоящих увлечений. Разве что... валяться и залипать на бессмысленные видосы? Вспоминать прошлое, заниматься самобичеванием и проклинать свою жизнь? Трепаться с сектантами? Ухаживать за протезами?

Если не считать первого и последнего пунктов, то нормального в его «увлечениях» не было ничего.

Син Хэрян наконец не выдержал и вставил:

– Забыл еще одно. Скупать еду и складировать у себя в комнате.

– А ведь правда. Пожалуй, это тоже считается.

Похоже, до слов Син Хэряна он и не задумывался о своей привычке. Мне сразу вспомнилась комната Чжэхи, где вдоль стен громоздились запасы еды от пола до самого потолка. Лапша, рис, чипсы, банки с соком и газировкой... Комната напоминала не жилое помещение, а импровизированный продуктовый склад.

– Я покупаю продукты впрок. Беру сразу большими партиями, не ем, просто складываю... а потом, когда до истечения срока годности остается совсем немного, мои коллеги приходят и все «утилизируют». Не окажись рядом людей

с хорошим аппетитом, вся еда испортилась бы или сгнила и пришлось бы выбрасывать. Вот такое у меня хобби.

Описывать себя настолько трезво – тоже талант.

– Недешевое удовольствие. Зачем покупать, если все равно не ешь?

– Так я же планирую съесть, когда покупаю. Но стоит попробовать одну-две порции, и надоедает, и остальное остается лежать. Иногда пока заказ сюда добирается, я успеваю потерять к нему интерес. Плюс распаковывать коробки – целая морока. Обычно я жду выходных и открываю все скопом.

Хранить в своей комнате гору еды, которую даже не собираешься есть, – мягко говоря, странно. И бросать после «одной-двух порций» – тоже. Чжэхи знает свои заморочки, так зачем покупает столько лишнего? Жить в окружении башен из еды – удовольствие сомнительное.

– А можно... ну, выкупить у тебя что-нибудь из запасов?

– Ты вообще можешь брать что угодно. Все, что у меня есть, – твое.

Улыбнулся так, будто ни капли не шутит. Я поневоле задумался: не будь я пресловутым спасителем, стал бы он так мило предлагать мне все подряд? Впрочем, тратить время на такие мысли – себе дороже, поэтому я быстро их отогнал.

Чжэхи ненадолго замолчал, а потом добавил:

– Вообще, мне эти запасы еще ни разу не помешали. Наши ребята едят хорошо. Иногда коллеги из других команд что-то у меня выкупают или меняются. Шоколадное молоко

в пачках, например, почти всем заходит. Когда на станции открывается ярмарка, я часть продуктовставляю на продажу – все сметают. Однажды продал целую коробку соуса для яннём чикина, так его какие-то канадцы или австралийцы купили и ели с хлебом.

– А как остальные проводят время? Есть у кто-нибудь хобби поэкзотичнее твоего?

Скорее всего, нет. Кто еще складировает еду у себя в комнате, как белка? Большинство увлечений, о которых я обычно слышу, довольно обычные – книги, фильмы, походы.

Син Хэрян немного подумал и сказал:

– Есть один человек, который увлекается Таро.

О. Звучит любопытно. И неожиданно.

Чжэхи рассеянно провел большим пальцем по протезам на руке и добавил:

– Вообще клубов по интересам здесь полно. Баскетбольный, футбольный, волейбольный... Есть клуб настолок, есть кружок по вызыванию Ктулху.

Последнее – это что вообще такое? Чем вы тут на станции занимаетесь?!

– По вызыванию кого?

– Ктулху. Я пару раз ходил. Честно говоря, сомневаюсь, что они смогли бы призвать даже гигантского кальмара.

Кажется, Чжэхи умудрился сунуть нос во все самые странные места на этой станции. Он задумался, уставился куда-то в сторону, потом повернулся к своему начальнику и спросил:

– Что еще у нас тут есть?

Син Хэрян секунду размышлял.

– Ремонт одежды. София Лорент, инженер из команды «А», привезла с собой швейную машинку. В свободное время она чинит для души всякую мелочовку, подшивает брюки за небольшую плату. Нужно написать на записке номер своей комнаты и положить вместе с деньгами и одеждой в корзину у ее двери, и через несколько дней вещи возвращаются к владельцу уже подшитыми.

– Удобно. Вы что-нибудь у нее чинили?

Син Хэрян покачал головой, а Чжэхи ответил:

– Я отдавал несколько вещей, которые надо было отпарить: утюга у меня нет. Все было сделано в лучшем виде. А Эён как-то подшивала у Софии брюки. Я запомнил, потому что Чжихёк потом дразнил ее.

– Дразнил? Но за что?

– Ну... Мол, она и так коротышка с короткими ногами, ей штаны удлинять надо, а не укорачивать. После таких слов Эён прописала ему пинок.

А. Ну, Чжихёк сам напросился. Люди имеют право укорачивать штаны. Интересно... а удлинить их вообще кто-то пробует?

Син Хэрян усмехнулся и посмотрел на меня.

– Еще тут есть человек, который делает массаж шрамов. После травм или операций. Говорят, раньше он работал физиотерапевтом в Штатах.

Массаж шрамов? Я сразу наострил уши.

– Вы у него были?

– Нет, – ответил Син Хэрян.

– А я был, – ответил Чжэхи. Такое ощущение, что, в отличие от Син Хэряна, Чжэхи уже успел побывать везде, где только можно. А ведь он на станции не так давно. – Он массирует только зажившие шрамы, не свежие. С маслом. По ощущениям, как будто кожу выдубливают. Сначала больно и неприятно, но потом понимаешь, что оно того стоило. Правда, попасть к нему сложно. Попробуй как-нибудь, если удастся записаться.

Я кивнул, и тут сверху раздался голос «Челони»:

«Скоро мы достигнем глубины в тысячу метров. Сейчас мы находимся в непосредственной близости от дока для подлодок Третьей подводной базы. Рядом обнаружены три субмарины: „Мэри Гилмор-11“, „Симчхон-13“ и „Анита-14“. Капитан Син Хэрян, желаете ли вы посетить Третью подводную базу?»

Рядом – сразу три другие субмарины? Почему они не идут к поверхности? Неужели решили спрятаться на глубине в тысячу метров? Куда логичнее сразу вырваться на поверхность, чем маячить рядом с Третьей базой.

– Можно с ними связаться?

«Попытки связаться с ИИ или капитанами этих аппаратов продолжаются с того момента, как мы оказались на расстоянии тридцати метров, но ответа не поступает».

– А с Третьей базой?

«Связь полностью утеряна».

– Продолжай попытки. И поднимайся до двухсот метров в автоматическом режиме.

По команде Син Хэряна субмарина начала медленно подниматься. Не прошло и трех минут, как «Челони» внезапно заговорил:

«Поступили данные с ближайшей субмарины, „Анита-14“. Ознакомиться?»

– Да.

Через несколько секунд «Челони» сообщил:

«После эвакуации с Третьей подводной базы на борту начался конфликт между членами экипажа. По предварительным данным, возник спор по поводу допуска к посадке и распределения мест. С тех пор жизненных показателей не зафиксировано».

Это что вообще значит?

– То есть... все мертвы? – выдавил я.

«Челони» бесстрастно ответил:

«По оценке системы ИИ, да. Данные с остальных субмарин в процессе загрузки. Озвучить информацию по мере готовности?»

– Да, но курс не меняй.

«Принято. Проверяю „Мэри Гилмор-11“».

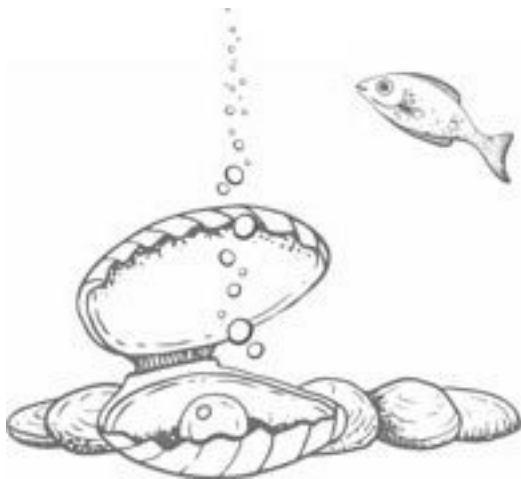
Прошло еще около пяти минут.

«Связь с „Мэри Гилмор-11“ установить не удастся. По-

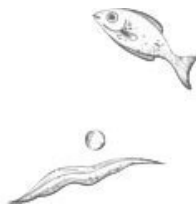
хоже, аппарат шел в принудительном режиме после отказа всех коммуникационных каналов. Приступаю к расшифровке данных „Симчхон-13“. Они только что поступили. Ознакомиться?»

– Да.

«Аппарат был запущен в аварийном режиме при нарушении герметичности корпуса и неспособности поддерживать внутреннее давление. Жизненных показателей у членов экипажа не обнаружено».

Глава 258. Столкновение. Часть 1

Такое ощущение, что на глубине люди умирают слишком легко – просто от самого факта нахождения в подлодке.

– Вот почему в батискаф или субмарину нужно садиться только с теми, с кем у тебя нормальные отношения, – сказал Чжэхи с таким превосходством, будто сам сидел в каком-нибудь первом классе. – Все равно ведь приходится сидеть бок о бок. А если люди не в ладах, проблем не избежать. Скрыться-то некуда.

Удивительно, что люди умудряются устраивать драки в такой тесноте. Мы вдвоем стараемся лишний раз не касаться друг друга, но стоит чуть пошевелиться, и ты уже ткнул соседа локтем или коленом в бок. Тут и правда не развернуться. А если представить, что рядом сидит тот, кого ты искренне ненавидишь... Да вы же переубиваете друг друга в первые же минуты.

Если уж с субмариной на два-три человека все настолько

сложно, то что же творится на подлодке, где людей несколько десятков? Там что, не двигаются и дышат через раз, чтобы не раздражать соседей?

Чжэхи вдруг повернулся ко мне и лукаво улыбнулся:

– Те, кто слишком хорошо ладит, на субмарине тоже могут доставить хлопот.

– Почему?

– Они, как бы это сказать... могут устроить здесь свой mile high club⁸.

Он с улыбкой выдал незнакомое мне английское выражение, и только тогда я вспомнил, что остался без переводчика. Я без задней мысли спросил, что это значит. Глаза у Чжэхи распахнулись, лицо снова расплылось в улыбке, но Син Хэрян нахмурился и сказал:

– Будешь нести чушь – высажу прямо тут.

– Командир, мы уже на отметке минус девятьсот девяносто метров. Куда вы меня посадите? – расхохотался Чжэхи.

– Сиди тихо, если не горишь желанием плыть с рыбами.

Окей. Почему кажется, что они сейчас подерутся? Эй, мне же не придется разнимать вас в этой консервной банке?

Чжэхи покосился на меня, хитро усмехнулся и промолчал. Я еще несколько секунд смотрел на него, потом повернулся к «Челони» и начал задавать вопросы, которые давно вертелись у меня в голове.

⁸ MILE HIGH CLUB – жаргонное выражение, обозначающее неформальный «клуб» людей, которые занимались сексом на борту самолета во время полета.

– «Челони», что происходит, если субмарина не выдерживает давления?

«Научный сотрудник Пак Мухён, в данный момент вы находитесь внутри гермокорпуса – зоны, где независимо от внешнего гидростатического давления всегда сохраняется давление в одну атмосферу. Точные обстоятельства аварии субмарины „Симчхон-13“ можно узнать только после проверки судового регистратора данных рейса, однако, согласно последней переданной записи, пассажиры подверглись резкому воздействию давления не менее девяноста девяти атмосфер».

Судовой регистратор данных рейса – это, по сути, черный ящик субмарины?

Девяносто девять атмосфер... Даже представлять не хочется. При таком давлении человека просто расплющит.

– Мы можем как-то помочь людям на других подлодках?

«Моя система обслуживания предоставляет функционал только для живых пассажиров аппарата „Симчхон-7“».

Получается, ИИ субмарины запрограммирован в экстренной ситуации всегда ставить на первое место именно своих пассажиров, но прозвучало это так, будто «Челони» только что заявил: «Пока вы живы, я к вашим услугам, но как только помрете, мне станет на вас наплевать». Само собой, мои ноутбук и планшет тоже будут служить мне только до тех пор, пока я жив. Все логично, но услышать такое в лоб было немного странно.

«Если вы рассматриваете возможность спасательной операции, то подходить к „Аните-14“ и „Симчхон-13“, где отсутствуют признаки жизни, нецелесообразно. На „Мэри Гилмор-11“ связи нет. Теоретически там могут оказаться выжившие, но, по моим расчетам, ожидаемая польза крайне неопределенна относительно риска. Рекомендую следовать решению капитана Син Хэряна и двигаться либо ко Второй, либо к Третьей подводной базе».

Хорошо, что «Челони» – ИИ. Будь на одной из трех субмарин моя семья и скажи мне такое живой человек, я бы устроил драку похлеще той, что случилась на «Аните-14».

– Тогда как вообще спасают выживших или поднимают тела из субмарин?

Вместо «Челони» ответил Син Хэрян:

– Обычно запускают дрон, которым управляют со станции. Подцепляют трос к поврежденному аппарату, после чего либо его поднимают сразу, либо буксируют в точку, откуда можно поднять. Но «Мэри Гилмор-11» мы спасти не будем и сразу пойдем на подъем.

Значит, использовать одну субмарину, чтобы спасти другую, – не вариант. Рисковать живыми ради тех, кто, возможно, уже мертв, тут никто не будет.

Заметив выражение моего лица, Чжэхи постарался меня приободрить:

– С нами все будет хорошо. Мы же прогнали несколько симуляций, помнишь?

– Надеюсь, на «Мэри Гилмор-11» никого не было.

Надеюсь, так и есть. Надеюсь, когда субмарину вытащит дрон, она окажется пуста. Но все равно... чувство бессилия не отпускало. Мы ведь даже не можем ничем помочь.

Чжэхи то зевал, то изредка поглядывал на экран, а в остальное время сидел совершенно неподвижно, будто мертвец.

Я постепенно привыкал к субмарине, и в какой-то момент в голове осталась только одна мысль – поскорее бы отсюда выбраться. Я чувствовал себя то ли пациентом, застрявшим в больнице, то ли офисным клерком, которого заперли на работе. Помимо редких обменов репликами между Син Хэряном и «Челони», все остальное время царила тишина, и минуты текли медленно, вязко.

Не знаю, как оно обычно бывает, но подъем занял меньше времени, чем я ожидал. Мы едва пересекли отметку в тысячу метров, как «Челони» сообщил, что до Второй базы, которая находится на глубине двести метров, осталось меньше десяти минут.

Я, конечно, не параноик, но... вдруг «Челони» говорит, что мы поднимаемся, а на самом деле стоим на месте? Мне захотелось на всякий случай посмотреть в иллюминатор. В последний раз я заглядывал в него около пятидесяти минут назад, тогда снаружи проплывали глубоководные твари размером меньше ладони, выглядевшие как недоэволюционировавшие доисторические монстры. Кроме удильщика с тор-

чащими наружу зубами, который подплыл почти вплотную к стеклу, попадались и изящные морские пауки с длинными, неестественно согнутыми конечностями, но стоило одному из них вонзить свой тонкий, как соломинка, хобот в добычу и с жадностью высосать из нее все, что можно, как мне захотелось рассматривать подводный мир.

Пожалуй, такое зрелище оценил бы только морской биолог. Ю Гыми, наверное, была бы в полном восторге.

Но после сообщения «Челони» я снова посмотрел в иллюминатор и, к своему облегчению, наконец увидел морских существ, которые выглядели знакомо. Мимо субмарины проплывали длинные рыбешки, похожие на морских угрей. Я завороженно уставился на их темно-синие тела и вдруг заметил вдалеке стаю вытянутых рыб – по всей видимости, акул. Они вызывали трепет, пусть и не такой, как светящиеся глубоководные существа, которых мы видели раньше.

И тут я увидел глаз. Черный, размером с арбуз, он уставился на меня. Почему за бортом подлодки плавает гигантский глаз?!

Я моргнул. Еще раз. И еще. Но глаз никуда не делся. Он был таким большим, что заслонял почти весь обзор, и я застыл. Не мог ни пошевелиться, ни отвести взгляд и только таращился в ответ.

И только когда «глаз» чуть сместился, я понял, что это гигантский кальмар. Свет от прожекторов высветил щупальца, которые уходили куда-то в бесконечность. Я смотрел, как он

медленно проплывает мимо, а потом, уже не соображая, что делаю, отполз подальше.

Син Хэрян выглянул в другой иллюминатор и удивленно произнес:

– Гигантский кальмар. Обычно они очень пугливые и почти никогда не подплывают к подлодкам так близко.

Я даже сказать ничего не смог – онемел от страха. Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться наружу. Кальмар был больше нашей субмарины. Он медленно скользнул в темноту, туда, куда не доставал свет, и исчез. Чувствую, он мне теперь в кошмарах будет сниться.

В этой тесной, как консервная банка, субмарине я невольно забился подальше от иллюминатора и в итоге почти повис у Чжэхи на спине. Но он только развеселился.

– Мухён, ты вообще понимаешь, насколько редко удаётся увидеть гигантского кальмара? А чтобы он подплыл так близко, это вообще редкость из редкостей. Быстро загадывай желание!

– Желание? Пусть все, кто сидит в этой подлодке, благополучно выберутся на поверхность!

Мое сбивчивое, почти со слезами произнесенное «желание» почему-то вызвало смех. Ну отлично. Рад, что смог вас повеселить.

– Неужели у тебя нет желания помасштабнее? Ну там мир во всем мире, спасение человечества, власть над временем?

– Чего ты вообще ждешь от здорового кальмара? –

огрызнулся я. – У него из активов только белок!

– Ах, какой неромантичный у меня спаситель. Ну что с тобой делать? – вздохнул Чжэхи.

Тут в разговор вклинился «Челони»:

«Скоро мы достигнем глубины в двести метров. Приближаемся к доку Второй подводной базы. В непосредственной близости обнаружен...»

В следующую секунду субмарину потрянуло так, будто началось землетрясение. Мы не были пристегнуты, и нас раскидало по отсеку, как кегли. Придя в себя, я обнаружил, что на мне лежит Чжэхи, а на нем – Син Хэрян. Ну просто человеческий бургер. Казалось, удар пришелся сверху. Нас подбросило, и, если бы повезло чуть меньше, кто-нибудь раскроил бы себе голову о потолок.

Первым пришел в себя Син Хэрян – спросил у «Челони», что сейчас произошло. ИИ ответил, что «проводит проверку», и замолчал. Похоже, для него случившееся тоже стало полной неожиданностью.

Я продолжал лежать на полу, и Чжэхи помог мне подняться. На панели управления ничего не отображалось – вокруг «Симчхон-7» не было ни единого объекта. По идее, столкнуться нам было не с чем. Тогда что же произошло?!

– Ты как, жив? – спросил у меня Чжэхи.

– Жив, – отозвался я.

Не дождавшись ответа от «Челони», Син Хэрян наклонился к иллюминатору. Снаружи медленно опускалась суб-

марина почти вдвое крупнее нашей. Похоже, именно с ней мы и столкнулись. Понять, что это была субмарина, удалось только потому, что наш прожектор успел на миг выхватить из темноты корпус, прежде чем замигал и погас. У второго судна не горел ни один огонь. «Челони» твердил, что мы столкнулись с «неидентифицированным объектом». Видимо, он даже не понял, что это другая субмарина. Наверное, у нее вышло из строя навигационное оборудование. Поэтому мы их не видели. И они нас – тоже.

Внезапно «Челони» начал озвучивать список повреждений – пункт за пунктом, с бешеной скоростью.

Глянув на экран, Чжэхи повернулся к Син Хэряну:

– Командир, у нас проблема.

– Всего одна?

Чжэхи хмыкнул и исправился:

– Командир, у нас много проблем.

– Начни с самой срочной.

– Похоже, до поверхности мы не доберемся.

Глава 259. Столкновение. Часть 2

– До Второй подводной базы еще кое-как дотянем... но нам придется запустить протокол эвакуации из субмарины.

Протокол эвакуации? Серьезно? На первый взгляд с «Симчхон-7» ничего не произошло: корпус целый, вода не течет.

– Это из-за столкновения с другой субмариной? – спросил я. – Мы же просто слегка задели друг друга, разве нет? Нам правда надо эвакуироваться?

– Наша субмарина весит около двадцати тонн, – спокойно объяснил Чжэхи. – А та – больше сорока. Представь, что будет, если малолитражку заденет проезжающий мимо автобус.

Двадцать тонн?! Я с трудом удержался, чтобы не переспросить. Эта крошечная жестянка, в которую мы еле помещаемся, весит двадцать тонн?!

Син Хэрян уточнил состояние субмарины у «Челони», потом не раздумывая нажал какую-то ярко-красную кнопку.

На экране тут же вспыхнула аварийная тревога, и по всему отсеку замигали красные, оранжевые и зеленые индикаторы. Раньше они либо горели ровным зеленым, либо вообще не зажигались, а сейчас бешено мигали красным, будто вопя: «Почините меня немедленно!»

По отсеку то и дело разносились рваные сигналы тревоги. Если бы я слышал их впервые, то наверняка бы запаниковал, но теперь просто наблюдал за действиями инженеров.

– «Челони», как далеко до ближайшей базы? – спросил Син Хэрян.

«Вторая подводная база находится на глубине двести метров. До нее шестьдесят метров по вертикали».

Что?! Разве несколько минут назад она не была совсем рядом? Когда мы успели так отдалиться? Я-то думал, мы просто слегка задели другую субмарину, а выходит, что от удара нас отбросило метров на шестьдесят вниз?! Это же почти как рухнуть с двадцатого этажа. И я вообще ничего не почувствовал. Наверное, потому что мы под водой...

Син Хэрян нажал на несколько кнопок на панели, взглянул на меня, неловко застывшего в полуприседе, и на Чжэхи, который уже опустился на колени, после чего коротко командовал:

– Лицом в пол.

Я без лишних вопросов шмякнулся на пол. Пол вонял выпивкой, но это волновало меня меньше всего. Почти одновременно рядом с громким шлепком упал Чжэхи и про-

скользнул вперед. Если я выглядел максимально серьезно, то он улыбался, как ребенок на карусели.

Син Хэрян снова достал ремень из панели на полу, вытянул его на всю длину, перекинул через нас с Чжэхи и застегнул. Секунду или две любовался нашим видом, потом снова нажал на какую-то кнопку.

Что она сделала, понятия не имею, но субмарина затряслась так, будто мы и правда оказались на карусели. Вверх, вниз, влево, вправо – тряска не прекращалась ни на секунду. Лечь было абсолютно правильным решением. Будь я на ногах, наверняка впечатался бы в стену и отрубился. Что это вообще было? Син Хэрян включил режим «субмарина на рейве»?

Что я там недавно говорил Чжэхи? Что сделаю все возможное, чтобы не блевать? Еще чуть-чуть, и меня вывернет так, что выплюну не только все, что ел за последние два дня, но и пару внутренних органов заодно. Если кто-нибудь когда-нибудь скажет, что стоматологическое кресло – это пытка, то я рассмеюсь ему в лицо. Вот настоящая пытка. Я лучше выдумаю несуществующую базу на Юпитере и буду всем клясться, что лечу туда, чем еще раз сяду в субмарину.

Стоило только подумать об этом, и меня резко подбросило вверх. Я почувствовал, как тело оторвалось от пола, и понял, что только ремень спас меня от встречи с потолком. Не успел я толком испугаться, как Син Хэрян вцепился в ремень и навалился на нас с Чжэхи сверху, прижимая к полу

собственным телом. Странно, но он совсем не показался мне тяжелым.

Лишь спустя несколько секунд я с запозданием сообразил, что наша субмарина резко всплывает. Распластавшись на полу, как лягушка, я вдруг почувствовал на спине такой вес чужого тела, что аж хрип вырвался. Син Хэрян, который только что использовал нас с Чжэхи как импровизированный матрас, откатился в сторону.

– Тяжелый же ты, – со стоном пробурчал Чжэхи. – Чуть не раздавил.

– Не ной.

Чжэхи поднялся с пола, глянул, как я поднимаюсь следом, а потом повернулся к панели управления.

«Челони» самодовольно отрапортовал:

«Все балластные грузы успешно сброшены».

А, так вот какую кнопку нажал Син Хэрян. Балласт ушел на дно, и субмарина пошла вверх. Судя по тряске, балласт отсоединился не как положено, а в аварийном режиме. Если вспомнить школьный курс физики... кажется, чтобы всплыть, выталкивающая сила должна быть больше силы тяжести. А она, если не ошибаюсь, равна весу вытесненной воды... По-моему, так. Уже не помню, как там формулировался закон Архимеда.

Син Хэрян отстегнул наш ремень, молниеносно сматал его и сунул обратно в панель в полу, после чего приказал «Челони» избавиться от всего лишнего:

– Готовь к сбросу манипуляторы.

«Процесс отсоединения манипуляторов запущен».

– Наблюдательные модули тоже выбрось.

«Производится отсоединение трех внешних камер, проекторов, видеомодуля и трансляционного блока... Правый манипулятор не отвечает. Как действовать дальше?»

– Бери его на себя, – сказал Чжэхи.

Пока Син Хэрян возился с системой балластов, он подошел к панели управления и взял под управление левый манипулятор. Ухватил им правый и начал медленно тянуть. Похоже, правый манипулятор разможило при ударе о другую субмарину, и штатно отстыковаться он уже не мог – в итоге его просто оторвали. После этого спокойно отстегнули левый манипулятор и тоже отправили ко дну. Так «Симчхон-7» осталась без обеих «рук» и беспомощно поплыла вверх сквозь чернильную тьму.

Не знаю, сколько весит один такой манипулятор, но, несмотря на то что мы сбросили сразу оба, никакой разницы не чувствовалось. Может, из-за выталкивающей силы они не такие уж тяжелые? Камеры, которые показывали их положение, видимо, тоже отстегнули – монитор просто погас.

«Наблюдательные модули отделены».

Меня подмывало спросить, нормально ли выкидывать все подряд? А если внизу кто-то есть и ему по башке прилетит манипулятором или балластом? Но я благоразумно прикусил язык. Все-таки я тут профан, пусть профи решают, когда

и что сбрасывать.

«Симчхон-7» тем временем уже почти добралась до отметки в двести метров. Меня поражало, насколько здесь все продумано: оказывается, у субмарины почти все части можно отстегнуть и выбросить в случае аварии. Так и было задумано с самого начала? Наверняка ее неоднократно упрощали, облегчали, ужимали... И при этом все равно заложили возможность пожертвовать оборудованием, если понадобится экстренно всплыть.

Син Хэрян, казалось, делал все возможное, чтобы максимально разгрузить аппарат. Если бы на борту оказался кто-то, кто ему не нравится, я почти не сомневался – он бы выкинул и его.

Чжэхи посмотрел на меня с нехорошей улыбкой и задал вопрос, от которого мне стало сильно не по себе:

– Спаситель... а ты хорошо плаваешь?

Да вы шутите. Я только тяжело вздохнул, закрыл глаза, потом снова открыл. Сегодня я уже успел поплавать. С меня хватит.

Услышав мой вздох, Чжэхи добавил:

– Балластный танк барахлит. Вода не откачивается как надо. Воздух подается вроде бы нормально, но, похоже, где-то утечка. Не знаю, поломка уже была или появилась после удара...

Чжэхи говорил с ноткой сожаления, но без малейшего страха, несмотря на то что мы могли умереть. Внутри субма-

рины было градуса три, но почему-то я совсем не чувствовал холода.

Я снял куртку, аккуратно свернул и отложил в сторону, потом закатал рукава и подвернул брюки. Стоило снять верхнюю одежду, как забытый холод просочился обратно, пополз по запястьям, щиколоткам и шее. Я принялся разминать руки и ноги, чтобы не замерзнуть. Рюкзак я оставил наверху, в комнате отдыха у шлюза, – он был слишком тяжелым; заботиться оставалось только о себе да о двух инженерах.

Прожекторов больше не осталось, и за иллюминатором царила крошечная тьма, но вот внутри все еще было светло, и я вдруг подумал, что мы с рыбами словно поменялись местами: теперь они могут спокойно подплывать и смотреть, как мы мечемся по субмарине, будто по аквариуму.

«Все указанные модули и системы успешно отсоединены и сброшены», – отчитался «Челони».

– Это все, что можно было выкинуть?

«Остался еще один элемент. – Тон „Челони“ вдруг стал каким-то... печальным. – Мне очень не хочется расставаться с экипажем „Симчхон-7“, но в сложившейся ситуации я вынужден рекомендовать отсоединить от субмарины систему „Челони“».

Я растерянно моргнул. Постойте-ка. ИИ тоже можно отстыковать? Пока я переваривал услышанное, в груди шевельнулось чувство вины, и я спросил:

– «Челони», а сколько ты вешишь?

«Масса бортовой системы „Челони“ составляет шестьдесят килограммов. Это второй по тяжести элемент среди всех уже снятых вспомогательных модулей».

Шестьдесят килограммов. Совсем как взрослый человек.

– «Симчхон-7» выдержит тебя в нынешнем состоянии?

«Подобные выводы не входят в компетенцию ИИ».

Син Хэрян чуть подумал и распорядился:

– Переход на ручное управление. Подготовить отсоединение ИИ.

«Перевожу субмарину с автопилота на ручное управление. Запускаю процедуру отсоединения ИИ».

На экране появился обратный отсчет: 10... 9... 8... Чжэхи взглянул на экран и по-дружески бросил:

– Еще увидимся, «Челони».

– Благодарю за сотрудничество, – сказал Син Хэрян.

Я запоздало понял, что они прощаются, и торопливо выпалил:

– Спасибо за все!

«С вами был ваш надежный друг „Челони“», – последовал ответ.

На нуле голос ИИ исчез. Вместе с ним пропал и привычный значок подлодки. Я машинально глянул в иллюминатор, но там по-прежнему была лишь крошечная тьма. Смешно; нельзя сказать, что «Челони» был мне другом... Но, когда он пропал, внутри стало неожиданно пусто.

Я немного понаблюдал за Син Хэряном – тот был занят

ручным управлением и выглядел максимально сосредоточенным, – а потом повернулся к Чжэхи, который, по ощущениям, сидел без дела, и спросил:

– А оборудование, которое мы сбросили, можно будет потом достать?

– Конечно. Все, что упало, соберут со дна дроны. Что-то можно будет использовать сразу, что-то пойдет на переработку. Так что не парься.

Я с облегчением выдохнул. Надо будет проследить, чтобы и «Челони» обязательно забрали. Можно будет поставить его в какую-нибудь другую субмарину.

Впрочем, ответ Чжэхи показался мне слишком неопределенным, и я на всякий случай уточнил:

– А если наш «Челони» сломается при падении?

– Тогда возьмем другого. Почти в каждой подлодке есть свой «Челони». И в доках тоже. Замена найдется без проблем.

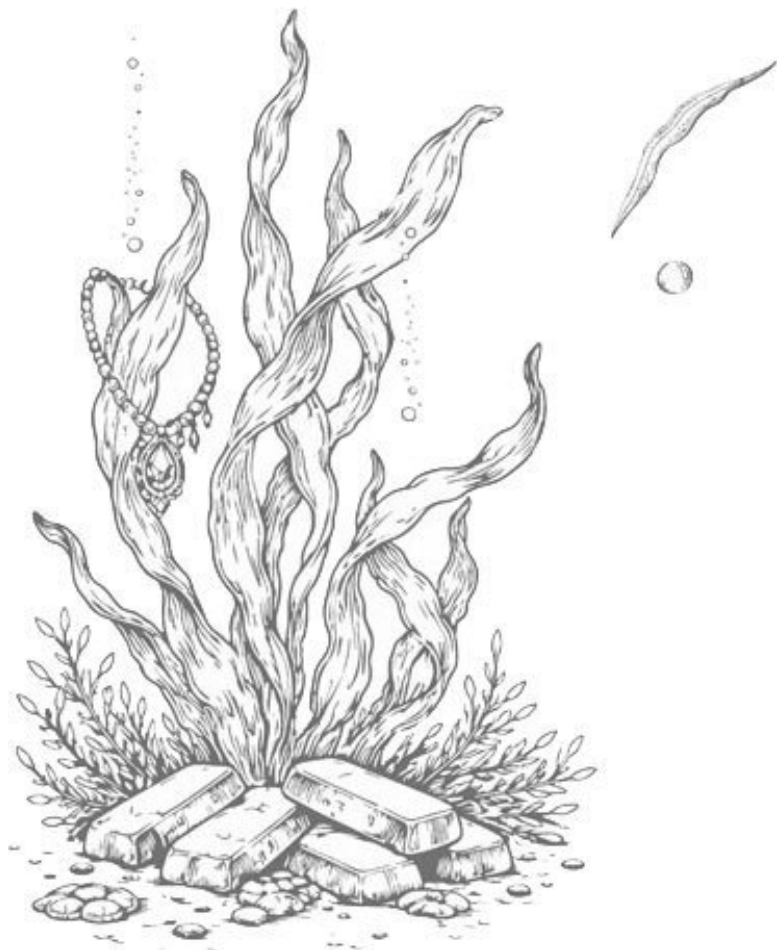
– Но... это ведь будет уже не наш «Челони».

– Хм... Тебе что, понравился именно тот, которого мы выкинули? Прямо понравился-понравился? Как по мне, в нем не было ничего особенного. В принципе, «Челони» можно настроить под себя. Изначально система вообще называлась «Хелона»⁹, в честь морской нимфы, и голос у нее был жен-

⁹ ХЕЛОНА (др. – греч. Χελώνη, лат. Chelone – черепаха) – нимфа из древнегреческой мифологии. По одной из версий мифа, она отказалась прийти на свадьбу Зевса и Геры. В наказание Гермес столкнул в реку ее дом и обратил ее вместе с ним в черепаху – обрек «носить дом на спине».

ский. Но ребята, которые чинят субмарины по ночам, сказали, что женский голос их пугает, и его сменили на мужской. Если что, зови, я помогу тебе настроить нового «Челони» по вкусу.

Нет! Я хочу того «Челони», которого мы бросили! Хочу вернуть именно его!

Глава 260. Столкновение. Часть 3

Только после моего путаного, сбивчивого объяснения Чжэхи наконец кивнул. По выражению лица было видно – он понял, что я пытался донести.

– А, ты чувствуешь вину из-за того, что «Челони» пожертвовал собой ради нас. Поэтому тебя на нем клинит, да? Хм. Подумать только, все это время рядом с тобой сидели два первых красавчика корейской инженерной команды, а ты и бровью не повел. Зато сейчас душу рвешь из-за безликого куска железа, который просто выполнял то, на что его запрограммировали. Знаешь, а ты на удивление жестокий человек, спаситель. И... даже немного страшный.

Нет, кажется, мы вообще друг друга не поняли. Говорим вроде на одном языке, а смысл – мимо.

И тут Чжэхи выдал еще более жуткую реплику:

– А если бы вместо той жестянки сбросили меня, ты бы переживал?

– Что за чушь ты несешь...

Син Хэрян, слушая все это, не выдержал и вмешался:

– Если есть время трепаться, лучше помоги нам всплыть.

Чжэхи тяжело вздохнул и уставился на своего командира так, будто перед ним обезьяна, которая пытается заткнуть прорванную дамбу пальмовым листом.

– Командир, вы не понимаете. Не так уж принципиально, доберемся мы до базы или нет.

– Для меня принципиально. Ты тут помирать собрался?

Чжэхи, о чем ты вообще? У нас субмарина тонет, а ты философствуешь!

– И для меня принципиально! – не выдержал я. – Мы же собираемся эвакуироваться, разве нет?

Чжэхи только пожал плечами и вдруг совершенно обычным тоном сказал:

– О, кажется, во мне проснулся энтузиазм. Что делать-то, командир?

– Перезапусти систему управления балластом и следи за уровнем воздуха... Выберемся – потом поговорим.

– А, тогда я останусь жить в субмарине.

Чжэхи продолжал нести фигню, но руки у него уже летали по панели – нажимали кнопки, щелкали тумблерами. Похоже, он добросовестно делал все, что велел Син Хэрян.

– Вы когда-нибудь били своих подчиненных?

Я видел, как другие члены команды шутливо хлопали Син Хэряна по спине, но чтобы он сам на кого-то руку поднимал – такого еще не было.

– Пока нет, – спокойно сказал он, – но, кажется, сегодня этот день настанет.

– Спаситель, ты боишься, что командир меня ударит?

– Нет. Я боюсь, что, пока капитан со своим заместителем будут драться, субмарина успеет утонуть.

Со стороны ручное управление выглядело как что-то безумно утомительное и дико сложное. Температура, глубина, давление, состояние гидравлики – без «Челони» все, что раньше контролировалось автоматически, теперь приходилось делать самим. Работы у инженеров заметно прибавилось.

Мой наивный план – подсмотреть, как управлять субмариной, а потом угнать ее и сбежать с этой базы куда подальше – приказал долго жить. Без бортового ИИ мне никуда не добраться. К тому же я почти не сомневался, что в системе наверняка есть какие-то блокировки, чтобы профаны вроде меня не могли просто так угнать субмарину. Иначе половина техники с Северо-Тихоокеанской базы давно бы уже осела на черном рынке.

– Ты говорил, что балластный танк сломался, – вспомнил я. – Что это вообще за штука?

– Если он заполняется морской водой, субмарина идет на снижение. Если воду оттуда выкачивают, она начинает всплывать. До Второй подводной базы мы...

Чжэхи не успел договорить. Раздался глухой удар, и в тот же миг всех нас швырнуло на пол. Мне в лицо хлынула вода.

Около секунды я не понимал, что произошло, но потом поднял голову и увидел на полу дыру размером почти с человеческую голову. Оттуда с напором хлестала морская вода.

Почему в днище пробоина? По спине пробежал холодок, затылок покрылся мурашками. Вода била фонтаном. Смотреть, как заливает место, где ты только что сидел, было по-настоящему страшно.

Син Хэрян, глядя на все это, сказал тем же спокойным голосом:

– Похоже, субмарина, с которой мы столкнулись, приняла то же решение, что и мы. Попыталась войти в порт Второй базы примерно с той же скоростью и под тем же углом. Протаранила нас и повредила обшивку корпуса.

Как можно оставаться таким спокойным, когда в полу дыра? Оказывается, как-то можно. Если бы Чжэхи или Син Хэрян завопили, что нам конец, я бы, наверное, уже сидел в истерике и рыдал вместе с ними. Но один ворчал, что теперь носки промокнут, а второй с каменным лицом комментировал пробоину у нас в корпусе. При таком раскладе мне ничего не оставалось, кроме как вести себя рационально.

– Зато порт уже близко, да? Наверное, мы и врезались потому, что были рядом?

– Нам повезло, что пробило именно днище.

Если кому повезло, так это мне – с такими оптимистичными спутниками. Я-то уже мысленно попрощался с жизнью. Решив не брать на себя роль капитана Очевидность и не го-

ворить, что лучше бы обошлось вообще без пробоин, – это и так было понятно, – я переспросил:

– Нам повезло, что пробило именно днище?!

Вода уже доходила до щиколоток.

Син Хэрян, не отпуская штурвал, объяснил:

– Если бы при столкновении пробило потолок, мы были бы уже мертвы.

А раз пробило не потолок, то помирать мы будем медленно?

– При пробитом потолке воздух сразу вышел бы наружу, – спокойно продолжил Син Хэрян. – И субмарину мигом затопило бы. Но раз пробило днище, воздух останется внутри. Представьте, что вы опускаете в воду перевернутый стеклянный стакан: внутри остается воздушный карман. Вода будет заполнять субмарину до тех пор, пока внешнее давление не сравняется с внутренним. Потом остановится.

Ага. То есть мы просто утонем медленно. Заманчивая перспектива.

– Значит, вода все равно поступит, но не вся, потому что часть пространства уже занята воздухом? – уточнил я.

– Верно. Но тот воздух, что останется, будет сжат до давления, равного внешнему. Мы окажемся в зоне сильной компрессии. И уже от того, насколько быстро выберемся из субмарины, будет зависеть, получим мы кессонную болезнь или нет.

Замечательно. Ко мне в клинику иногда приходили дай-

веры, которые жаловались, что после погружений у них зубы ломит, вроде как из-за давления, но сама кессонная болезнь всегда оставалась для меня чем-то чуждым, из области ото-риноларингологов и реаниматологов. До сегодняшнего дня. Я и представить не мог, что на субмарине можно поймать кессонку. И не таким способом я хотел бы об этом узнать.

Чжэхи посмотрел на воду, которая уже поднялась выше колен.

– Ты его не слишком пугаешь? С кессонкой ведь как повезет. Если очень, отделаемся мышечными болями.

– А если не очень, будет остановка сердца или инсульт.

– Кажется, нам сегодня не очень везет, – заметил я.

– А по-моему, наоборот, – возразил Чжэхи с широкой улыбкой. – Рядом со мной мой спаситель. Как тут может не повезти?

Чжэхи... если бы мне хоть немного везло, я бы на эту чертову станцию вообще не попал.

Син Хэрян быстро проверил панели и датчики, потом резко сказал:

– Ни в коем случае не задерживайте дыхание! Дышите постоянно, даже если придется контролировать это сознательно! Выдыхайте из легких как можно больше воздуха.

– А что будет, если не выдохнуть?

– Легкие разорвет.

Син Хэрян сказал это так просто, так буднично... что мне вдруг захотелось поплакать над своей несчастной судьбой.

Вода, которая еще минуту назад была на уровне голеней, уже добралась до пояса.

Син Хэрян по-прежнему цепко держался за штурвал – и, несмотря на воду, поступающую в отсек, субмарина продолжала двигаться. Одно это вызывало изумление. Чжэхи быстро нажал несколько кнопок, и в следующую секунду загремели сирены.

– Я направил весь сжатый воздух из баллонов в жилой отсек. Сколько бы воды ни набралось, дышать мы все равно сможем.

– А если просто выйти? Выплыть отсюда и добраться до шлюзов Второй базы?

Чжэхи посмотрел на меня с каким-то странным интересом:

– А выйти ты как собрался?

– Ну... через пробоину в полу. Или через люк.

– Люк не откроется. Чтобы его разблокировать, нужно, чтобы давление внутри и снаружи сравнялось, иначе никак. Видишь, ручка горит красным? Значит, из-за перепада давления люк заблокирован. Загорится зеленым, тогда можно будет открыть. А вода сейчас прет через пробоину под таким напором, что наружу не выбраться. А если каким-то чудом и выберешься, при таком внешнем давлении тебя просто раздавит. Мгновенно. Ты даже понять ничего не успеешь.

Тем временем Син Хэрян достал из кармана на запястье какой-то предмет. Приглядевшись, я узнал нож Пэк Эён.

Син Хэрян ловко перерезал один из страховочных ремней, связал его в длинную петлю и обмотал вокруг штурвала. Самый примитивный, но вместе с тем эффективный способ сделать ручное управление «автоматическим».

Вода, которая еще буквально несколько секунд назад доходила до пояса, теперь уже добралась до груди. Панель управления, контроллеры, сенсоры, мигавшие разными цветами, один за другим исчезли в мутной воде. Штурвал тоже ушел под воду. Иллюминатор, в котором и раньше была одна сплошная тьма, теперь вообще скрылся из виду.

На станции мне уже не раз доводилось попадать в затопливаемые помещения, но никогда – в настолько тесные. Вода заливала крошечную субмарину с такой скоростью, что вызывала животный ужас. Я вцепился в лестницу под люком, как в спасательный круг, и посмотрел на Чжэхи, который продолжал перекачивать воздух в жилой отсек. Наши взгляды встретились. Он почти полностью ушел под воду, но лицо у него оставалось спокойным. Волосы плавали в воде, как пламя свечи. Он и сам сейчас походил на свечу. Вода уже подступила к его губам, а он все еще улыбался.

Рядом по шею в воде стоял Син Хэрян и равнодушно смотрел, как цифра 21 на индикаторе внешнего давления тоже скрывается под водой.

Мы все вцепились в лестницу под люком и, прижавшись друг к другу, ждали, когда наконец изменится цвет индикатора на ручке. Мои спутники утверждали, что, пока в суб-

марине есть воздух, ее не зальет полностью, но мне с трудом в это верилось. Морская вода все прибывала и прибывала – без остановки. Лишь когда меня накрыло с головой, напор стал понемногу ослабевать. Я подтянулся повыше, чтобы хоть немного приподнять лицо над поверхностью, и изо всех сил старался дышать. Чтобы легкие не разорвало. Каждый раз, выдыхая, я уходил под воду. Вдыхая – всплывал. Уровень воды поднялся настолько, что я не доставал ногами до пола – стоять было невозможно. Я пытался, как учил Син Хэрян, выдыхать как можно сильнее, чтобы снизить давление внутри легких, но чем больше выдыхал, тем сильнее тонул и, чтобы не захлебнуться, снова вдыхал, пользуясь тем, что воздух хоть как-то держит на плаву.

Чжэхи схватился за поручень одной рукой. Син Хэрян же запрокинул голову назад так далеко, как только мог – рост позволял ему держать нос над поверхностью.

Глава 261. Столкновение. Часть 4

Я вдохнул и тут же выдохнул до боли в груди, до ощущения, будто легкие вот-вот схлопнутся. С каждым глотком воздуха я спрашивал себя: а можно ли вообще вдыхать этот сжатый воздух? Он же теперь под диким давлением – вдруг им нельзя дышать? Вдруг нужно задержать дыхание?

Дышать было страшно. Неправильно. Говорят, чем больше дышишь, тем выше риск декомпрессии. Тогда зачем вообще дышать? Потом я представил, что будет, если задержать дыхание и легкие лопнут. Пневмоторакс? Легочное кровотечение? Перед глазами замелькали картинки: альвеолы лопаются одна за другой, изо рта вырывается розовая пена... Нет, об этом лучше не думать. Единственное, что сейчас важно, – не переставать дышать.

Все нормально. Кессонная болезнь лечится. Помню, Чжихёк как-то обмолвился, что на Первой базе есть барокамеры. И в госпитале Тэхандо – тоже. Барокамера – это

такая герметичная капсула. Человека запихивают внутрь и под давлением подают ему кислород, чтобы выгнать из крови азот. Если барокамеры есть сразу в двух местах, значит, случаи декомпрессии здесь не редкость. Неудивительно, учитывая, где мы работаем.

– Чжэхи, а что делать, если у кого-то началась декомпрессия?

– Тащить его в барокамеру. Тут без вариантов, – ответил он просто, даже спокойно.

Я продолжал дышать – как мог – и вдруг заметил, насколько холодной стала вода. Холод проникал повсюду, пронизывал до самых костей. Я почувствовал, как начинаю дрожать. Еще немного, и я околею раньше, чем утону.

Вода поднялась еще выше. Похоже, уровень уже перевалил за метр девяносто, потому что Син Хэрян неожиданно подпрыгнул и, выдвинув скрытый в потолке поручень, схватился за него одной рукой. Чжэхи последовал его примеру, ухватившись за поручень в стене.

А что делать тем, у кого мышц нет? У меня в запасе только лестница. Я обеими руками вцепился в перекладину и – как и они – просто ждал. Никто из нас не произносил ни слова. Мы просто смотрели, как линия поверхности воды медленно подбирается к потолку.

Изо всех сил пытаясь говорить бодро, я спросил:

– Когда ручка наконец сменит цвет и можно будет выбираться... кто пойдет первым?

Син Хэрян ответил:

– Люк довольно тяжелый. – Он посмотрел на своего заместителя. – Чжэхи. Пойдешь первым и откроешь люк.

– А кто пойдет последним? – спросил Чжэхи.

– Я.

Значит, порядок такой: Чжэхи, я, Син Хэрян. Выходим в порядке, обратном тому, как заходили.

– Командир, давайте меняться, – вдруг сказал Чжэхи. – Я хочу быть последним.

– Почему?

– Хочу впечатлить Мухёна.

С каких пор выйти последним из тонущей субмарины – это способ кого-то впечатлить?!

– Разве есть разница, в каком порядке выходить? – спросил я.

– Не особо, – небрежно ответил Син Хэрян.

Но тут вмешался Чжэхи – посмотрел прямо на меня и сказал серьезно:

– Чем дольше остаешься внутри и дышишь сжатым воздухом, тем выше риск словить кессонку. Те, кто выберутся первыми, пострадают меньше. А вот последнему может прилететь по полной.

– А... ясно.

Я посмотрел на человека, который только что заявил, что очередность не особо важна, и спросил:

– Хэрян, почему вы хотели выйти последним?

– Нас в субмарине всего трое. Чжэхи прав, но очередность имела бы значение, будь мы в подлодке человек на десять. Тогда да, эвакуация затянулась бы. В нашем случае разница в несколько секунд едва ли повлияет на то, кто в итоге получит декомпрессионную болезнь, а кто нет.

В принципе, логично. Втроем мы выберемся довольно быстро. Я кивнул, соглашаясь с Син Хэряном, и повернулся к Чжэхи:

– А ты почему вдруг решил выйти последним?

– Потому что хочу, чтобы при мысли обо мне ты испытывал вину. Или чувствовал себя обязанным. Ну или на крайняк восхищался моей самоотверженностью.

Несколько секунд я не знал, что ответить.

– Чжэхи, ты пойдешь первым.

Не успел я договорить, как субмарину резко потрянуло. Я не удержался за перекладину и ушел под воду. Дна под ногами не было, и я судорожно замолотил руками и ногами. Вскоре кто-то схватил меня за ворот и потянул вверх. Я дергался, пока сверху не послышался голос Син Хэряна:

– Если вытяните руки, то дотянетесь до перекладины.

Я раз-другой глотнул воды, но потом все-таки нащупал перекладину, вцепился в нее обеими руками и, отплевываясь, попытался отдышаться. Потом увидел Чжэхи. У него на лбу была кровь – наверное, ударился о потолок.

– Чжэхи, у тебя кровь...

– Пустяки. Просто старая рана открылась.

– А вы как, Хэрян?

– В порядке.

Ну хоть они целы. Я один здесь – как решето. Рот пересох от соли, мутило так, что чуть не вывернуло, но я проглотил подступающую тошноту и заставил себя сосредоточиться на дыхании.

Если поначалу уровень воды поднимался стремительно, то теперь – медленно, почти лениво. Я успел перебраться на несколько перекладин повыше, и только когда мы втроем оказались почти под самым потолком, вода наконец остановилась. Все тело ломило, но я уже не понимал – это от усталости или от начинающейся декомпрессии.

Глядя на неподвижную темную гладь, Син Хэрян сказал:

– Как только давление сравняется, ручка люка сменит цвет.

Мы втроем задрали головы и уставились на заветную ручку. Мы словно стояли на светофоре и ждали, когда он загорится зеленым. Ненавижу ждать. Молчание тянулось бесконечно, пока наконец в тишине не прозвучало тихое звяканье и красный не сменился на зеленый. Меня накрыла такая волна облегчения, что хотелось пуститься в пляс.

– Ну я пошел, – сказал Чжэхи.

Он на одних руках поднялся по лестнице, добрался до люка, схватился за ручку и повернул. Люк был тяжелый – пришлось навалиться всем телом, толкать плечами, спиной. Тяжело дыша, Чжэхи наконец распахнул его и выбрался на-

ружу. В субмарину ворвался поток свежего воздуха. Чжэхи протянул мне руку. Я начал подниматься по лестнице, перекладина за перекладиной, но мокрая одежда тянула вниз, как будто кто-то хватал меня за ноги и не хотел отпускать. Каждое движение давалось с трудом – тело словно налилось свинцом. Я кое-как добрался до люка, ухватился за руку Чжэхи, и он рывком выдернул меня наружу.

Вдохнув воздух с нормальным давлением, я вдруг понял: все, я спасен. Тело, напряженное до предела, как по команде, обмякло. Я повалился прямо на люк, выжатый, как тряпка. Огляделся. Вокруг лежали люди – кто на спине, кто лицом вниз, кто на боку. Глаза щипало от воды, но сквозь мутную пелену я видел, что они не шевелятся.

Неужели мертвы?

Тем временем Чжэхи схватил за руку Син Хэряна, помогая ему выбраться.

Судя по всему, наша субмарина снесла три дрона, пока всплывала. Видимо, именно от этого удара я и сорвался с перекладины и ушел под воду. После того как мы втроем выбрались наружу, прошло еще полчаса, прежде чем у нас хватило сил перебраться на платформу у шлюза.

А затопленная «Симчхон-7» постепенно опускалась все глубже, пока даже люк не скрылся под водой. Я посмотрел ей вслед и мысленно поблагодарил.

Просто на то, чтобы выбраться наружу, ушли все силы. Перед глазами все плыло, в висках стучало. Я едва стоял на

ногах. Боль расплзалась по суставам, и я уже не понимал, из-за переохлаждения или кессонной болезни. Кожа онемела, но прошло еще немного времени, и она начала зудеть, словно после горячего душа.

Чжэхи закашлялся и потерял нос. Оглянувшись, я увидел, что у него началось носовое кровотечение. Чжэхи быстро заморгал, будто пытаясь прогнать пелену с глаз, и потянулся к нему окровавленной рукой. Я успел перехватить его запястье.

– Я... я почти ничего не вижу, – дрогнувшим голосом сказал он. Голос звучал глухо, будто он говорил издалека.

– Не три глаза.

– Я правда... почти ничего не вижу. Помоги.

– Не три глаза, слышишь? Потерпи. Сейчас я посмотрю.

Я аккуратно взял Чжэхи за затылок и осмотрел глаза. На первый взгляд – никаких повреждений. Ни царапин, ни инородных частиц. Успокоив Чжэхи (и убедившись, что он не полезет в глаза грязными руками), я повернулся, чтобы проверить Син Хэряна, и понял, что с ним дела обстоят куда хуже. Если Чжэхи еще худо-бедно держался на ногах, то Син Хэрян стоял на колене, упираясь обеими руками в пол, и не поднимался.

– Хэрян? – Я подошел к нему. – С вами все в порядке? Командир Син Хэрян?

Я опустился рядом, положил руку ему на плечо и только тогда заметил кровь, которая тоненькой струйкой стекала из уха.

Он повернул голову в мою сторону и сказал:

– Головная боль... потеря зрения... слуха... нарушение координации и головокружение...

Син Хэрян говорил настолько тихо, что я едва расслышал. И тут меня осенило: может, дело не в том, что он шепчет, а в том, что это у меня со слухом беда?

Пока я проверял состояние своих спутников, вдруг дошло, что и у меня самого поплыла картинка перед глазами. Левым глазом, искусственным, я видел нормально, но стоило посмотреть правым, родным, и мир раздваивался.

Прекрасно. Просто прекрасно.

Болело буквально все, но идти я мог, поэтому подхватил Син Хэряна с одной стороны, Чжэхи – с другой и повел вперед. Больше всего хотелось рухнуть прямо на пол, но мои спутники еле держались на ногах – позволять себе слабость было нельзя. Да и пол в доке наверняка ледяной.

Почти на автомате, в полубреду, я дотащил их до комнаты отдыха. Стоило открыть дверь, как в лицо ударил поток теплого воздуха. После затопленной субмарины комната отдыха показалась такой уютной, что я чуть не расплакался от радости. Первым делом – согреться. Нужно вернуть телу нормальную температуру.

Усадив Чжэхи и Син Хэряна на диван, я осмотрелся. На полу, у мойки, лежал мужчина в инженерной форме. Под ним растеклась лужа крови. Судя по всему, он уже умер. Пугаться было некогда. Я начал собирать все, что могло при-

годиться, – куртки, кофты, сухие полотенца. Тем временем Син Хэрян, похоже, учуял запах крови, с трудом поднялся, держась за спинку дивана, и принялся озиаться, хотя почти ничего не видел.

– Кто умер?

– Не знаю.

– От чего?

– Не знаю.

– Убийца может быть где-то рядом...

Я накинул ему на голову полотенце, заставляя сесть обратно, и сказал:

– Может. Если он вдруг появится, я постараюсь его отпугнуть. А вы пока оботритесь как следует.

Чжэхи взял у меня другое полотенце и первым делом прижал к носу. Вокруг глаз крови не было – значит, он все-таки не успел потереть их рукой, пока я не видел. Пока он яростно тер полотенцем лицо и волосы, я мельком осмотрел собственное тело. Оказалось, зуд в руках и ногах был не от царапин и не от воображаемых насекомых: кожа пошла пятнами и местами вздулась.

Сопоставив симптомы у нас троих, Син Хэрян – все еще с полотенцем на голове – непривычно громко произнес:

– Классическое проявление декомпрессионной болезни.

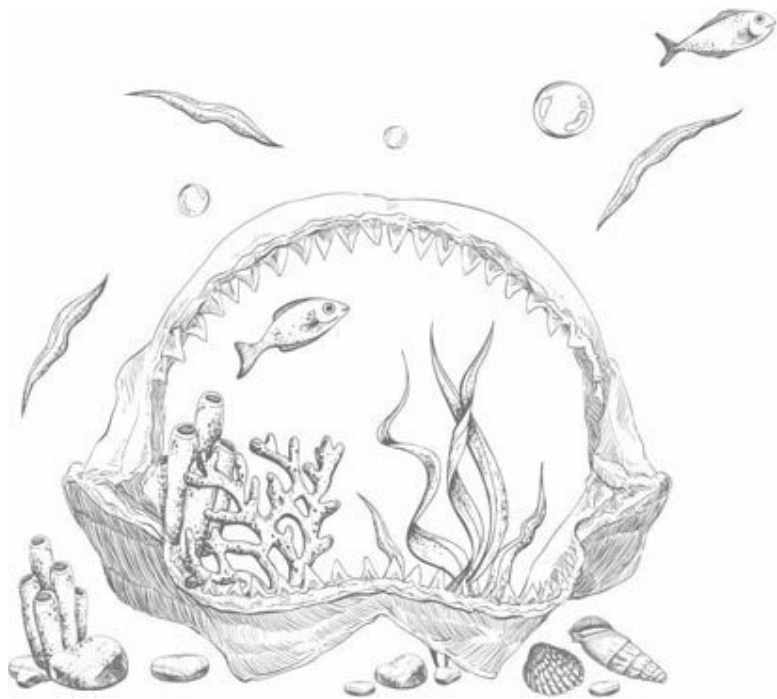
– А то, что постоянно тянет прилечь, ничего не хочется делать и суставы ломит, это тоже?

– Да.

Я-то думал, это болезнь офисных сотрудников. Оказывается, нет.

Похоже, на Второй подводной базе чай любили больше кофе: на столе стоял чайник с настоем светло-янтарного цвета. Я налил по половине кружки Чжэхи и Син Хэряну и сунул им в руки.

Никто из нас не выглядел хоть сколько-нибудь довольным тем, что мы выбрались из субмарины и остались живы. Нам было слишком хреново. У всех троих – у меня, Син Хэряна и Чжэхи – были проблемы со слухом и зрением. Скорее всего, из-за перепада давления повредились околоносовые пазухи, поэтому звенело в ушах и перед глазами двоилось. Ну а боль в мышцах, сильнейшая усталость, головокружение – просто вишенка на торте. Единственное, чему можно было радоваться, – никто не жаловался на боль в груди или затрудненное дыхание.

Глава 262. Столкновение. Часть 5

Онемевшие от холода руки наконец начали отходить. Тепло понемногу согревалось. В комнате отдыха стояла такая звенящая тишина, что от нее становилось не по себе. К молчанию Син Хэряна я уже привык – он и в лучшие дни не любил разговоры, – но то, что Чжэхи не проронил ни слова, наводило на дурные мысли. Он поднял голову только после того, как мы осушили по третьей чашке чая. Медленно убрал полотенце, которое все это время прижимал ко лбу и носу, и негромко спросил:

– Что ты теперь собираешься делать, спаситель?

Голос был едва слышен, скорее всего, потому, что у меня до сих пор гудело в ушах. Само собой, в первую очередь нужно было вывести их с Син Хэряном из порта, но Чжэхи спрашивал явно не об этом, поэтому я определил нашу главную на сегодня цель:

– Эм... Я слышал, что на Первой подводной базе и на Тэхандо есть барокамеры. Раз у нас у всех симптомы декомпрессии, логичнее отправиться на Тэхандо.

Чжэхи повернулся к Син Хэryanу:

– А вы что собираетесь делать, командир?

– Тихо уйти отсюда и присоединиться к остальной команде на Тэхандо.

– То есть, несмотря на то что вам обоим хреново, вы все равно собираетесь идти дальше.

– Оставаться здесь нельзя. Чем дольше мы торчим на базе, тем выше шанс, что кто-то из выживших решит «спасти нас» и натворит глупостей.

Чжэхи провел залитым кровью полотенцем под носом, шумно втянул воздух и заговорил:

– В коридоре, ведущем от порта, и в Центральном квартале будет немало сторонников Церкви Бесконечности. Вооруженных в том числе. У всех есть заветные желания, ради исполнения которых они готовы буквально на все. Одно-го-двух мы, может, и уложим, если повезет. Но против всех шансов у нас нет. У вас есть какой-нибудь план?

Я – самый обычный кореец. Думал ли я, что однажды окажусь в ситуации, когда придется голыми руками отбиваться от группы вооруженных фанатиков? Разумеется, нет.

Син Хэryan на вопрос Чжэхи не ответил. Тот говорил, судя по всему, довольно громко, но до моих ушей доносился только тонкий писк, как у комара, и чем сильнее я вслушивался, тем сильнее раскалывалась голова. Я взбил волосы полотенцем, накинул его на шею и сказал:

– Нет у нас плана.

– Нас схватят. А даже если каким-то чудом выберемся, не факт, что не будем потом всю жизнь жить с последствиями, – сказал Чжэхи и нахмурился, глядя на меня. – Я почти ничего не вижу. Перед глазами все расплывается. Звуки доносятся будто из-под воды. Башка раскалывается. Кровь из носа уже не идет, зато ощущение, будто ко мне человека три прицепились и висят.

Он обхватил кружку левой рукой, а правой взялся за ручку. Раздался хруст, и ручка осталась у него в ладони. Чжэхи спокойно положил ее на стол. Ручка тихо звякнула, коснувшись поверхности. Получается, он отломил ее безымянным пальцем и мизинцем – теми самыми, протезированными? Я на всякий случай потрогал свою кружку. Материал был плотным, тяжелым – наверняка керамика. Как он умудрился? На словах весь разваливается, а на деле – пальцами посуду ломает.

Без разрешения угробив чужую кружку, Чжэхи поставил ее на стол и продолжил:

– Еще час назад я прекрасно видел и слышал. Голова, конечно, побаливала, но не до такой же степени. Тело не ломило, в ушах не звенело. А сейчас у меня почти все симптомы. Не удивлюсь, если через парочку часов начнется паралич или повреждение нервной системы. Симптомы кессонки обычно появляются в течение суток, так что самое худшее, возможно, еще впереди. Я не хочу жить с увечьями. Я уже слишком многого лишился.

– Это лечится, – помолчав, тихо сказал я.

– Ты пожалеешь. Если на этот раз петля оборвется и тебе придется жить с тяжелыми увечьями... ты пожалеешь, что ничего не сделал.

Чжэхи все теребил отломанную ручку, то прикладывал ее к кружке, то снова убирал, потом вдруг потрянул правой рукой.

– Что случилось с твоей рукой? – спросил Син Хэрян, отпив глоток чая. – Про ногу ты говорил, что на mine подорвался. А про пальцы – ни слова.

– Говорил же, – неуверенно возразил Чжэхи.

– Врал ты тогда.

– Что это за история? – вмешался я.

Син Хэрян обхватил свою кружку обеими руками и тихо вздохнул.

– Я слышал, что однажды сотрудница из другой команды спросила у Чжэхи о том, что случилось с его пальцами. Чжэхи ответил, что сожрал их. От голода.

О господи. Сожрал? Нет, быть не может. Син Хэрян же сам сказал, что Чжэхи тогда врал...

– Потом добавил, что, как видит пухлые пальцы, едва сдерживается, чтобы их не съесть, – продолжил Син Хэрян. – И так уставился на руки собеседницы, что та испугалась и убежала.

– Чжихёк-хён – ябеда! Все растрепал. Зато Мила к нашей команде теперь и на пушечный выстрел не приближается.

– Ага. Она переехала и всем растрезвонила, что у нас людоед в команде. Теперь каждый второй командир спрашивает меня, не сидишь ли ты на наркоте.

– А вы что?

– Говорю, что не сидишь. Что ты в таком состоянии безо всяких веществ.

На губах Чжэхи появилась тень улыбки.

– А как вы поняли, что я соврал?

– Люди скорее сдохнут от голода, чем съедят собственные пальцы. К тому же если бы ты настолько отчаялся, то начал бы с левой руки. Ты ведь правша.

Чжэхи загнул на правой руке два пальца – черные, словно обугленные, мизинец и безымянный.

– Я пошел в кино, а там начался пожар. Пришлось прыгать. С десятого этажа. На уровне пятого зацепился рукой за перила, но неудачно – пальцы в хлам. Но именно это меня и спасло. За счет удара скорость падения снизилась. Потом меня мотало туда-сюда, как тряпье на веревке, я бился обо все подряд, пока на втором этаже меня не спасли. Метров двадцать я пролетел. Так вот, если выбирать, что рассказывать... Согласитесь, «сам отгрыз» звучит куда круче, чем «пали жертвой перил».

Я не знал, что назвать себя людоедом – это круто. Второй вариант звучал хотя бы правдоподобно. А если сказать первое, от тебя шарахаться будут, как от чумного.

Так... Значит, Чжэхи вырвался из петли, упав с двадцати

метров? Протяженность действия моей петли – все три тысячи.

Син Хэрян ничего не сказал, только отпил из своей кружки. Я тяжело вздохнул.

Чжэхи показал на себя, потом на Син Хэряна и посмотрел на меня.

– Спаситель, ты серьезно собрался тащить обоих? В таком состоянии?

– А? Ну да. Конечно.

– Объективно говоря, из нас троих ты сейчас в наилучшей форме. И я не утрирую. От порта до этой комнаты всего-то десять метров, а мы с командиром успели дважды вернуться. Если бы мы были в норме, другой разговор, но сейчас... честно говоря, мы обуза. Даже толком идти не можем. Как насчет того, чтобы бросить нас и пойти одному?

Услышав это, Син Хэрян с явным удивлением посмотрел на Чжэхи и сказал:

– Я думал, ты будешь до последнего умолять доктора взять нас с собой.

Чжэхи кивнул и спокойно ответил:

– О да, мне очень хочется повиснуть у него на шее и, рыдая, умолять взять меня с собой, как в дешевом сериале.

Син Хэрян поставил кружку на стол и повернулся ко мне:

– Если вы решите, что дальше нам лучше идти порознь... я не стану возражать. Мы с Чжэхи вряд ли сможем принести вам реальную пользу. Если посчитаете, что одному безопас-

нее, уходите.

А?.. Что за бред вы двое вообще несете?!

– И как вы планируете обойтись без меня?

Я еще хоть как-то вижу, пусть один глаз у меня и искусственный. А вы? У одного все лицо заляпано кровью, у другого – залитые кровью глаза, как будто все сосуды в глазных яблоках полопались. Оба насквозь мокрые, как дворняги, забытые под дождем. И еще предлагают мне их бросить. Аж бесит.

В этом мире кто угодно когда угодно может получить травму, и если дружить с людьми, только пока они здоровы, ну тогда ты просто мусор, а не человек. Я уже открыл рот, чтобы высказать все, что думаю, но сдержался. Нельзя кричать на раненых.

– Пойдем вместе, даже если умрем по дороге.

– Вы не обязаны.

А ты, значит, с самого рождения с печатью «вечно спасай ближнего» на спине ходишь?

– Знаю. Не обязан. Но если бы кто-то из ваших подчиненных получил травму, вы бы его не бросили. И потом... я сам долгое время был обузой. Выживал за счет чужой жалости и доброты. Было бы неплохо хоть раз в жизни тоже кому-нибудь помочь.

Бросать я вас не собираюсь. Даже не надейтесь.

Чжэхи несколько секунд смотрел на окровавленное полотенце, потом положил его на стол и сказал:

– Впрочем, есть и другой вариант. Самый простой, которым вы, спаситель, можете нам помочь.

– Какой же?

Чжэхи чуть усмехнулся, глядя на меня с тем выражением, с каким смотрят на зеленых салаг, задающих уж слишком наивные вопросы. Потом спокойно произнес:

– Почему бы тебе просто... не начать заново?

– Что?

– Ты ведь и сам на пределе. Еле ходишь, голова трещит, страшно – я же вижу. Так вот, если тяжело продолжать, просто вернись к началу. Ты ведь ни разу не пытался перезапустить петлю по собственной воле? Я помогу. Помогу вернуться к чекпойнту. Постараюсь сделать так, чтобы было не слишком больно.

Смысл сказанного дошел до меня только через несколько секунд. Я едва не выронил кружку.

«Помочь мне вернуться к чекпойнту» означало одно: Чжэхи предлагает мне... умереть. Чтобы я снова открыл глаза в 07:02.

– В следующий раз ты сможешь добраться сюда более здоровым. Тогда все будет проще и легче.

Этот вариант казался таким же отвратительным, как и бросить их здесь. Что вообще творится у Чжэхи в голове?! Глядя на его жизнерадостную, улыбающуюся физиономию, мне всерьез захотелось огреть его кружкой.

Я ни разу не умирал потому, что хотел умереть. Наверное,

и другие тоже. Люди до последнего цепляются за жизнь, а он тут рассуждает о каких-то легких и простых способах.

– Я не хочу.

Син Хэрян явно не понимал, о чем речь. Он нахмурился и посмотрел на Чжэхи:

– Что ты подразумеваешь под «вернуться к чекпойнту»?

Чжэхи повернулся к нему и почти будничным тоном объяснил:

– Если спаситель прямо сейчас покончит с собой, то вернется в прошлое. Скорее всего, в сегодняшнее утро.

Глава 263. То, что не горит. Часть 1

– Я и не ожидал, что вы поймете, командир, – добавил Чжэхи, увидев выражение лица Син Хэряна.

Тот ненадолго задумался, а потом раздраженно пробормотал:

– Почему все сумасшедшие верят, что после смерти их ждет лучшая жизнь?

– В моем случае возвращение в прошлое. Но да, для тебя, наверное, это звучит так же бредово, как разговоры про загробный мир.

– Я себя убивать не собираюсь.

– Вот. Ваш спаситель говорит, что не собирается сдаваться, – сказал Син Хэрян.

Чжэхи с жалобным видом повернулся ко мне:

– Спаситель, неужели мое предложение тебе совсем не нравится? Неплохой ведь вариант.

Если Чжэхи и правда считал, что самоубийство – это

неплохой вариант, значит, с головой у него все совсем плохо. Интересно, как он вообще прошел психиатрическую экспертизу? Неужели сектанты из Церкви Бесконечности засели во всех комиссиях и подписывают анкеты, даже не глядя?

– Наверное, я слишком обычный, – сказал я. – Роль спасителя мне не близка. Всеми силами буду стараться выжить.
– Если передумаешь, зови в любое время.

НЕ БУДУ Я ТЕБЯ ЗВАТЬ!

Я бы с удовольствием выкорчевал из головы Чжэхи идею о самоубийстве и утопил бы ее где-нибудь рядом с «Симчхон-7».

Моргая кроваво-красными глазами, Син Хэрян посмотрел сначала на меня, потом на Чжэхи и пустился в объяснения:

– Всего есть четыре способа покинуть Вторую подводную базу. Первый – воспользоваться одним из трех лифтов. Второй – сесть на фуникулер, который недавно достроили. Третий – выбраться через оставшиеся спасательные капсулы. И четвертый – использовать субмарину.

Способов много... Интересно, сколько из них нам реально доступны?

– Каким из этих вариантов мы можем воспользоваться?
– По дороге в комнату отдыха я заметил, что все субмарины уже ушли. Насчет капсул – может, парочка еще осталась. Что касается лифтов и фуникулера, там мы почти наверняка встретим людей, которые устроили бойню в порту.

Я невольно вспомнил перестрелку в выставочном зале. Тело и так болело, но сейчас казалось, что синяки добрались и до головы.

– А можно пройти как-нибудь незаметно, не ввязываясь в стрельбу?

– Я над этим работаю.

Я вкратце рассказал Син Хэряну о том, где находятся вооруженные сектанты, сколько их, в каком состоянии заложники. Мне вспомнилось, как они лежали лицом в пол, со связанными за спиной руками и ногами. Я поделился всем, что знал, после чего в помещении повисло тяжелое молчание.

Пока командир ломал голову над тем, как троим раненым противостоять двадцати двум вооруженным сектантам, его подчиненный, сияя как идиот, предложил... сдаться. У меня аж давление подскочило. Хорошо, что у Син Хэряна большой запас терпения.

– Надо просто крикнуть «Сдаемся, пощадите!» и позволить взять себя в плен. С вами я, поэтому, думаю, обойдемся малой кровью. Да и вообще, если не сопротивляться, убивать никого не станут. Члены Церкви Бесконечности хотят вернуться в прошлое, а не устраивать мясорубку ради мясорубки. Милосердие им не чуждо.

Знаешь, Чжэхи... Имел я недавно дело с этой вашей Церковью Бесконечности, и, если вспомнить Чон Санхёна, Пэк Эён и сидящего передо мной Син Хэряна, язык не повернется назвать ее религией любви и милосердия.

Син Хэрян посмотрел на Чжэхи:

– Ты предлагаешь послушно выполнять приказы, пока на нас наставлено оружие?

– Ты удивишься, но на свете довольно много людей, которые предпочтут зависимость свободе. Почему, думаешь, столько народа добровольно идет работать в компании? И потом, мы скажем, что тоже уверовали, поэтому вряд ли с нами будут обращаться совсем уж по-скотски. Всего-то и надо будет лечь лицом в пол и не трепыхаться. Заложники наверняка напуганы, но среди них есть и те, кто в глубине души радуется внеплановому выходному.

Этот вариант Син Хэрян отмел сразу. Да и вообще, складывалось ощущение, что Чжэхи предложил сдаться просто потому, что ему больно и он не хочет бродить по базе в таком состоянии.

У меня, признаться, тоже не было гениального плана, и я просто назвал единственное на Второй базе место, куда мне хотелось попасть. На фоне предложений типа «давайте поможем Мухёну покончить с собой» и «давайте сдадимся и станем заложниками» мое звучало вполне безобидно.

– Эм... Раз уж мы добрались до Второй базы, то я бы хотел заглянуть в выставочный зал. Всего на пару минут.

– Вы хотите с кем-то встретиться или что-то забрать? – уточнил Син Хэрян.

– Нет. Говорят, там выставлена коллекция драгоценных камней. Хочу на них посмотреть.

Я слышал, что на некоторых алмазах выгравировано мое имя, и теперь мне хотелось увидеть их своими глазами. Вполне возможно, что это вранье, очередная ловушка, чтобы заманить меня в выставочный зал, но... что будет, если просто взять и разнести всю эту коллекцию? Впрочем, минералы должны быть невероятно твердыми...

Вы только посмотрите на меня: чувствую себя так, будто по мне слон прошелся, и заявляю о желании осмотреть выставочный зал, словно какой-нибудь турист.

Син Хэрян смерил меня пристальным взглядом, а потом сказал:

– Нам нужно заглянуть на фудкорт.

– Тебе что, перекусить захотелось? – с недоумением уставился на него Чжэхи.

Син Хэрян только покачал головой:

– Нет. Мы пойдем туда не за едой.

– На Второй базе куча ресторанов. В какой именно ты собрался?

– В заведение под названием «Хлеб да соль». Оно находится в центре фудкорта. Туда и направимся. Если нам вдруг придется разойтись, встречаемся у этого ресторана.

– Там что, спрятаны пистолеты или какое-нибудь другое оружие?

Син Хэрян слабо улыбнулся:

– Было бы неплохо.

Название ресторана само по себе звучало странно.

– Там что, подают только хлеб с солью?

Мой вопрос заставил обоих усмехнуться. Син Хэрян потянулся к красным от лопнувших капилляров глазам, но вовремя спохватился и опустил руку.

– Нет, это обычный русский ресторан. Просто у русских есть старинная традиция встречать почетного гостя с хлебом и солью, которые символизируют достаток, чистоту намерений и радушие. Гость, в свою очередь, отламывает кусок хлеба, макает его в соль и ест.

В такие минуты особенно чувствуется, что на Подводной станции живут не только азиаты, которые выросли на рисе, но и жители тех стран, где в ходу пшеница. Даже русский ресторан здесь есть... Впрочем, чему я удивляюсь, Первая и Вторая базы изначально были рассчитаны на туристов.

– А что будет, если отказаться от хлеба? – спросил я.

– Никита рассказывала, что это считается страшным оскорблением. Отмахнуться от хлеба или сказать, что он невкусный, – это почти как плюнуть хозяину в лицо.

Я удивленно подумал: «Неужели кто-то и правда отказывается от еды, да еще настолько грубо?»

– Кто-то так делает?

– Не знаю. Меня, по крайней мере, русские ни разу хлебом и солью не встречали. А вот чаем угощали часто.

Чжэхи на секунду задумался, словно вспоминая, бывал ли вообще в ресторане под названием «Хлеб да соль», а потом сказал:

– В этом местечке подают неплохой суп – борщ называется. Дороговат, правда. А еще у них есть каша. До того, как на станции открыли стоматологический кабинет, можно было увидеть, как люди, получив от нашего командира в зубы, переходили на эту кашу. Забавное зрелище.

«Значит, кашу на Подводной станции тоже подают», – отметил я про себя, разливая чай по опустевшим кружкам. Эх, бывали же дни, когда мы сидели и просто мирно пили чай...

Мне почему-то вспомнилась Кан Сучжон, и я повернулся к Син Хэряну:

– А может, устроить на базе пожар? Ну чтобы заставить и террористов и заложников разбежаться.

Чжэхи ошарашенно уставился на меня, обдумал услышанное и протянул:

– Вау. Ты и правда страшный человек. Только прибыл на станцию, ничего толком не знаешь, а уже предлагаешь такие радикальные решения.

Я ожидал, что Син Хэрян отмахнется от моей идеи, как от полной ерунды, но, к моему удивлению, он задумался и едва заметно кивнул.

– Неплохая идея. Но если на Второй базе вспыхнет пожар, остановить его будет крайне трудно. Террористы, скорее всего, бросят заложников и сбегут. Нам тоже придется бежать. При пожаре куда чаще умирают не от огня, а от дыма.

Почему от дыма умирают чаще, чем от огня? Неужели он распространяется настолько быстро?

– А как тут вообще тушат пожары? – спросил я и сразу же задумался.

Вряд ли пожар – частое явление на станции. Может, он здесь вообще никогда не вспыхивал.

– Огнетушителями. Если они не справляются, перекрываем подачу воздуха в зоне пожара.

Выходит, если начнется пожар, то всем на Второй базе не поздоровится. Я привык думать, что огонь гасят водой, и концепция «перекрыть подачу воздуха» стала для меня неожиданностью.

– А нельзя... не знаю... запустить внутрь морскую воду?

Я имел в виду не затопить базу, а устроить небольшой потоп, чтобы ошарашить террористов. Вода ведь безопаснее огня, верно?

Син Хэрян указал большим пальцем в сторону двери и, глядя на меня, сказал:

– Тогда Вторая база превратится в одну большую «Симчхон-7».

Ах да. Из-за чудовищного давления вода хлынет внутрь, воздух в помещениях сожмется, и мы будем этим воздухом дышать. У людей начнется кессонная болезнь, как у нас троих, если, конечно, они не погибнут раньше.

После того как я сначала предложил поджечь базу, а потом затопить ее водой из моря, Чжэхи долго молча смотрел на меня, потом наконец сказал:

– Не знаю, что вы с командиром в итоге решите, но если

все сведется к тому, чтобы устроить на базе пожар... я помогать не буду. Я на многое ради тебя готов, спаситель, но поджоги – это вообще не моя тема. – Он медленно осмотрел комнату; взгляд у него был какой-то пустой, тоскливый. – Я и сюда устроился только потому, что ненавижу пожары... А толку. – Вздыхнув, Чжэхи снова повернулся ко мне. – Если вдруг начнется пожар или еще какая-нибудь фигня и террористы оставят заложников... что ты собираешься делать? Мы пойдем своей дорогой? Или заберем их с собой?

– Заберем. Будем выбираться вместе.

– Мы можем погибнуть по пути. И ты, и я сейчас в полном раздрае. Подумай, может, стоит попытаться уйти одним. Шансов выжить будет в разы больше.

– Чего ты вообще за меня волнуешься? Если я умру, то просто вернусь к чекпойнту.

Глава 264. То, что не горит. Часть 2

– Сейчас тебе так не кажется, но однажды ты и сам поймешь, что лучше спасать только тех, кто тебе действительно дорог. И что порой легче начать заново. Тогда ты поймешь и нас, тех, кто нуждается в спасителе, – сказал Чжэхи, глядя на меня спокойным, почти неживым взглядом. – Я все понимаю: ты от чистого сердца хочешь спасти других. Просто по доброте душевной. Но есть люди, которые не стоят того, чтобы их спасали. Поможешь им, а они даже не запомнят. А когда помощь понадобится уже тебе, просто отвернутся и сбегут, спасая собственные шкуры. Сейчас ты им сочувствуешь, но потом... потом будешь испытывать только раздражение. И жалеть о потраченном времени и упущенных возможностях.

Я открыл рот, и Чжэхи наклонился ко мне чуть ближе, будто боялся пропустить хоть полслова.

– Может, ты и прав. Я обычный человек, и, если мне снова и снова придется переживать одно и то же, я и сам не знаю,

какой выбор в итоге сделаю. Может, однажды я и правда поступлю так, как ты говоришь, и спасу только нескольких. Но сегодня давай поступим иначе. Давай спасем всех. Выйди за рамки привычного сценария хотя бы на один день.

Син Хэрян посмотрел на нас обоих и сказал:

– Отдохнули, и хватит. Встаем.

Чжэхи тяжело вздохнул и рывком поднялся на ноги. Мы просидели совсем немного, и мне совсем не хотелось вставать. Вот бы остаться на этом диване навечно...

Почему жить так утомительно? Почему тело просит покоя, а сознание упорно мешает? Впрочем, сознание – это же просто вспышки синапсов в мозге, не больше. Я хотел было посидеть еще пять секундочек, однако мои спутники, которым объективно немного хуже, чем мне, уже стояли на ногах.

Молодежь нынче уж больно прыткая. С таким рвением нигде не пропадет.

Син Хэрян стоял, опираясь рукой о спинку дивана, с таким лицом, будто сейчас кого-нибудь прикончит. Я осторожно спросил:

– Вы можете идти? Давайте помогу.

– Думаю, справлюсь.

– А ты как, Чжэхи?

Чжэхи повис на мне, словно только и ждал этого вопроса.

– У меня пальцы на ногах совсем без сил. В ушах гудит – уи-и-и-и-и, уи-и-и-и-и. И кажется, меня сейчас стошнит. Перед глазами все плывет, и уши будто ватой забиты – я пропу-

стиль половину из того, что ты говорил. Зато отчетливо услышал, как ты обещал, что спасешь меня.

– В пальцах ног, кажется, в принципе сил не бывает. И вообще, ничего такого я не обещал.

Я закинул руку Чжэхи себе на плечо, потащил вперед и только через несколько шагов заметил, что с Син Хэряном что-то не так. Он шел впереди, и шел странно. Раньше он двигался как по линейке, каждое движение – четкое, точное, ни одного лишнего шага. Сейчас же он шел почти зигзагом: медленно уходил вправо, будто его туда заносило, потом – влево, потом снова вправо. Со стороны казалось, будто он намеренно выбирает самый длинный путь, какой только можно придумать.

Состояние у него, мягко говоря, было не очень. Видно же, что хочет идти прямо, а тело не слушается.

Син Хэрян велел мне отвести Чжэхи в порт, и я потащил его почти волоком. Почему он такой тяжелый? С виду же – кожа да кости. Полдороги я почти бежал, и к тому времени, как мы добрались, у меня уже сбилось дыхание.

Прямо перед входом в порт лежал человек, которого застрелили в упор. Я опустил Чжэхи на пол на почтительном расстоянии от лужи крови. Впрочем, опустил – это слишком хорошо сказано. Скорее, уронил. Чжэхи распластался на холодном полу и с обиженным видом пробормотал:

– Спаситель, ты со мной слишком груб...

Ну, язык у него еще работает.

– Фух... Просто... полежи здесь... никуда не уходи. Я сейчас... за Хэряном схожу.

Из-за двоения в глазу я увидел сразу трех Син Хэрянов, и все они уходили в противоположную сторону. Я прикрыл один глаз, чтобы они слились в одного, и рванул к нему. Подхватил под руку, пока он не ушел в очередной вираж. Из-за разницы в росте создалось ощущение, будто он опирается на меня, как на трость, но, по крайней мере, я мог помешать ему идти зигзагом.

– Нам туда, – велел Син Хэрян.

Мы обошли комнату отдыха, и за ней оказалось еще одно помещение, запертое на кодовый замок. Я ввел код, который продиктовал Син Хэрян, и дверь открылась. Внутри стояли ряды баллонов с воздухом, кислородом, гелием, азотом – газами, которыми заправляют субмарины. Стены были увешаны табличками со всеми возможными предупреждениями.

Син Хэрян, пошатываясь, вошел внутрь. Он даже не подумал закрыть за собой дверь, и я шагнул следом. Огляделся и спросил:

– Здесь же красть нечего. Зачем запирает дверь?

– Из-за невнимательности любая мелочь может обернуться несчастным случаем. Но главная причина в другом. Тут есть азот и гелий, и руководство опасается, что кто-нибудь из сотрудников решит использовать их, чтобы покончить с собой.

Син Хэрян едва заметно шевельнул рукой (из рукава вы-

скользнул нож Эён) и направился к панели с измерительными приборами, которые, судя по всему, были связаны с подачей газа. Потом принялся тянуть за провода и нажимать на кнопки, поочередно отключая какие-то датчики и системы. Закончив, подошел к секции с баллонами – с кислородом, азотом, гелием, углекислым газом – и начал по одному откручивать вентили. Некоторые совсем чуть-чуть, другие – до конца. Я уставился на баллон с озоном: а он-то здесь зачем?

Похоже, у каждого газа был свой цвет – трубы и вентили пестрели всеми цветами радуги.

– А мне что делать? Чем помочь?

Син Хэрян сощурился, будто перед глазами плыл туман, и всадил нож в несколько особенно толстых шлангов. Схватил один из них и уточнил:

– Это от кислородного баллона?

– Э-э-э... вроде да. – Я похолодел и тут же полез проверять, к чему подсоединен этот шланг.

Син Хэрян усмехнулся:

– Шучу. Здесь ничем особо не поможешь.

Да они меня с ума свести решили! Что он, что Чжэхи. Вот правда, взять бы и бросить их тут...

Пока я придерживал Син Хэряна за пояс, взгляд зацепился за огромную табличку с надписью WARNING, где были перечислены правила безопасности при работе с газом. Я пробежался по правилам и понял, что Син Хэрян сейчас нарушал буквально все пункты из списка.

– Вам очень плохо?

– Не настолько, чтобы я не мог двигаться, – ответил он. Лицо у него при этом было белым как простыня.

Насколько знаю Син Хэряна, «не могу двигаться» в его понимании должно означать трупное окоченение.

Мы основательно разнесли технический склад с газовыми баллонами, после чего ушли. Мне начинало казаться, что мы перегнули палку. Такое ощущение, будто мы собираемся не пожар устроить, а взорвать весь порт. Услышав мои опасения, Син Хэрян сказал:

– Нет. Пожар будет несильным. Но этого должно быть достаточно, чтобы поднять панику.

– Где вы вообще научились таким вещам?

– Выберемся живыми – расскажу.

Чжэхи лежал там же, где я его оставил. Завидев нас, он лениво помахал рукой и растянул губы в ухмылке. Син Хэрян спрятал нож, оперся на мое плечо и, прихрамывая, сказал:

– Мы были под давлением двадцати одной атмосферы максимум минуту-две. Если бы задержались дольше, нас просто разорвало бы.

Я вспомнил слова Чжэхи. Значит, та рана на лбу возникла у него не потому, что он во что-то врезался, а потому, что из-за перепада давления разошелся старый шрам. Похоже, мы и правда слишком быстро поднялись на Вторую базу.

– Всего пару минут под высоким давлением, и мы как после реанимации... – Я глянул на Син Хэряна. – Чжэхи про-

сил, чтобы я его спас. А вам помощь не нужна?

– Своим спасением я займусь сам.

Чжэхи продолжал махать нам рукой, пока мы шаг за шагом отдалялись от технического склада и приближались к нему. Когда Чжэхи оказался настолько близко, что можно было рассмотреть каждую черточку на его лице, Син Хэрян порывлся в кармане и вытащил старенькую зажигалку Zipro. Выглядела она как настоящий реликт, но такой, на который не позарится даже скупщик старья, – вся в царапинах и вмятинах, корпус отполирован до блеска, будто его годами не выпускали из рук. На нем была выгравирована надпись на корейском: «Мстить проще, чем прощать». Я ни разу не видел, чтобы Син Хэрян пользовался зажигалкой, и, хотя догадывался, кому она на самом деле принадлежала, все же спросил:

– Чья это зажигалка?

Син Хэрян посмотрел в сторону технического склада. Ответ прозвучал так тихо, что я едва смог разобрать слова:

– Чжихёка. Он отдал ее мне перед тем, как сел в капсулу.

Значит, и Со Чжихёк, и Пэк Эён не просто дали своему командиру пять на прощание. Эён передала нож, а Чжихёк – зажигалку.

Син Хэрян подошел к убитому, схватил его за лодыжку и повернул так, чтобы тело лежало перпендикулярно техническому складу. Потом коротко сказал:

– Ложитесь. Глаза закройте, рот откройте, уши зажмите

руками.

Син Хэрян говорил так тихо, что половину я не расслышал, но потом он кивком указал на Чжэхи. Я понял и без слов рухнул рядом, принимая такое же положение.

О состоянии пола я даже не подумал.

Вместо того чтобы закрыть уши себе, Чжэхи вдруг накрыл ладонями мои и уставился на меня широко раскрытыми глазами. Не успел я осознать, что делаю, как тоже поднял руки и прикрыл ему глаза.

Син Хэрян тем временем щелкнул крышкой старой, разваливающейся Zipro. Несмотря на ее потрепанность, пламя вспыхнуло с первого раза. Син Хэрян отвел руку назад, замахнулся и со всей силы метнул зажигалку в сторону технического склада. Пока она описывала в воздухе дугу, Син Хэрян молниеносно рухнул на пол, укрывшись за окровавленным трупом, и я приготовился: сейчас рванет.

Но... ничего. Прошло несколько секунд. Потом еще. Тишина.

Минуту мы лежали без движения. Потом вторую.

Я повернулся к Син Хэряну и прошептал:

– Эм... сколько нам еще так лежать?

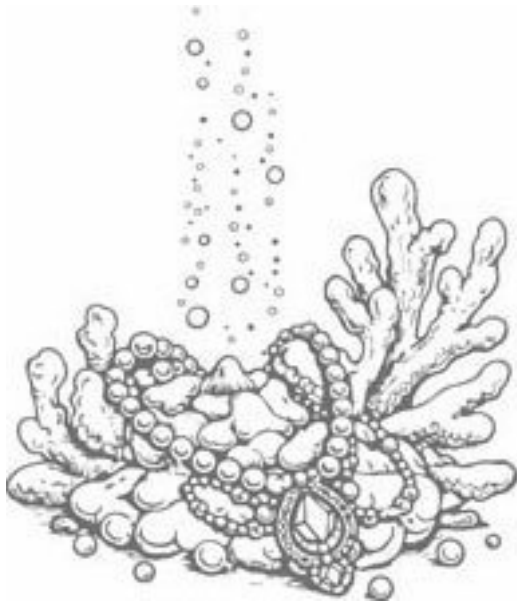
БУМ!

Взрыв сотряс все вокруг – воздух, пол, меня самого. Продолжая закрывать глаза Чжэхи, я обернулся на источник звука. Из отсека вырывались столбы огня и дыма.

Вот ведь... «Пожар будет несильным», говоришь?

Похоже, сюда уже бежали люди – пол под нами начал вибрировать. Через несколько секунд двери в порт распахнулись, и внутрь влетело сразу четверо человек.

Руки Чжэхи, зажимающие мне уши, скользнули чуть выше и закрыли мне глаза.

Глава 265. То, что не горит. Часть 3

Я лежал неподвижно, с закрытыми глазам, как и хотел Чжэхи, – и люди, которые только что ворвались в порт, пробежали мимо нас. Я почувствовал на себе чей-то взгляд – кожа под ним будто вспыхивала, зудела, колола. Захотелось приоткрыть глаза и посмотреть, кто это, но я затаил дыхание и заставил себя лежать смирно.

Похоже, последователи Церкви Бесконечности приняли нас, лежащих в луже крови рядом с мертвецом, за покойников. Решили, что мы – одни из тех, кого они сами же убили. Кажется, мысль о том, что главные виновники поджога останутся на месте преступления, даже не приходила им в голову.

Кроме того, у них не было времени проверять каждый труп на полу: пожар уже жрал внутренности порта, черный дым валил к потолку, пожарная сигнализация издавала оглушительный шум. Было не до нас. Никто не стал перепровере-

рять, кто тут живой, а кто нет. Вскоре взгляд, остановившийся на моей голове, исчез, и щекочущее ощущение исчезло вместе с ним.

Я осторожно выдохнул. У лежащего рядом Чжэхи вырвался смешок – тихий, как шипение воздуха из проколотого шарика.

Чего ты смеешься, идиот?

Где-то вдалеке слышались мужские голоса – говорили по-английски. Блин. Вот что значит плохой слух – вообще непонятно, близко они или на другом конце порта. К тому же пожарная сирена вопила так, что заглушала все вокруг.

– Почему начался пожар?

– Что это за помещение? Нам теперь что делать? Может, попробовать потушить все огнетушителем?

Растерянные мужские голоса не смолкали, и вдруг снова прогремели взрывы, похожие на хлопки петард. Слышались крики, пол задрожал, как будто кто-то упал.

Судя по звукам, один за другим взрывались баллоны с кислородом или водородом.

Меня разрывало от желания открыть глаза, но я терпел – вдруг кто-то посмотрит в мою сторону.

– Какого хрена спринклеры не срабатывают?! – закричал какой-то мужчина сквозь шум взрывов.

Хороший вопрос. Разве при таком пожаре спринклеры не должны включиться автоматически?

Раз этот мужчина, как и я, не разбирается в устройстве

порта, значит, он не инженер.

Послышался еще один голос – молодой, почти мальчишеский:

– Это склад, в котором хранятся баллоны с водородом и кислородом! А рядом – станция зарядки конденсаторов, поэтому водой тушить нельзя!

А вот этот парень точно инженер. Значит, тот большой ангар в углу и есть зарядная станция? А я и не понял.

Если так подумать, и пилотируемым, и беспилотным подлодкам нужен источник энергии, топливо, что угодно, иначе они не сдвинутся с места. Логично, что заряжают их прямо в порту.

– Так возьмите огнетушитель и потушите, в чем проблема? Огонь ведь водой гасится, не? – спросил спокойный, почти ленивый голос, как будто речь шла о какой-то ерунде.

Инженер ответил с явным раздражением:

– Нельзя тушить водой! В зарядной станции все из свинца, никеля, лития, кадмия, серной кислоты, гидроксида калия... Если плеснуть туда воды, взрывы, которые уже прогремели, покажутся цветочками!

– «Покажутся цветочками»? Ка-а-ак страшно, – передразнил кто-то из мужчин.

Послышался дружный смех.

Что тут смешного? Я лежал с закрытыми глазами, прикидываясь трупом, и только гадал, что происходит. Знал бы, что так будет, – изобразил бы труп с полуоткрытыми глаза-

ми. Ах да, это ведь Чжэхи мне глаза прикрыл.

Раздался неуверенный голос:

– Ну, я тоже слышал, что химические пожары тушат по-другому. Мы же проходили когда-то инструктаж, нам обучающий ролик крутили...

– И что там говорили?

– Ну, надо типа... накрыть огонь одеялом или чем-то таким.

– И как ты собираешься накрыть одеялом весь порт? У тебя вообще мозги есть? Открой пожарный шкаф и притащи шланг.

– Я же сказал – водой нельзя! – взвился инженер. – Порт нужно изолировать! Плевать на огонь – все вокруг уже в токсичных парах! Нужно убираться отсюда!

Но, судя по всему, несколько человек все-таки решили попробовать потушить пожар. Слышно было, как кто-то носится по помещению и возится с огнетушителем.

– Дебилы конченные! – рявкнул инженер, выругался длинной и изобретательной цепочкой оскорблений, поставил под сомнение интеллект всех присутствующих и рванул к выходу. Я почувствовал, как под щекой содрогнулся пол, – он выбежал из порта.

– Че с ним не так?

– Вот паршивец!

– Найду этого труса – так рожу ему расквашу, что больше не вякнет. Эй, тащи сюда огнетушитель!

Закончив поливать ругательствами сбежавшего инженера, они включили рацию.

– В порту на Второй базе небольшое возгорание. Устраним в течение тридцати минут. Ничего серьезного.

Лежать на полу в роли ничего не понимающего обывателя было жутко страшно. «Небольшое возгорание»? По моим ощущениям, полыхало будь здоров, за полчаса такое не потушишь. Будь моя воля, я бы вскочил и бросился следом за инженером, который только что дал деру.

У этих людей вообще инстинкт самосохранения есть? Они же сделают только хуже! Кто-нибудь должен их остановить. Может, встать и заорать, чтоб сваливали? Ведь сгореть может не только порт, но и вся Вторая подводная база.

Пока в голове появлялись сценарии один страшнее другого, я сам не заметил, как дернулся. Чжэхи, который все это время лежал без единого звука, будто настоящий труп, вдруг придвинулся вплотную и прошептал прямо мне в шею:

– Не двигайся.

Я почувствовал его дыхание на коже, и у меня внутри все перевернулось. Я чуть не вскочил и не зарядил ему в лицо. К счастью, тело среагировало медленнее, чем мозг, и все ограничилось легкой дрожью. Я заставил себя медленно выдохнуть и обмякнуть, как если бы был под наркозом. Но тут в нос ударил едкий запах гари.

Неужели вентиляция вышла из строя?

Я терпеливо вдыхал гарь, а мозг тем временем начал пе-

ребирать все токсины, какие только знал: диоксины, фураны, кадмий, свинец, ртуть, бензол, хлороформ, формальдегид, толуол, мелкодисперсная пыль... Все, что может отравить воздух. Жар чувствовался и раньше, однако запаха почти не было, не то что теперь.

Вой пожарной сигнализации, крики мужчин, топот, шипение огнетушителей и прочие звуки доносились откуда-то издалека, будто сквозь толщу воды. И вдруг к этой какофонии добавились короткие, резкие щелчки. Мне они казались негромкими, но подозреваю, что на самом деле шум стоял оглушительный.

Мужчины, которые только что пытались потушить пожар, вдруг завизжали, как дети, которых силком тащат к стоматологу, и с воплями бросились прочь – в нашу сторону, мимо нас и, не останавливаясь, пулей вылетели из порта. В следующую секунду я почувствовал, как Чжэхи зашевелился. Я распахнул глаза и увидел, как перепачканный кровью Син Хэрян поднимает его на ноги.

– Вы ранены?

– Это не моя кровь.

Похоже, все это время Син Хэрян лежал прямо в луже крови.

Я наконец посмотрел в сторону технического склада, куда так хотел взглянуть, пока лежал с закрытыми глазами, изображая труп. Пламя не только пожирало склад, но и перекинулось на стоящую поодаль зарядную станцию, на лаборато-

рию, где хранились образцы морских организмов, собранные с подлодок, и даже на комнату отдыха, которая, казалось, находится вообще далеко. Куда ни глянь, везде полыхало пламя и клубился густой черный дым.

Что же они натворили? Стоило подняться, как запах гари стал еще сильнее. Пожарная сирена ревела так, что уши закладывало.

Чжэхи в полном оцепенении смотрел на происходящее. Благодаря своей ярко-красной шевелюре он казался частью пожара – декоративный элемент, включенный в общую композицию. Син Хэрян тем временем подошел к дверям, первым вышел из порта и жестом велел нам следовать за ним. Чжэхи стоял как вкопанный. Я схватил его за руку и потащил за собой.

Как только мы выбрались, Син Хэрян на ходу снял с моей шеи полотенце и быстро стер с лица и груди чужую кровь. Через несколько метров он кивнул в сторону ближайшего туалета, и мы юркнули внутрь.

Не прошло и пяти минут, как в порт вбежало около десятка человек. Отлично. Пока они внутри, у нас есть шанс улизнуть. Впрочем, они осознали серьезность пожара куда быстрее, чем первые четверо, и всей толпой высыпали обратно в коридор.

Двое свернули в сторону мужского туалета. Син Хэрян тихо, почти неслышно прошептал в мою сторону:

– В кабинку. Быстро.

Срочность в его голосе мгновенно избавила меня от любых вопросов. Я метнулся в первую попавшуюся кабинку и замер. Мы что, спрячемся сюда втроем? Я не успел спросить, но на всякий случай оставил дверь приоткрытой.

– Охренеть, как полыхнуло...

– Жесть просто. Никогда такого пожара не видел.

Чжэхи стоял за дверью, и стоило сектантам войти в туалет, как он закрыл ее и щелкнул замком. В ту же секунду Син Хэрян схватил за руку того, кто вошел первым, дернул на себя и ударил ножом в ключицу. Через приоткрытую дверцу кабинки я видел все от начала до конца.

Судя по углу и глубине удара, бил он прямо в подключичную артерию. Вогнал лезвие, хладнокровно провернул и, выдернув нож, плавным, отработанным движением оттолкнул тело в сторону.

Тем временем Чжэхи с разворота ударил второго вошедшего под колени. Тот сложился пополам и рухнул вперед. Син Хэрян схватил его за волосы, рывком запрокинул голову и приставил нож к горлу.

– Издашь хоть звук – прикончу.

Для этого парня все произошло в считанные секунды: едва он вошел в туалет, как неизвестно откуда взявшийся тип уложил его спутника и приставил лезвие к его кадыку. Бедняга застыл, открыв от удивления рот.

Я вышел из кабинки и первым делом проверил состояние мужчины, который лежал на полу. Он истекал кровью и был

уже мертв. У меня перед глазами все расплывалось и троилось, и, честно говоря, в этом был свой плюс: покойника я видел смутно.

Весь пол был залит красным.

Син Хэрян, ты правда почти ничего не видишь? Как тогда умудрился так точно ударить?

Парень с ножом у горла тяжело и прерывисто задышал. Через несколько секунд у него задрожали губы, и он начал всхлипывать. Хотел, наверное, умолять о пощаде, но Син Хэрян сказал: «Издашь хоть звук – прикончу». Вот он и ревел молча, и слезы катились по щекам одна за другой.

У меня застучало в висках. Голова просто раскалывалась.

Глава 266. То, что не горит. Часть 4

Чжэхи непринужденно прислонился спиной к двери туалета. Со стороны казалось, что он просто решил немного передохнуть, но стоило мне подумать о том, что эта дверь – единственный отсюда выход, как тут же появилось ощущение, что мы в ловушке.

Чжэхи махнул мне рукой и как ни в чем не бывало позвал: – Иди сюда.

Я нахмурился, глядя то на него, то на рыдающего парня. Син Хэрян посмотрел на меня и качнул подбородком в сторону Чжэхи – мол, иди, чего ждешь.

Парень попытался немного отодвинуться от лезвия, которое упиралось ему в горло, но Син Хэрян крепко держал его за волосы. Винтовка болталась у него за спиной, руки формально были свободны, но сопротивляться он не пытался.

– Не убивайте его, – сказал я, обращаясь к Син Хэриану. Ты ведь можешь. Ты же умеешь не убивать.

После этих слов парень скосил на меня глаза – повернуть

голову он не мог.

Не убирая нож, Син Хэрян холодно ответил:

– Все зависит от того, как он себя поведет.

Я подошел к Чжэхи. Тот немного подвинулся, словно освобождая место в первом ряду, которое зарезервировал специально для меня, и с интересом уставился на происходящее. Эй, вы же из одной секты! Ты мог бы вмешаться, попытаться его спасти, а не стоять тут и развлекаться...

Я повернулся к нему и спросил:

– Не собираешься помочь?

– Кому? – парировал Чжэхи. Говорил он так тихо, что я почти читал по губам.

И правда, чью сторону должен занять сектант и по совместительству инженер команды «Ка», если его командир угрожает его «брату по вере»? Он вообще хоть сколько-нибудь привязан к своей команде? А к Церкви?

– Вы же вроде как в одной секте.

Стоило мне это сказать, как парень дернулся. Наверное, хотел посмотреть в нашу сторону, но Син Хэрян держал его за волосы так крепко, что он даже голову повернуть не мог.

– Ну-у-у, – протянул Чжэхи. – Кто-то из нашей команды однажды сказал: люди одной веры эксплуатируют друг друга легче всего. – Он лениво скрестил руки на груди и продолжил тем же тоном: – Мы с ним не особо близки. Так что нет, помогать не тянет. А лезть на рожон – тем более. Конфликт с собственным начальником мне вообще ни к чему. Лучше

давай просто посмотрим, как командир героически расправляется со злыми террористами. У него эффектно получается, правда? И потом, мой спаситель уже здесь, рядом. С какой стати мне переживать за других верующих?

Значит, будь этот парень тебе дорог, ты бы вмешался? В любом случае если дойдет до драки между Чжэхи и Син Хэряном, то Чжэхи проиграет с вероятностью двести процентов. То есть сначала проиграет, а потом проиграет еще раз.

Разве Чжэхи не видел, как Син Хэрян только что убил человека? Отправил в загробный мир экспрессом сразу после встречи? По моим ощущениям, это заняло у него меньше двух секунд. Как только противник оказался в пределах досягаемости, он сразу же ударил. «Эффектно», чтоб тебя. В голове не укладывается, что человек может умереть так быстро и так просто.

Син Хэрян повернулся к пленнику и спокойно предупредил:

– Только дернись, умрешь еще быстрее, чем тот, кто зашел первым.

Парень напрягся настолько, что практически окаменел у меня на глазах.

– Отвечай только на вопросы. Что решили делать с пожаром?

По щеке пленника скатились две слезы, и только потом он, запинаясь, выдал:

– Нам... нам сказали уходить на другую подводную базу.

– Почему просто не изолировать порт?

– Говорят, пожар сильнее, чем думали... Нам велели побыстрее сесть в лифт и перебраться на другую базу. Еще сказали, что драгоценности в выставочном зале пострадают от огня. После недавних событий некоторые уже развалились на части, и нельзя допустить, чтобы пожар добрался до остальных. Пожалуйста, не убивайте меня...

Драгоценности пострадают от огня? Ну... если подумать, алмазы – это же чистый углерод. Нагреть посильнее, и ничего от них не останется.

Глядя, как пленник всхлипывает и шмыгает носом, Син Хэрян угрожающе спросил:

– А что решили делать с заложниками?

– Я... я не слышал ничего про заложников.

– Сколько их?

– Вылетело из головы от страха. Может... восемь? Девять?

Мужчина беззвучно лил слезы.

Син Хэрян едва слышно произнес:

– Ты вроде не врешь, да и послушный. Хотел бы я тебя пощадить, но ты нас видел.

– П-пожалуйста... Я ничего никому... Слеп и нем, как гренландская акула...

Заметив, как напряглась рука Син Хэряна, я торопливо сказал:

– Пощадите его. Не обязательно же убивать. Он ведь сделал все, как вы сказали.

Пленник, видимо, решил, что это его шанс на спасение, и заговорил в мою сторону, чуть ли не захлебываясь:

– Я всегда держу слово, честно! Пожалуйста, пощадите меня. Я... я еще никого не убивал, правда! Пощадите! Я никому ни слова! Только... пожалуйста!

Син Хэрян посмотрел на меня, потом снова на пленника и, кажется, принял решение. Не разжимая пальцев, дернул его за волосы и со всего размаху впечатал лбом в край раковины. Тот потерял сознание. Рука, державшая нож, даже не дернулась. Син Хэрян подхватил обмякшее тело и бережно уложил на пол туалета.

Я подошел ближе – проверить, не убил ли он случайно нашего пленника, – но нет. Тот дышал. Правда, шишка на лбу будет у него знатная. Как очнется, первым делом в госпиталь и на КТ.

Син Хэрян еще несколько секунд постоял, глядя на тело, потом повернулся ко мне и сказал:

- Если с ним не разобраться, он очнется и поднимет шум.
- Но мы же заберем его оружие.
- Даже без оружия взрослый мужчина, участвовавший в теракте, остается опасным. Убить его сейчас – значит избежать проблем в будущем.
- Он пообещал, что будет молчать. Думаю, он сдержит слово.

– Не сдержит, – сказал Син Хэрян так, будто это было само собой разумеющимся, но при этом не бросился сразу вскрывать этому парню артерию, как сделал с тем, первым.

– Вам ведь тоже не хочется его убивать, правда?

Син Хэрян перевел взгляд с мертвого мужчины на меня, вздохнул. И, словно давая понять, что у нас нет времени на препирательства, быстро сказал:

– Если мы рискнем и оставим этого человека в живых, то вы, в свою очередь, должны будете кое в чем помочь.

– В чем?

Эй, просто попроси о помощи, как все нормальные люди!

Из-за спины раздался голос Чжэхи:

– Спаситель, ты слишком добрый. Давай хотя бы глаза ему выколем. Или ногуотрежем.

– Вы с ним точно в одной секте?

Чжэхи, ты и вправду перегибаешь палку.

Син Хэрян оглядел нас обоих – меня и Чжэхи – и приказал:

– Наденьте его одежду и притворитесь последователями Церкви Бесконечности. Чжэхи, иди сюда и помоги.

Чжэхи с неохотой отлип от двери и, бурча под нос, послушно принялся раздевать еще живого сектанта. Я тем временем стоял в стороне и задавался вопросом: «Меня и так считают последователем Церкви Бесконечности, с какого перепугу я еще и притворяться должен?» Но вслух я этот вопрос, конечно, не задал.

Син Хэрян раздевал убитого. Черная футболка с длинным рукавом была распорота в районе ключицы – там, куда вошел нож. Он без тени смущения стянул одежду с трупа и выкрутил. Кровь хлынула ручейками. Смотреть на это вблизи было просто невыносимо.

Потом Син Хэрян подошел к раковине и как следует прополоскал футболку под водой, после чего выжал с такой силой, что ткань закрипела. Он так усердствовал, что скоро с футболки перестала капать вода. Что ж, если Син Хэрян хотел превратить ее в половую тряпку, то он почти у цели.

Закончив, он встряхнул футболку, расправил и молча протянул мне.

Я уставился на нее, моргнул. Нет. Только не это. Пожалуйста.

– Вы хотите, чтобы я ее надел?

– На меня не налезет.

А я думал, ты для себя так старательно ее выжимал. Проглотив ругательства, которые уже вертелись на языке, я взял влажную, немного липкую футболку и натянул на себя. Потом поднял с пола черную бейсболку.

Покойник носил маску-балаклаву. Сейчас она сползла, повиснув на шее, как шарф. Я помедлил, раздумывая, стоит ли... раз, два, три, четыре... пять. Потом все-таки стянул балаклаву с его шеи.

Прости меня.

Кроме оружия, шоколадки, леденцов и пары кабельных

стяжек ничего полезного мы у сектантов не нашли. Значка с акулой ни у одного не нашлось – видимо, имплант не ставили. Проверять рот времени не было. Я, как и убитый, просто повесил балаклаву на шею, как шарф. Брюки и ботинки взять не смог – не по размеру. Зато натянул черную бейсболку и опустил ее пониже на лоб. Из груди вырвался тяжелый вздох.

Чжэхи тем временем спрятал свои ярко-красные волосы под такую же черную бейсболку, а хвостик протянул сквозь прорезь сзади. Накинул темную куртку, снятую с одного из сектантов, и теперь выглядел как самый настоящий террорист с этой подводной базы. Впрочем, ему самому образ совсем не нравился – он все бурчал себе под нос:

– Вкус у них, конечно, отвратительный. Я бы лучше голым ходил. Фу. Еще и воняет.

Эй, Чжэхи. Рядом с тобой стоит человек, которому пришлось надеть снятую с трупа окровавленную футболку.

Син Хэрян затащил и труп, и потерявшего сознание мужчину в самую дальнюю кабинку. Потом проверил оружие, которое было при них, передал одну винтовку мне, а другую – Чжэхи. После этого зачерпнул рукой кровь с пола и размазал ее по лицу и шее. Взял кабельную стяжку и как ни в чем не бывало стянул себе запястья за спиной.

Я уставился на его связанные руки и неуверенно спросил:

– Вы точно сможете потом освободиться?

– Да.

– Отлично. Потому что я вообще без понятия, как такие штуки открываются.

Молчание.

Если потом Син Хэрян попросит меня его освободить, я даже не пойму, с какой стороны подступиться.

– Просто... в фильмах ведь обычно сковывают металлическими наручниками...

Металлические наручники можно открыть ключом, который носят с собой. А стяжки, похоже, работают совсем по-другому.

Син Хэрян проверил запястья и спокойно заметил:

– Настоящие наручники довольно тяжелые. Носить с собой неудобно. Да и стоят дорого.

– Ага. Значит, кабельные стяжки – дешевые и легкие, поэтому и в ходу?

Информация, которую я вообще не хотел знать. Наверное, чтобы все это забыть, мне потом придется уехать куда-нибудь в горы и пожить там.

Из нас троих только Чжэхи был настоящим сектантом, поэтому именно ему предстояло идти первым. Мы выстроились в следующем порядке: впереди Чжэхи, за ним – Син Хэрян со связанными руками, а замыкал колонну я, держа под прицелом «пленника». Едва я направил ствол винтовки Син Хэряну в спину, как из груди у меня вырвался тяжелый вздох.

Глава 267. То, что не горит. Часть 5

Стоило выйти из туалета, как стало легче дышать. Просто потому, что перед глазами больше не было ни трупa, ни окровавленного пола. Я изо всех сил старался выкинуть из головы образ Син Хэряна, отстирывающего в раковине окровавленную футболку, и не думать о мужчине, который упал замертво без звука, без единого стопа.

Со стороны казалось, что мы не конвоируем пленника, а просто идем рядом. Впрочем, Син Хэрян был перепачкан в крови, шел, ссутулившись, с опущенной головой и едва держался на ногах. В целом создавалось впечатление, что мы с Чжэхи хорошенько его отделали и теперь ведем добивать. Я смотрел на его сгорбленную спину, и от этого зрелища внутри все сжималось. По походке было видно: ему реально хреново. Как в таком состоянии он вообще умудрился одним движением кого-то убить? Я всеми силами старался подавить бурлящие внутри чувства сострадания, тревоги и бес-

покойства.

Я ткнул Син Хэряна дулом винтовки в спину и нарочито грубо гаркнул:

– Шевелись давай!

Не поднимая головы, он едва слышно прошептал в ответ.

– Постарайтесь говорить как можно меньше.

– А. Понял. Простите.

Похоже, Син Хэрян с первой же фразы понял, что актерскими талантами я не блистаю.

Судя по всему, идущий впереди Чжэхи услышал наш диалог – он начал смеяться и никак не мог остановиться. Я даже заперезживал, что нас кто-нибудь услышит.

К счастью, вскоре мы беспрепятственно добрались до центральной площади. Сектантов там оказалось куда меньше, чем я ожидал, – не двадцать, а человек пять от силы. Похоже, пока мы находились в туалете, они снова пытались тушить пожар – запах гари стоял такой, что щипало в носу.

Один из сектантов, завидев нас с Чжэхи, закричал:

– В лифт, живо! Эвакуируемся!

Ага. Значит, остальные уже успели перебраться на другую подводную базу.

Чжэхи как ни в чем не бывало махнул ему – понял, мол, – и жестом указал на Син Хэряна.

Заложники тем временем лежали перед статуей белого медведя в центре площади – кто лицом вниз, кто на боку. Некоторые пытались приподнять голову и посмотреть по

сторонам, но с руками, связанными за спиной, и грудью, прижатой к полу, особо не подвигаешься. В основном все лежали, немного скособочившись. Я поймал себя на желании взглядеться в лица – вдруг здесь есть кто-то знакомый, – но сдержался. Чем дольше я буду разглядывать заложников, тем выше шанс, что кто-то в ответ начнет разглядывать меня.

Среди тех, по кому я успел скользнуть мутным, расплывчатым взглядом, знакомых не было.

Продолжая держать Син Хэряна на прицеле, я повел его к самому краю группы заложников. Прижал винтовку к спине и скомандовал:

– Ложись.

Син Хэрян без возражений опустил на одно колено. Сложенные за спиной руки сковывали движения, я терпеливо ждал, пока он ляжет... но тут Чжэхи с размаха врезал ему ногой в спину. Не успел я осознать случившееся, как Син Хэрян завалился вперед. Чжэхи присел рядом и, весело посвистывая, принялся стягивать ему лодыжки кабельной стяжкой.

Судя по тому, что Син Хэрян до сих пор не заехал Чжэхи ногой, терпение у него было просто ангельское.

Со стороны было совершенно непонятно, всерьез ли Чжэхи затягивает стяжку или просто делает вид, что затягивает, но стоило услышать, как в нее вгрызаются пластиковые зубцы, и на меня накатил волна паники: похоже, все-таки всерьез. На его месте я бы просто сделал вид.

В фильмах я не раз видел, как герой рвет наручники из пластиковых стяжек, перекидывая сцепленные запястья через колено или просто одним рывком. Но на заложниках были не дешевые одиночные стяжки, а двойные, профессиональные, сделанные именно для того, чтобы фиксировать руки и ноги. Такие парой-тройкой движений не разорвешь.

Большинство заложников лежали неподвижно, но некоторые поджидали, пока сектанты отвернутся, и начинали шевелиться: терли запястья о стяжки или выворачивали кисти, пытаясь высвободиться. Толку от этого было мало – пластик только сильнее врезался в кожу. Наверное, им казалось, что действуют они незаметно, но для сектантов каждое такое движение было как на ладони.

Ну что ж, пожелаем им удачи.

У нескольких запястья уже посинели – стяжки были затянуты настолько туго, что пережали кровоток. Дальше будет только хуже: такими темпами и до некроза недалеко. И тут меня прошибло: заложников с самого начала никто не собирался освобождать.

У этих кабельных стяжек не было ничего похожего на замочную скважину, как у обычных металлических наручников. Похоже, если затянул, то все. Потом только резать. Маленькие ножницы, которыми я в клинике режу нити, разрежут такую стяжку хорошо если за полдня. Нужны ортодонтические кусачки, и даже с ними за один заход не справиться.

Чжэхи, который все это время возился с Син Хэряном,

наконец-то закончил и поднялся. Я машинально оглянулся и сразу же снова посмотрел прямо перед собой. Натянул пониже бейсболку и повыше – висевшую на шее балаклаву. От балаклавы резко пахнуло мятой. Бывший владелец то ли перепачкал ее зубной пастой, пока зубы чистил, то ли отдушкой spraysнул... Хотелось натянуть ткань еще выше – закрыть глаза, все лицо, исчезнуть, потому что со стороны выставочного зала в нашу сторону шли люди. Первой в глаза бросилась Элизабет. В белом платье и увешанная драгоценностями, она была похожа на какое-то эфемерное создание. Под руку ее держал Джамаль, но на фоне ее отталкивающе совершенной красоты все остальные просто терялись. Чуть поодаль, шагах в трех позади, шел Дэвид, который внимательно осматривал периметр.

Я судорожно сглотнул.

Они меня не знают. Не знают. Я – грозный сектант-террорист. Помешанный на прошлом психопат без будущего. Им нет до меня дела. Главное – не привлекать к себе внимания...

Но внутри все вопило. Сердце бухало в груди, как барабан: бух, бух, бух, бух, бух. Казалось, Элизабет вот-вот посмотрит прямо на меня, улыбнется своей ледяной улыбкой и воскликнет: «Вот вы где!» – после чего утащит меня за собой. Она неумолимо приближалась, и тут...

– Это Элизабет. – Чжэхи заговорил настолько внезапно, что я подпрыгнул на месте. – Красивая, правда?

Чжэхи, из-за тебя у меня чуть сердце не разорвалось!

– Ага, – ответил я, с огромным трудом сохраняя спокойствие. – Ты ее знаешь?

– Элизабет считали следующим спасителем. Было бы странно ее не знать. Украшения на ней – подарки верующих, которые не смогли прибыть на базу. Кажется, будто она с ними родилась, правда? Интересно, как бы выглядел ты, если бы тебя с ног до головы обвешали побрякушками... Хочешь, я вас познакомлю? – спросил Чжэхи таким тоном, будто и вправду собирался окликнуть Элизабет и устроить нам встречу.

Я в ужасе остановил его:

– Даже не думай. Не делай ничего странного.

Улыбнувшись, Чжэхи непринужденно закинул руку мне на плечо и привалился боком, явно используя меня как подлокотник.

– Я несказанно рад, что спасителем стала не Элизабет, а именно ты, Мухён.

Громче, пожалуйста. Пусть вся площадь услышит.

И вообще, мне вот радоваться нечему. С тех пор как я застрял в этом бесконечном дне сурка, из «приобретений» у меня только душевные травмы да ощущение, что я повидал гораздо больше, чем должен был. Понятия не имею, выбрались ли мои спутники живыми. Хочется просто лечь на пол и разрыдаться. Хочется домой.

– Мне кажется, Элизабет с ее «опытом» куда лучше подошла бы на эту роль.

К счастью, те, кто вышел из выставочного зала, не особо интересовались неизвестным террористом, который стоял рядом с заложниками.

Поигрывая серьгой в ухе, Чжэхи философски заметил:

– Драгоценности – несправедливая штука. У одних их столько, что и не сосчитать, а у других даже обручального кольца нет. С желаниями то же самое: у одних сбываются настолько просто, что их даже не ценят, а другие вкалывают всю жизнь и умирают, так и не успев исполнить одно-единственное, например купить дом. Как думаешь, какой процент людей на планете владеет настоящими драгоценностями? Очень и очень маленький.

Ну... справедливо. У меня тоже нет настоящих драгоценностей, разве что крошечные бриллианты в обручальных кольцах родителей. И все.

Когда Элизабет проходила метрах в пяти от нас, я машинально опустил голову и уставился себе под ноги. Не замечайте меня. Меня здесь нет. Я сейчас вообще на Четвертой базе. Меня здесь нет.

Почувствовав, как я весь застыл, Чжэхи положил подбородок мне на плечо и вполголоса пробормотал:

– Если спасителем станет кто-то вроде Элизабет или Рональда, то Церковь Бесконечности будет исполнять желания только избранных членов общины. Вместо того чтобы помогать обычным людям, спаситель будет вынужден потакать прихотям невообразимо богатых людей, имен которых боль-

шинство из нас никогда даже не слышало.

Я немного приподнял голову и увидел, что Дэвид Найт смотрит прямо на меня.

Черт. Только не это. И что теперь делать?.. Так, спокойно. Возможно, он смотрит на Чжэхи. С чего бы ему вообще обращать на меня внимание?

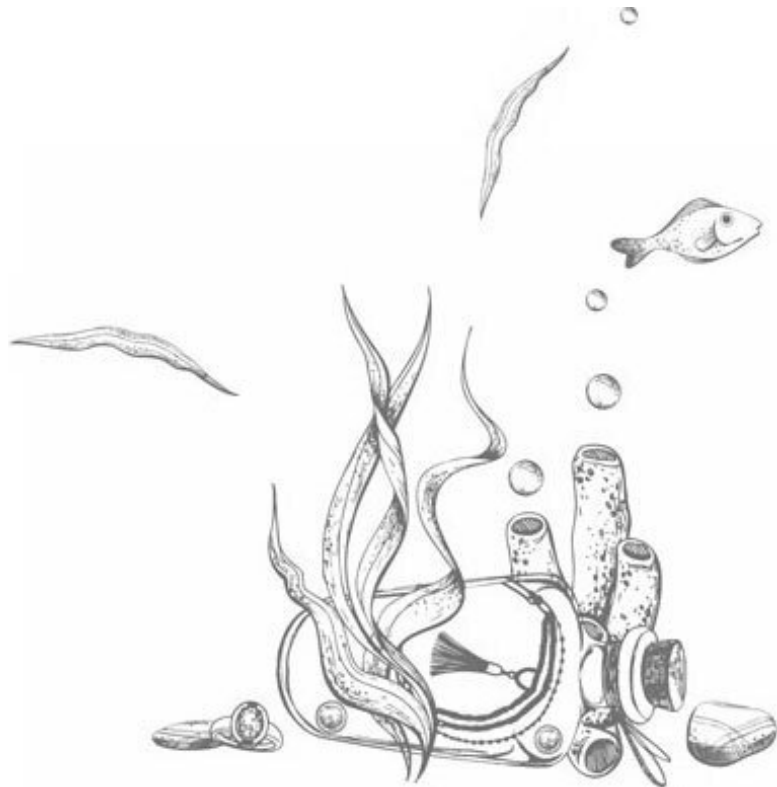
Однако, вопреки моим надеждам, Дэвид целенаправленно пошел в нашу сторону. Прямо к нам. Ко мне. Я почувствовал себя добычей и с трудом удержался, чтобы не развернуться и не дать деру. Пальцы мелко тряслись от желания поднять винтовку и направить ствол прямо ему в грудь.

Но тут из ведущего к порту коридора кто-то выбежал. Это был Майкл Роакер.

– Немедленно уходите со Второй базы! – закричал он во все горло. – Чем вы вообще занимались все это время?! Систему устроили?!

А, точно. Он же главный инженер базы. Почему он выглядит так, будто порт уже превратился в горсть пепла?

– Если не хотите задохнуться и умереть, немедленно эвакуируйтесь!

Глава 268. То, что не горит. Часть 6

Связанные и толком не понимающие, что происходит, заложники уже и так начинали понемногу паниковать от запаха гари, воющего сигнала тревоги, поэтому стоило Майклу выбежать с предупреждением, как они сорвались:

– Спасите нас!

– Развяжите!

– Я не хочу сгореть заживо!

– Вы же говорили, что если мы будем слушаться, то останемся в живых!

Заложники извивались и кричали, умоляя, чтобы их развязали. Майкл растерянно уставился на них, будто только теперь осознал, что перед ним живые люди, а не мешки с картошкой. На его лице мелькнуло сожаление – он понял, что ляпнул лишнего.

Джамаль взглянул на него и насмешливо произнес:

– Думаю, не надо объяснять, что это было опрометчиво?

– Только что объяснили, – огрызнулся Майкл. Голос звучал раздраженно, но при этом заметно тише, чем раньше, когда казалось, будто он паровозную трубу проглотил.

Дэвид раздраженно поморщился и, не говоря ни слова, выстрелил в пол. Раздался резкий хлопок, и сразу же наступила тишина.

– Если не хотите получить пулю, заткнитесь! – рявкнул он. Больше никто не кричал.

Майкл при звуке выстрела дернулся, но Элизабет даже не шелохнулась. Она чуть повернулась к нему и негромко сказала:

– Не беспокойтесь, Майкл. Эвакуация пройдет быстро. Большинство верующих уже перебрались на Первую подводную базу.

– А драгоценности? Что с ними?

– Самое ценное у меня. Вы ведь говорили, что пожар можно будет потушить?

– Можно. Вопрос в том как.

Элизабет приподняла большую квадратную сумку, необычайно прочную на вид, потом высвободила руку из ладони Джамала и ласково похлопала по этой сумке. Майкл нахмурился, но ничего не сказал и встал рядом с ней.

– Люди, которых мы отправили на Четвертую базу, сообщили, что она практически затоплена. Воды столько, что ходить невозможно. Поисковые работы прекращены. Если вентиляционная система отключится, то оставшиеся про-

держатся недолго.

– Значит, наш спаситель сейчас сидит где-то на Четвертой базе, как рыбка в аквариуме? Ха. Кто бы мог подумать, что встретиться с ним будет настолько сложно.

Как рыбка в аквариуме? Серьезно? Не зря говорится, что темнее всего под фонарем – вот и я, в черной одежде, с черным автоматом, изображаю из себя верующего Церкви Бесконечности у них под носом, а никто и не в курсе.

Любой – пациент из клиники, кто-то, мимо кого я проходил в кафе, шапочный знакомый, с которым я когда-то перекинулся парой слов, – любой из них может меня узнать. Я даже дышать боялся. Казалось, стоит кому-нибудь выкрикнуть: «Пак Мухён здесь! Вот он!» – и все, конец. В моем воображении самым вероятным предателем был человек, который легонько хлопнул меня по окаменевшему плечу и, улыбаясь, сказал:

– Ты выглядишь милым, даже когда напуган до смерти. Но трясет тебя, конечно, знатно.

Я опустил голову, делая вид, будто рассматриваю заложников, лежащих у моих ног. Я дрожу? Да. Да, наверное, дрожу. Но, к счастью, вокруг такая суматоха, что Элизабет и ее свита пока на меня не смотрят.

Тем временем заложники разглядели под слоем запекшейся крови Син Хэряна и зашептались:

– Эй, это же Син Хэрян, да?

– Глянь на его рожу!

– Сина тоже взяли!

Несмотря на связанные ноги, они попытались дотянуться до него и пнуть. Что, серьезно? Прямо сейчас, в такой ситуации? Вам заняться больше нечем?

Я вскинул винтовку и отогнал от Син Хэряна самых рьяных. Услышав шум, Элизабет повернулась и скользнула по нам равнодушным взглядом. Потом сказала:

– Пора наверх.

Большинство сектантов, охранявших Вторую подводную базу, уже успели эвакуироваться. Если считать меня и Чжэ-хи, то оставалось человек семь. Я ожидал, что будет человек двадцать, а по факту – в три раза меньше. Ближе всех к заложникам стояли трое в балаклавах и мы с Чжэ-хи.

Дэвид мельком взглянул на мою рваную футболку, потом обратился ко всем пятерым:

– Дернутая или откроют рот – стреляйте.

– Есть! – быстро отозвался Чжэ-хи.

Я молча кивнул, вспомнив, как Син Хэрян велел мне поменьше болтать. Опустил голову пониже, чтобы не засветить лицо, положил указательный палец на спусковой крючок и сделал вид, что внимательно слежу за заложниками, которые только что подняли шум.

Я уже готовился к тому, что Дэвид вот-вот спросит, какого черта у меня футболка вся в дырах, или велит снять бейсболку и опустить балаклаву, чтобы посмотреть на лицо... Но он не стал тратить на меня время. Похоже, забота о безопас-

ности группы была у него в приоритете.

Остальные начали заходить в главный лифт, и Дэвид, оторвав от меня взгляд, последовал за ними. Я мысленно умолял: не смотри на меня, просто уходи... Сердце бухало где-то в ушах. Когда Дэвид скрылся в лифте и двери за ним закрылись, я чуть не рухнул от облегчения.

Похоже, у меня кишка тонка для такого рода дел. Надо поскорее избавиться от винтовки.

Я ткнул прикладом в задницу одного из заложников, который не переставал обкладывать Син Хэряна всеми возможными оскорблениями. Сработало – он тут же замолк. Видимо, подумал, что я и правда могу выстрелить.

– А говорил, что не будешь в этом участвовать, – с весельем в голосе заговорила сектантка в балаклаве с жутким красным черепом.

Она явно узнала Чжэхи, который стоял рядом с открытым лицом.

– Мне стало скучно. Кстати, а с чего вообще начался пожар? – спросил Чжэхи с таким невинным видом, будто и правда ни сном ни духом.

Я стоял рядом и поражаюсь его актерскому мастерству. Серьезно, Чжэхи? Ты же лучше всех знаешь, что случилось!

Женщина в балаклаве с черепом ответила:

– Без понятия. Какой-нибудь дебил, наверное, сигарету швырнул.

– Судя по тому, как орал Майкл, горит не по-детски.

– Видел Дэна, который за автоматами следил? Этот идиот полез тушить пожар и умудрился подпалить себе руку. Орал так, что уши вяли.

– Вот блин. Такое шоу, и без меня?

Они беседовали, как старые приятели, а я краем уха подслушивал. Со слов сектантки, после начала пожара они попытались его тушить, но только раздули еще сильнее. Пламя перекинулось на два соседних склада и теперь угрожало добраться до нефтяных труб и даже выставочного зала, поэтому всем и приказали срочно эвакуироваться.

И тут меня как токомшибануло. Что, если из-за устроенного мною пожара сгорит вся Вторая база? От этой мысли совесть меня просто поедом ела.

Женщина в черной балаклаве, которая до этого молча стояла в стороне, вдруг сказала:

– Нам тоже пора.

– На каком лифте поедете?

– На Центральном.

– А мы с ним возьмем тот, что справа. По пути захватим конфеты из автомата.

При этих словах Чжэхи кивнул в мою сторону.

Я как раз развернул леденец, который забрал из кармана убитого, и сунул себе под балаклаву.

Услышав шуршание обертки, сектантка тихо протянула:

– А-а, ясно. – Похоже, решила, что я молчу, потому что занят леденцом. – Тогда увидимся наверху.

Я едва заметно кивнул. Мы с Чжэхи, чтобы не вызвать подозрений, действительно направились к автомату. Чжэхи, не теряя времени, с ходу принялся лупить по бедняге прикладом. Я стоял рядом и даже не пытался его остановить. Тем временем трое в балаклавах и двое без, охранявшие лифт, проверяли, все ли зашли внутрь.

Автомат, взвизгнув, наконец выплюнул пакет с леденцами. Чжэхи нагнулся, взял его и, не оборачиваясь, спросил:

– Они ушли?

– Да. Сели в лифт и уехали.

– Тогда и нам пора, спаситель.

– Да, сейчас освободим заложников и...

– Нет. Давай забудем о Син Хэряне. Сбежим вдвоем, ты и я.

– Что?

Что он сейчас сказал? Я точно не ослышался?

– У нас есть оружие. Никто не знает, кто мы. Если сейчас сядем в этот лифт, попадем прямиком на Первую базу. А там, может, и вовсе слинять удастся. – Чжэхи криво усмехнулся и начал запихивать в мой карман горсть конфет. – Если пойдешь со мной – все у тебя получится. – А потом вдруг выдал целую тираду про свою команду: – Говорят, у Син Хэряна руки по локоть в крови. Ты и сам видел, как он орудовал ножом в туалете. Обычный человек так легко на убийство не пойдет. Со Чжихёк с Пэк Эён ничем не лучше. Стоит ли стараться ради таких людей? А заложники только мешать-

ся будут. Меня уже тошнит от обычных эгоистичных людей.

Я вдруг подумал, что Чжэхи, судя по всему, сам никогда никого не убивал. Или просто не берет в расчет тех, кто погиб сам, без его прямого участия.

Но есть кое-что, чего Чжэхи обо мне не знает. Я убивал. Много раз. В других итерациях, в другом времени, которого уже никто не помнит. Но я – помню. Помню всех, кого убил, всех до единого, до сих пор.

Чжэхи нажал кнопку лифта и небрежно спросил:

– Зачем надрываться ради людей, с которыми у тебя нет ничего общего? Думай только о себе. О том, как выжить самому.

– Ты хочешь, чтобы кто-то пришел и спас тебя, Чжэхи, однако сам никого спасти не собираешься. Знаешь, я мелких людей не люблю. Давай попробуем проявить немного великодушия?

Лифтом рядом с автоматом никто не пользовался – двери распахнулись сразу. Я толкнул Чжэхи внутрь и нажал на кнопку с надписью «Первая база». Он не удержался на ногах и упал – протезы не успели среагировать на резкое движение.

– Поднимись первым и спокойно подожди. А я сделаю то, что считаю правильным.

Последним, что я увидел перед тем, как двери закрылись, было ошарашенное лицо Чжэхи.

Не теряя времени, я развернулся и бросился обратно к заложникам. Син Хэрян уже успел освободить себе руки и те-

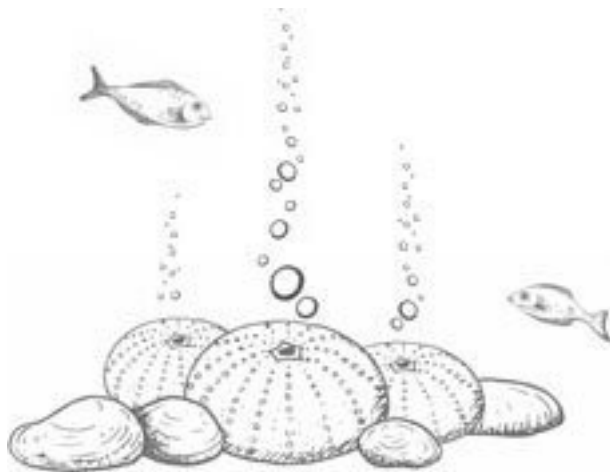
перь перепиливал стяжки на лодыжках ножом.

– Что мне делать? Как помочь?

В каком-то фильме я видел, как герой сломал себе большой палец, чтобы сузить ширину запястья и вытащить руку из наручников. Но не могу же я переломать всем заложникам пальцы! Это будет даже хуже того, что сделали сектанты.

Син Хэрян коротко бросил:

– На стене должен быть аварийный топор.

Глава 269. Драгоценные камни. Часть 1

Пробегаю вдоль стены, я наконец заметил аварийный топор и молоток. Сначала схватил топор и сразу же подумал, что и молоток, пожалуй, пригодится. Молоток засунул в карман, топор сжал обеими руками и помчался обратно к заложникам. К тому времени, как добежал, аж хрипел от одышки. Однако стоило мне приблизиться, как люди хором начали молить о пощаде.

– А?

Ну да, видок у меня еще тот: балаклава, черная бейсболка, винтовка за спиной и топор в довесок. Тут любой заорет.

Запах гари бил в нос даже сквозь ткань балаклав. Син Хэрян уже освободил ноги и теперь пилил стяжки на щиколотках ближайшей женщины. Я замер, не зная, что делать, и Син Хэрян, даже не глядя в мою сторону, крикнул:

– Сначала ноги!

Правда? Мне казалось, логичнее было бы начать с рук, но доверюсь профессионалу. Нож у него, похоже, уже изрядно затупился – он распилил стяжку примерно наполовину, а потом рывком дернул в разные стороны.

– Их можно разорвать руками?!

– У таких максимальная прочность – сто двадцать килограммов.

Сто двадцать килограммов... Не то, с чем справится обычный человек. Но Син Хэрян справился. Освободил женщину, помог ей встать и велел бежать в русский ресторан. Женщина сорвалась с места и пулей вылетела из помещения. Я проводил ее взглядом, пораженный тем, как быстро может нестись человек со связанными за спиной руками, и только потом поднял топор.

Один из мужчин, который все еще был связан, с тревогой посмотрел на меня снизу вверх и спросил:

– Эй, чувак... Ты вообще когда-нибудь держал в руках топор?

– Э... ну... нет.

– Что?! Мужик, и ни разу в жизни не махал топором?! – вскричал он так, словно я сказал нечто абсолютно возмутительное.

Вы меня простите, но в каких ситуациях городскому жителю может потребоваться «махать топором»? Вот скальпелем – другое дело. Думаю, по моей стойке видно, что я и бейсбольную битку отродясь не держал, не то что топор. Я

честно ответил:

– Случая не представилось. В повседневной жизни топор, знаете ли, пригождается нечасто.

– Тогда брось его к чертовой матери! – заорал мужчина, переходя на визг. – Я не позволю отрубить мне ноги, понял?!

И правда, смогу ли я с одного удара попасть по стяжке в сантиметр толщиной, не задев ни запястья, ни щиколотки? Спустя долю секунды я аккуратно положил топор на пол. Со всех сторон к нему поползли люди и, поставив его лезвием вверх, начали тереться о него стяжками на руках, несмотря на то что Син Хэрян велел начинать с ног. Похоже, люди считали, что в случае чего даже со связанными ногами смогут сбежать отсюда – вприпрыжку. Некоторые царапали или даже резали себе кожу о лезвие, но страх пересиливал боль.

Помещение постепенно заволгло серым туманом, и запах гари стал настолько сильным, что выворачивало. Грудь сдавило, дышать становилось все труднее, и я запрокинул голову. Под потолком клубился густой дым, значит, вентиляционная система и правда накрылась.

Женщина с каштановыми волосами, лежавшая у моих ног, попыталась вытащить из кармана брюк зажигалку, но уронила на пол и выругалась. Я поднял ее, чиркнул колесиком и поднес пламя к той части пластиковой стяжки на запястьях, которая была дальше всего от кожи. Старался быть осторожным, чтобы не обжечь, но стяжка была затянута так туго, что пламя все равно лизало тыльную сторону кисти, а

расплавленный пластик впивался в кожу.

– Ай! Горячо! Ай-ай-ай, черт!

– Простите. Еще чуть-чуть. Вы держитесь отлично.

– Сколько еще?!

– Почти, почти все.

Пластик начал плавиться. Дождавшись, пока он станет мягким, вязким, я схватил стяжку, дернул что было сил, и... она лопнула. Расплавленный пластик обжег пальцы. Стяжка оказалась такой прочной, что теперь у меня гудели руки, а на указательном пальце отпечатался ее контур. Будем честны: если бы она не расплавилась наполовину, я бы точно не справился.

Руки нам удалось освободить, но тыльная сторона кисти покраснела – ожог первой степени. Женщина выглядела так, будто вот-вот заплачет, но вместо этого вырвала у меня зажигалку и начала сама оплавливать пластик вокруг стяжки на щиколотках. Тем временем Син Хэрян, освободив еще одного человека и отправив его бежать в сторону фудкорта, поднял голову, осмотрел потолок, потом быстро пробежался взглядом по оставшимся заложникам и крикнул мне:

– Доктор! Вы говорили, что хотите заглянуть в выставочный зал! Если идти, то сейчас!

Он помнит об этом? У меня самого в суматохе напрочь все вылетело из головы. На полу еще оставалось много людей – связанные по рукам и ногам, они катались из стороны в сторону. «И меня развяжите!» – доносилось со всех сторон;

из-за дыма и вони крики сливались в какое-то звериное завывание.

– В такой ситуации... разве я могу просто уйти? – спросил я.

– Идите, – ответил Син Хэрян. – Здесь я сам разберусь.

Он протянул руку, требуя винтовку. Я быстро стянул ремень с плеч и передал ему. Син Хэрян привычным движением забросил оружие себе за спину и тут же спросил:

– Помните, где мы договорились встретиться?

– В ресторане «Хлеб да соль»!

– Постарайтесь прийти как можно скорее. Задержитесь – уйду без вас.

С этими словами Син Хэрян поднял с пола топор, которым заложники пытались перепилить стяжки, и подошел к тому самому типу, что раньше пытался его пнуть. Схватил за запястье. Тот сразу начал вырываться, дергаться, пинаться.

– А-а-а-а! Син! Ну нельзя же так! Я же тогда просто сгоряча наговорил! Ну правда же!

Он отчаянно извивался, пытаясь высвободиться, и связанными ногами умудрился лягнуть Син Хэряна в предплечье. Син Хэрян выронил топор, поморщился, а потом уже голым кулаком со всей силы ударил мужчину по темечку.

Раздался глухой удар, и мужчина резко обмяк. Син Хэрян поднял топор, зажмурился на секунду, будто от головокружения, потом открыл глаза. Тяжело вздохнул, приложил лезвие к стяжке на запястьях мужчины, навалился всем телом –

и разрубил. Потом швырнул топор этому же мужчине и коротко велел:

– Освобождай остальных.

Женщине со связанными ногами велел не шевелиться, а потом повернулся ко мне:

– Увидимся позже.

Наши взгляды встретились. Он был прав. Если не уйду сейчас, другого шанса может не представиться. Кто знает, вернусь ли я вообще когда-нибудь на Вторую базу? Син Хэрян разберется и освободит тех, кто еще связан. Надо идти.

Я резко развернулся и побежал в сторону выставочного зала. Было ощущение, будто кто-то вцепился мне в затылок и тянет назад, но я не останавливался. Обернулся на бегу – Син Хэрян как раз прижал дуло винтовки к чьим-то стяжкам.

Прогремел выстрел, и я тут же вбежал в выставочный зал. На скользком полу меня занесло, одна нога уехала вперед, и я рухнул на задницу. Головой, к счастью, не ударился, но копчик, казалось, треснул. Прямо перед глазами красовалась надпись: «Океан: великая колыбель жизни и времени».

Я кое-как поднялся на четвереньки, потом встал. Блин. Как же больно. Казалось, задница раскололась на десять частей. Я ощупал место удара и понял, в чем дело, – я приземлился прямо на аварийный молоток, который сам же и засунул в карман. Просто прекрасно.

Потирая руки, бока, поясницу и все остальное, что успел ушибить, я прихрамывая двинулся в глубь зала. Тишина стояла такая, что в ушах звенело, – толстые двери отрезали это место от ада, который бушевал снаружи.

Голографические волны цвета морской синевы с шумом пронеслись сквозь меня, будто настоящий прибой. Экспозиция в автоматическом режиме начала рассказывать о том, как на планете по имени Земля зародилась жизнь, но я почти ничего не слышал.

«Неудачно я все-таки упал», – пронеслось в голове.

Проходя мимо одного из экранов, откуда доносился шум волн, я на мгновение остановился – взгляд невольно зацепился за изображение. Яркая прозрачная вода, такая чистая, что видно дно. Мягкий, как мука, белый песок. Слепящее полуденное солнце. Чистый, прохладный шум волн накатывал успокаивающе. Стоило мне остановиться перед экраном, как картинка раскрылась вокруг меня на триста шестьдесят градусов. Вода превратилась в голограмму, подошла почти к моим ногам, рассыпалась белой пеной, которая заискрила в воздухе, и отступила. Волны накатывали снова и снова. Где-то вдали кричали чайки, белые облака лениво плыли вперед по бездонному синему небу, как будто в мире вообще не существовало никаких забот.

...Хочу туда.

Я стоял, тупо уставившись на ослепительный пляж, пока боль в пояснице и ушибленной заднице не вернула меня в

реальность. Указательный палец тоже ныл – тот самый, который я обжег, пока плавил стяжку. Изломанное и покалеченное тело не давало провалиться в этот хрупкий, сладкий мираж, снова и снова напоминая о том, где я нахожусь.

Я тихо шмыгнул носом и, прихрамывая, пошел вперед.

Дальше шли ролики про дельфинов и акул. Стоило увидеть последних, как я будто наяву почувствовал острые зубы, впивающиеся мне в бок. В голове прояснилось – резко, как после ведра кофе, – и я поплелся дальше. Через некоторое время взгляд наткнулся на андроида с белокурыми волосами. Даже удивительно, но его лицо не вызвало злости, как я ожидал. Радость от встречи перевесила старые обиды. Его глаза цвета расплавленного золота смотрели на меня без малейших эмоций. Машины не виноваты. Виноваты те, кто их делает и использует.

Обливаясь холодным потом и потирая ушибленную спину и копчик, я кое-как доковылял до него и сказал:

– Рад снова вас видеть. Не могли бы вы помочь и донести меня до конца выставки?

Андроид несколько секунд не двигался, потом молча наклонился и поднял меня на руки с такой легкостью, будто я весил не больше мешка с ватой. Я машинально обхватил его за шею руками и сразу понял, что, должно быть, чувствовал раненый Чжихёк, когда был на моем месте. Ощущения так себе: андроид был весь из жестких углов и холодного металла. Даже зная, что он меня не уронит, я все равно подсозна-

тельно напрягся.

Шагая совершенно бесшумно, андроид ровным синтетическим голосом произнес:

– Рад встрече, путник, странствующий по морю времени. Как проходит ваше путешествие?

– Я устал. Хочу домой. Посмотрю еще парочку самых важных экспонатов и уйду отсюда.

– Я буду вашим проводником. Самый известный экспонат данной выставки – алмаз, вобравший в себя сияние звезды. Он весит три тысячи двести карат и считается самым крупным алмазом в мире.

Глава 270. Драгоценные камни. Часть 2

Понятия не имею, сколько вообще может стоить алмаз в три тысячи двести карат. Помню только, что один из моих университетских приятелей купил обручальное кольцо в два карата, а потом долго ходил, причитая, что у него в кошельке дыра и в глазах темнеет при мыслях о ценнике. А тут – три тысячи двести карат. И вот теперь андроид, пересекая зал, где витрины ломились от всевозможных драгоценностей, начал рассказывать о камне. До недавнего времени самым крупным алмазом в мире считался Куллинан – 3106,75 карата. Андроид невозмутимым голосом вещал о том, как его распилили британцы: одну часть вставили в корону, другую – в брошь, еще что-то пошло на серьги, кольца и так далее. Разница между первым и вторым местом – 94 карата. Это много? Мало?

– Почему же алмаз, который выставлен здесь, не признан крупнейшим в мире? – спросил я.

– Потому, что он находится в частной коллекции и никогда не выставлялся публично.

Значит, кто-то держал эту махину в сейфе и никому не показывал?

Для такого человека, как я, у которого даже камня его знака зодиака нет, все это звучало как новости из параллельной реальности.

– А где вообще добывают такие огромные алмазы?

– Куллинан был добыт в Южной Африке. Свое название он получил в честь владельца рудника, Томаса Куллинана.

Южноафриканский алмаз в британской короне? Хм.

– А этот, что на выставке? Где его нашли?

– Он был добыт в Сьерра-Леоне, точное место неизвестно. Предположительно, был получен от повстанцев во время гражданской войны.

Понятия не имею, где находится Сьерра-Леоне, но почти уверен, что где-то в Африке. Как так вышло, что алмазы, которые должны были там и остаться, умудрились оказаться непонятно где?

– И как называется алмаз, который мы сейчас увидим?

– У него пока нет официально закрепленного названия.

От этих слов у меня внутри поднялась волна тревоги – мне ведь говорили, будто на алмазе выгравировано мое имя.

– То есть никто не потрудился дать имя этой глыбе?

– Обычно имя дает владелец рудника или самого алмаза. Этот иногда называют «Слезы Мессии», «Бессмертная

душа» или «Источник времени», но официального имени у него пока нет.

Любое из этих трех подошло бы. И зачем, спрашивается, лепить туда мое имя? Неужели этот дорогуший камень теперь официально зовется «Пак Мухён»? Мне не хотелось копаться в логике, по которой действуют сектанты, но от одной этой мысли стало жутко.

Андроид, явно воодушевленный перспективой показать алмаз очередному туристу, бодро понес меня сквозь ряды сверкающих камней. Оказавшись на таком расстоянии, с которого постамент уже можно было разглядеть невооруженным глазом, он на секунду замер.

Даже с моим зрением – настолько паршивым, что каждый камень троился, – было отчетливо видно: никакого алмаза на постаменте нет. Осознав, что камень, который раньше приковывал к себе взгляды своим ослепительным сиянием, исчез, андроид ускорил шаг. От неожиданности я покрепче обхватил его предплечьем за шею и не отпускал, пока он не остановился у пустого пьедестала. Потом посмотрел на него сбоку и с трудом выдавил:

– Тут ведь ничего нет.

Андроид застыл. То ли обновлял данные, то ли завис от потрясения. Может, сломался? Однако спустя несколько секунд он все же ответил:

– В связи с риском пожара и возможной кражи экспонат временно перемещен в другое место.

– А. Ну... ладно. Обидно. Надеюсь, в следующий раз увижу.

Наверное, алмаз в той квадратной сумке, которую несла Элизабет. Видимо, пока его забирали, андроид выполнял какие-то другие поручения и не стоял в зале.

– Я слышал, что на выставке есть поврежденные экспонаты. Сколько их и где они находятся?

– Всего восемь. Желаете осмотреть?

Восемь? Целых восемь?

Даже мне, человеку, которому вообще плевать на драгоценности, стало не по себе, когда я услышал это число. Разве камни так просто крошатся? Я-то думал, они как раз тем и ценятся, что твердые и их фиг расколешь. Что вообще нужно сделать, чтобы повредить восемь экспонатов сразу?

Андроид отвечал совершенно равнодушно, словно разбитые экспонаты его совсем не касались. Ну, технически так оно и есть, он ведь просто экскурсовод.

Я заколебался, думая о пожаре, который бушевал снаружи. Надо бы велеть андроиду немедленно вынести меня из зала... но любопытство пересилило.

– Пойдемте посмотрим.

Кажется, между моими «воскрешениями» и разбитыми драгоценностями нет никакой связи. Количество петель и камней не совпадало.

Андроид остановился у постамента, который находился всего в нескольких шагах от того места, где должен был быть

алмаз. Я ожидал увидеть вокруг россыпь осколков, но увидел только пепел, немного золы и обожженные черные следы.

Это и есть «развалившийся на части» камень? Скорее уж на миллион частей. Похоже, он просто сгорел. Исчез, рассыпавшись в пепел. Я уставился на обугленные следы, потом осторожно протянул руку к пеплу. Стоило его коснуться, как все вокруг исчезло.

Только что я был в выставочном зале на Второй подводной базе и вдруг оказался в коридоре жилого блока Пэкходона. Вода уже доходила до щиколоток. Посреди тусклого затопленного коридора кто-то стоял. Он не двигался. Я подошел на шаг ближе и понял, что это я.

Прямо передо мной, у двери своей комнаты, стоял я сам в пропитанной кровью рубашке и смотрел в никуда. В одной руке держал Ноыля, в другой – семейную фотографию. На плечах у меня висел растянутый рюкзак; казалось, еще чуть-чуть и все содержимое вывалится наружу.

Я просто стоял посреди коридора, в оцепенении наблюдая, как вода все поднимается и поднимается. И тут по коридору пронесся чей-то вопль. Из своей комнаты выскочил Карлос и заорал:

– Какого хрена все затопило?! Что вообще случилось?!

Карлос мчался по коридору, осыпая проклятиями и морскую воду, и всю Подводную станцию, потом заметил «меня», стоящего неподвижно посреди коридора, и обошел стороной. Даже головы не повернул. Будто меня просто не су-

ществовало.

Из соседней комнаты вышел Владимир. Увидев воду, он откинул со лба светлые спутанные волосы, зевнул... и спокойно вернулся обратно.

– Никита, – позвал он, и почти сразу по коридору Пэкходона пронесся оглушительный сигнал тревоги.

Двери во всех комнатах блока распахнулись одна за другой, под потолком замигали красные лампочки, и люди начали выбегать в коридор, кто в трусах, кто наполовину одетый.

Никита на бегу натягивала штаны, прижимая к груди футболку и куртку, и тут заметила «меня», стоящего посреди коридора.

– Ты чего завис? Не собираешься валить?

Моя комната была прямо у центральной лестницы. Стоило только подняться, и можно спастись. Но «я» стоял, ничего не делал и просто смотрел на прибывающую воду. Никита подошла вплотную, схватила «меня» за ухо и дернула как следует.

– Эй! Очнись уже! Ты вообще собираешься выбираться? Или хочешь подождать, пока все водой не зальет?!

Владимир тем временем схватил за лодыжку Николая и стащил его с кровати. Николай спокойно дрых, но стоило ему оказаться в ледяной морской воде, как он взвыл и взорвался потоком русских ругательств, барахтаясь и пытаясь встать.

Полусонная София тоже вышла в коридор и подняла над головой планшет – изо всех сил старалась не замочить. Зе-

вала так широко, что казалось, вот-вот вывихнет челюсть. Виктор, держась за голову, которая раскалывалась с похмеля, пнул в сторону стул, лениво плывущий к нему по воде. София моргнула, пытаясь осознать, что вообще происходит: вода в коридоре уже доходила ей до бедер.

– Что случилось... Мне кажется, я все еще сплю, – пробормотала она, и ее озадаченный голос эхом прокатился по коридору.

Тут из своей комнаты вышел Николай – с брюками и рубашкой под мышкой – и заявил Виктору и Софии:

– Это я ночью нассал.

– Ну конечно.

– Не носи фигню, – поморщилась София и посмотрела в сторону Никиты, которая продолжала трясти «меня» за плечи. – Ника, у него кровь из носа хлещет. Вся рубашка в крови. Видимо, вытирал рукой, – заметила она, склонив голову.

Подошел Виктор, посмотрел на «меня» и лениво прокомментировал:

– Это стоматолог, который недавно приехал.

– Да его, похоже, шоком накрыло. Стоит, как зомби, даже не дышит.

Никита помахала рукой у «меня» перед лицом и цокнула языком, когда «я» никак не отреагировал.

Виктор же осмотрел «меня» сверху донизу – от мокрых волос до воды на уровне пояса – и бросил:

– Забей на него. Пошли.

Николай, подняв одежду над головой, зашлепал вверх по лестнице.

Владимир, который успел обежать все комнаты, прорвался сквозь волны обратно к ним и крикнул:

– Ирины и Дмитрия нигде нет!

– И что теперь делать?

– Искать их, что же еще?!

Прежде чем подняться по центральной лестнице, Владимир вдруг обернулся и посмотрел на «меня». Потом без лишних слов схватил за шкуру и потащил вверх по ступенькам. Ноги у «меня» оторвались от пола, и «я» болтался, как надутый шарик, пока он вытаскивал меня из затопленного общежития.

Стоило Владимиру выйти, как Виктор сразу же захлопнул и запер дверь, ведущую к жилому блоку.

Владимир поставил «меня» на пол и сказал:

– Это тебе за доброту, док.

Потом легонько похлопал «меня» по щекам. Подошел Николай, взял «меня» за подбородок, повернул голову туда-сюда и заглянул мне в глаза.

– Он что, под чем-то? Совсем невменяемо. Он всегда таким был?

– Нет. Для корейца он вполне нормальный.

– Может, башкой приложился? Он же весь в крови. Его бы в больничку, – вставила София.

Инженеры начали переглядываться и рассматривать мою

полосатую рубашку, залитую кровью.

– И что теперь с ним делать?

– Тащить его с собой – морока. У нас и так уже двоих нет.

Некогда еще и с ним возиться.

– Я о нем позабочусь, – сказал Николай, глядя прямо на «меня». – Он мне покойного брата напоминает.

– У тебя братья-близнецы. Оба живы.

– Был еще один. Старше их. Лет десять назад на зимней рыбалке якобы случайно провалился под лед и утонул.

Никита поморщилась. Николай похлопал «меня» по спине и продолжил:

– Мамке было тяжело растить даже здоровых детей, а тут... В общем, встретим корейцев, скажем, что за ними должок. А если станет жарко, пустим доктора вперед. Ладно, пойдем, доктор. Если не пойдешь сам – пинками погоню.

Николай подтолкнул «меня» в спину, и «я» тронулся с места, еле переставляя ноги. Некоторое время я со стороны наблюдал, как безвольно плетусь рядом с инженерами из команды «Да».

...А потом открыл глаза.

И резко отдернул руку от пепла.

Глава 271. Драгоценные камни. Часть 3

Что я сейчас видел? Откуда взялись те воспоминания? Это... действительно произошло со мной? Если да, тогда почему в голове пусто? Что случилось после тех событий, которые я только что увидел? Чем все кончилось?

Сколько времени прошло? Снаружи пожар, нужно как можно быстрее добраться до русского ресторана, а я тут прохлаждаюсь.

Но стоило вспомнить, как «я» со стеклянными глазами стоял посреди коридора и никак не реагировал на поднимающуюся воду, меня передернуло от отвращения и какого-то внутреннего неприятия. Это был не я. Не Пак Мухён. Я не стал бы просто стоять. Я бы так не поступил.

Но разум – холодный, безжалостный – шепнул: «Правда? Тогда где все инженеры из команды „Да“? Почему, когда ты проснулся в последний раз, в Пэкходоне не было ни души?

Они ведь, по твоей же логике, должны были успеть эвакуироваться с базы. Тебе самому утром не показалось странным, что их комнаты пустые? Почему? Тогда... сколько еще у тебя в памяти таких провалов?»

Это точно четвертая петля? Или их было больше? Сколько раз я ходил вот так – без сознания, без мысли, без себя? Я не знаю, что происходило с тем «мной». Не помню. Ничего не помню. Наверное, что-то похожее испытываешь, когда приходишь в себя после бурной ночи и не понимаешь, где ты и как сюда попал.

Мысль о том, что из моей памяти вырезаны куски прошлого, пугала до дрожи.

Андроид молча стоял рядом и наблюдал, как я разваливаюсь на части. В какой-то момент наши взгляды встретились. В его глазах, отражающих свет, не было ни намека на эмоции. Как и положено машине. Меня трясло от растерянности, страха, тревоги, удушающего чувства безысходности... однако все вокруг выглядело так же, как и несколько минут назад. Буря в стакане воды, вот и все. Надо успокоиться. Объективно ситуация не изменилась. Просто... теперь я знаю о происходящем чуточку больше.

Я попытался отделаться от ощущения надвигающейся катастрофы. Страх накрывал с головой, но в этой пустой, безразличной тишине мне удалось быстро взять себя в руки. Я сделал несколько глубоких вдохов, потом показал на разрушенный постамент и спросил у андроида:

– Сколько времени я прикасался к пеплу?

– С момента контакта прошло две секунды.

Две... секунды? Меньше, чем я думал. Мне казалось, прошло минут десять. Получается, я отдернул руку почти сразу? На мгновение меня накрыло желание прикоснуться к пеплу снова, но после того, что я только что увидел... смелости просто не хватило.

– Кто-нибудь еще прикасался к нему?

Андроид помолчал, будто сверялся с данными, а потом ответил:

– Были люди, приходившие для фиксации состояния экспоната, но, судя по записям, никто из них не касался пепла напрямую.

Хорошо. Значит, эту «запись» видел только я. Интересно, если бы кто-то другой коснулся пепла, увидел бы он то же самое? И вообще, это же мои воспоминания! Мысль о том, что посторонний может получить к ним доступ, тревожила меня до глубины души.

Уже само по себе странно, что в пепле от сгоревшего камня оказались мои воспоминания. Почему? Как кусок минерала, который рассыпался пеплом, может хранить то, что должно быть у меня в голове? Тогда что я такое? Где «хранится» мое «я»? Если мой мозг – не хранилище воспоминаний, то что? Пустая оболочка? Что вообще происходит?

Я снова посмотрел на горстку пепла и мелких обугленных угольков – от самого камня не осталось ни следа – и неволь-

но подумал: «Интересно, можно ли его как-то восстановить, вернуть ему прежнюю форму?» Примерно через пять секунд покачал головой. Нет. Это невозможно. Обратного пути нет. Уголь обратно в дерево не превратишь.

Почему «я» из воспоминания стоял с окровавленным носом и пустыми глазами и не двигался? Что-то со мной было не так.

Сегодня утром я тоже проснулся с носовым кровотечением – кровь прямо на пол капала. А ведь накануне вообще не перенапрягался, не делал ничего, что могло бы привести к кровотечению. Воздух, что ли, был настолько сухим, что сосуды в носу полопались? Да нет же, спустя считанные минуты пол превратился в бассейн, и явно не от недостатка влаги.

После первой петли с телом все было нормально. Да, меня знобило, трясло, но ничего критичного. Я списал случившееся на кошмар и даже посмеялся. Но сегодня с утра кровь хлестала, будто из крана, и останавливаться не собиралась.

Почему с каждой «перезагрузкой» мое состояние ухудшается? Какую цену я плачу за то, что снова и снова возвращаюсь к жизни?

Если даже акулы вымирают, а драгоценные камни буквально сгорают дотла, то почему мое тело – то самое тело, которое бесконечно умирает и воскресает, – должно оставаться целым и невредимым?

Даже те, кто возвращается к жизни без единого воспоминания, жалуются потом на физическую боль. А я? День за

днем во мне копятся воспоминания, боль, страх, отчаяние – слой за слоем. Сколько еще слоев выдержит мой мозг?

Я никак не мог отделаться от мысли, что закончу так же, как в увиденном воспоминании: лишусь рассудка и буду вечность бродить по Подводной станции в одиночестве.

Стоило это представить, и меня сковало страхом до кончиков пальцев. И что мне теперь делать?..

Я закрыл лицо руками и не двигался, пока в нос не ударил запах гари и не заставил поднять голову. Готовые было пролиться слезы тут же испарились, их вытеснили мысли о том, что ждет меня дальше. Сейчас мне больше всего хотелось сесть где-нибудь в уголке, разреветься и посетовать на свою несчастную долю, но даже на нормальную истерику нужны силы и свободное время.

– Можно забрать этот пепел и угольки с собой?

– Упомянутые материалы не зарегистрированы как часть экспозиции.

Вот и отлично. Судя по формулировке, сектанты из Церкви Бесконечности либо не могут прочесть мои воспоминания, либо вообще не знают о такой опции.

Я огляделся в поисках чего-нибудь, во что можно собрать пепел, не касаясь его голыми руками, но поблизости не оказалось ни пакетов, ни коробочек – ничего. Тогда я просто снял с ноги носок, натянул его на руку, как варежку, осторожно зачерпнул пепел с уголками и вывернул носок наизнанку, превращая в мешочек. Горловину носка я несколь-

ко раз перекрутил и кое-как завязал, после чего запихнул получившийся сверток в карман. Потом посмотрю это «пепельное ТВ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.